

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АННА КАЛИНКИНА

ПОД-МОСКОВЬЕ

ВПЕРВЫЕ ТРИЛОГИЯ ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ

Анна Калинкина
Метро 2033: Под-
Московье (сборник)
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10855845
Калинкина, Анна Владимировна. Метро 2033: Под-Московье :
[фантастические романы]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089715-5

Аннотация

Когда-то Подмоскovie считалось провинцией и почти деревней рядом с блистательной Москвой – столицей России, одним из крупнейших и дорогих мегаполисов мира. Но так было лишь до тех пор, пока Последняя Война не загнала остатки человечества под землю. В тесное переплетение туннелей метрополитена, секретных бункеров и подземных коллекторов. В Под-Московье. Но даже здесь, в Царстве крыс, в котором правят голод и нужда, а цена человеческой жизни измеряется в патронах к автомату Калишникова, осталось место для веры, любви и надежды – трех самых ярких светильников, погасить которые не под силу даже самому беспросветному мраку.

Трилогия писательницы, по праву носящей титул Первой Леди Вселенной Метро 2033! Целая галерея ярких, живых, запоминающихся образов. Анна Калинкина не рассказывает свои истории – она, словно опытный корреспондент, ведет прямой репортаж из постапокалипсиса. Такое нельзя пропустить!

Содержание

Станция-призрак	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	48
Глава 3	79
Глава 4	107
Глава 5	140
Глава 6	174
Глава 7	221
Глава 8	281
Глава 9	301
Конец ознакомительного фрагмента.	310

Анна Калинкина

Метро 2033: Под-Московье

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© А.В. Калинкина, 2015

© Д.А. Глуховский, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Станция-призрак

Пролог

Девочка забилась в щель, куда, казалось, не смогла бы поместиться даже кошка. Она слышала снаружи шумные вздохи, потом толстая лапа почти коснулась ее плеча. В темноте, наугад, девочка ткнула кулачком – не попала.

– Уходи! Все равно не достанешь.

Опять послышалось шумное сопение. И вдруг стихло. А вдали раздавались другие звуки – чьи-то шаги, голоса. И будто бы даже свет блеснул.

– Видишь, это люди! Теперь я попаду к маме. Уходи, прошу тебя. Они могут тебя убить.

Она в последний раз услышала звук, похожий на вздох. Потом тяжелая туша стала удаляться почти бесшумно. Девочка, подождав немного, выползла из щели.

Шаги становились все громче, приближаясь...

На девчонку упал луч фонарика.

– Ничего себе, – удивился один из подошедших. – Ты откуда здесь?

– Я хочу к маме, – сказала девочка.

– Ну, это понятно, – сказал другой. И, посветив вокруг фонариком, тихо присвистнул. Тонкий луч выхватил из тем-

ноты рельсы, шпалы и какой-то странный небольшой предмет. Рассмотрели поближе... Оказалось – скрюченная кисть руки, судя по всему, женской.

– От мамы-то, по ходу, не так уж много осталось, – пробормотал себе под нос первый, стараясь, чтобы девочка не услышала.

Второй в это время достал что-то из рюкзака, протянул девочке:

– На-ка вот, поешь. Голодная, небось?

Девочка с аппетитом впилась зубами в кусок вареной свинины. Угостивший ее довольно улыбнулся.

– Значит, ты шла с мамой, – осторожно спросил он, – а потом что случилось?

– Не с мамой, – невнятно пробормотала девочка, – с дядей Федором и теткой Люсей. Моя мама осталась на Беговой. Она будет ждать меня. Ты отведишь меня к ней?

– Не повезло тетке Люсе, – тихонько заметил первый. – А поискать, так и дядька Федор где-нибудь поблизости найдется. Скорее всего, то, что от него осталось, свободно поместится в карман. Как же детеныш-то уцелел?

– Пошли отсюда, – сказал второй. И взял девочку за руку. Девочка, доверчиво улыбаясь, засеменила рядом с ним. Это были добрые люди. Они улыбались ей и дали вкусной еды. Если все как следует им объяснить, они и к маме ее отведут.

Если бы она знала об этих людях побольше, то кинулась бы обратно в туннель, туда, где скрылось недавно неведомое животное. Но она еще не понимала, что даже нападение диких зверей предпочтительнее встречи с некоторыми двуногими.

И спокойно позволила себя увести.

Глава 1

Побег

– Тебе идет белый цвет, Нюта.

В специально отгороженном в конце станции закутке худенькая темноволосая девушка в потрепанных брюках и выцветшей майке хлопотала вокруг подруги.

– Да, я знаю, а толку-то?

– Осторожно, не шевелись – порвется. Вот здесь надо покрепче пришить.

– А зачем? Все равно оно одноразовое, – иронически сказала высокая светловолосая девушка, оправляя на себе белое платье, собранное неизвестно из каких лоскутов, но выглядывшее очень живописно.

– Но ты же не хочешь, чтобы оно через пять шагов с тебя свалилось, – подала голос седая, коротко стриженная женщина в какой-то хламиде защитного цвета, наблюдавшая за примеркой.

– Да уж – вот охранникам был бы праздник, – с той же горькой иронией сказала Нюта. Видно было, что седая хотела ее одернуть, но пересилила себя и смолчала.

– Ну, теперь ты, Крыся, – обратилась она к темненькой. Та быстро, равнодушно стянула майку и брюки и взяла из рук седой свое платье. Оно тоже было в своем роде произведением искусства, если учесть, что шить было нечем и не

из чего. Но Крыся никакого восторга не выказала. Натянула, машинально одернула и, убедившись, что сидит хорошо, пожившись, осторожно сняла опять. Казалось, в своей старой потрепанной одежде она чувствует себя уютнее.

– Как же мне надоела эта кличка твоя дурацкая, – вдруг в сердцах сказала Нюта. – Давай тебе другую придумаем уже.

– Не хочу, меня мамка так звала. Да и какой смысл? Как говорит баба Зоя, – и Крыся метнула взгляд в седую, – у меня и так скоро будет другое имя. Какая разница, как будет называться та горстка костей, которая от меня останется?

– Дуры вы, девки, – вздохнув, сказала седая. – Великая честь вам оказана.

– Нас никто не спрашивал, – сообщила Нюта, – а мы бы от этой чести охотно отказались.

– Да вам такое питье дадут – будете сны красивые видеть. И Солнце увидите напоследок. Красивей этого ничего нету. Вам позавидовать можно.

– Ну, пусть те, кто завидует, идут вместо нас. Я бы предпочла увидеть Солнце и остаться в живых, – сказала Нюта.

Седая опять смолчала. В последний месяц перед жертвоприношением девушек старались по возможности баловать, не обращать внимания на крамольные речи. Ясно же – сколько ни говори о чести, о высокой миссии, на тот свет по своей воле никто бы не стал торопиться. Но кому-то надо и пострадать за всех – так говорит Верховный.

Закончив примерку, они неторопливо пошли через стан-

цию к своим палаткам. Станция тонула в полумраке – ее тускло освещали немногочисленные лампочки, свешивавшиеся с потолка на шнурах в нескольких местах. Впрочем, тут и разглядывать было особенно нечего – два ряда серо-белых колонн, цементный пол. Стены тоже выглядели бы убого, если бы их не оживляли кое-где рисунки и надписи. Кто-то рассказывал Нюте, что это называлось «граффити». За рисунки явно следовало благодарить не строителей, а неведомых самоучек, впрочем, безусловно талантливых. Попадавшиеся по пути люди, по большей части в потрепанном камуфляже, провожали троицу почтительными взглядами. Нюта не обращала внимания – за последние дни она к таким взглядам привыкла. Она машинально разглядывала надписи, украшавшие стены. Скорее всего, большинство из них было сделано еще в незапамятные времена забредавшими сюда диггерами и подростками. Стадион «Спартак» между Щукинской и Тушинской так и не успели ввести в строй до Катастрофы. Баба Зоя рассказывала, что такие станции, построенные, а потом по какой-то причине заброшенные, назывались станциями-призраками. Нюта большинство надписей выучила уже наизусть, по ним иногда на станции учили читать детей. На одной стене было крупно написано «Спартак – чемпион» и нарисован гибрид человека и гигантской летучей мыши. Сбоку наискосок шла надпись «Наутилус навсегда». На другой стене часто попадалось изображение одной и той же темноволосой девочки с раскосыми черными

глазами и стильной челкой. Из надписей можно было узнать, что Машка – дура, что анимэ спасет мир, что здесь был какой-то Женя и что Саша любит Лену. И чуть пониже, в самом углу, была еще одна надпись. Нюта так часто перечитывала ее, что теперь не было нужды смотреть – надпись будто намертво впечаталась в память.

«Никто не выйдет отсюда живым».

Кто это написал, когда? Сразу после Катастрофы, когда люди, запертые под землей, начали осознавать масштабы бедствия? И поняли, что отныне на поверхности им жить не суждено?

Вместо неба над головой – серый потолок. Тусклый свет – от нескольких лампочек. Впрочем, Нюта никогда не видела неба, ей не с чем было сравнивать.

Люди вокруг были заняты привычными делами. Женщины, старики и подростки рыхлили землю на небольших плантациях шампиньонов, находившихся недалеко от станции в ответвлениях туннелей. Кто-то из них задавал корм сидевшим в клетке крысам. Их, увы, тоже нужно было чем-то кормить до тех пор, пока они сами не отправлялись в суп. Несколько вооруженных мужчин обходили установленные в туннелях крысоловки. Как обычно, ждали с нетерпением возвращения сталкеров с поверхности, гадали – вернутся ли они в полном составе, и если да, то принесут ли что-нибудь съестное, или им опять не повезет. Повариха помешивала в большом алюминиевом котле – на обед снова был суп из

шампиньонов, куда для навара кинули несколько крысиных тушек.

Врач Николай Федорович перебирал немногочисленные инструменты, разложенные на тряпице, которую он условно считал чистой. На самом деле его куда больше интересовал запах из котла.

Все знали, что на врача особо рассчитывать не приходится. Николай Федорович был противником хирургического вмешательства. Он объяснял, что предпочитает гомеопатию, хотя многие подозревали, что на самом деле он просто не умеет оперировать. Зато у него сохранился допотопный прибор для измерения давления, и лечение он всегда начинал с этой процедуры. Лекарств у него все равно почти не было, в основном от головной боли и от поноса, и то просроченные. Зато он считался непревзойденным диагностом. Считалось, что он безошибочно может установить, от чего умер больной.

Мимо прошел Верховный в сопровождении двух охранников, одетых в черное. Был он, как всегда, в плащ-палатке, которая на нем смотрелась как тога. Милостиво улыбнулся Зое. Нахмурился, взглянув на Нюту. Крысю даже не удостоил взглядом.

Зоя шла и чувствовала, как снова наливается бессильным гневом. Эти две девчонки такие хорошенькие. Особенно Нюта. Когда ее нашли в туннеле, это был худенький заморыш, и Зоя возилась с ней, поила отварами – у Нюты еще

долго болел живот. Никто не ожидал, что к восемнадцати она выровняется в светловолосую красавицу, по-прежнему ненормально худую, но с громадными голубыми глазами.

«Зачем все это, – тоскливо думала Зоя, – зачем я так возилась с ней, выхаживала. Пройдет меньше месяца – и ее не станет. Нет, я пойду сейчас, я скажу ему, что так дальше продолжаться не может. Верховный, мать его так! Кому Верховный, а кому просто Юрка. И кто, кроме меня, может сказать ему правду в лицо. Вот сейчас и пойду – только глотну чуть-чуть для храбрости».

Она знала, что никуда она не пойдет. Упущено было то время, когда он еще подпускал ее к себе, когда до него еще можно было достучаться.

Оказавшись в своей ветхой маленькой палатке, она нашла заветную пластиковую бутылочку, глотнула из нее и вскоре заснула тяжелым, беспокойным сном.

Девушки, сидя в своей палатке, тихонько разговаривали.

– Послушай, а откуда она знает, как все будет? – спрашивала Крыся.

– Да ведь она наверху жила до Катастрофы – как же ей не знать.

– Я не про Солнце. Я про напиток. Откуда она знает, что мы будем видеть красивые сны?

– А-а, – махнула рукой Нюта, – так она этот напиток сама чуть ли не каждый день хлещет, я видела. Это нам с тобой его просто так никто не даст, а она – другое дело. По-мое-

му, Верховный ее даже побаивается. А ты разве не догадывалась?

– Но говорят, что если его часто пить, потом становишься слабоумным. Помнишь охранника Гришу? Он же перед смертью совсем свихнулся.

– Он не от этого свихнулся. Баба Зоя сказала, что его совесть замучила. Еще бы – столько наверх проводил. Помнишь, он сидел, все будто руками от кого-то отмахивался, а потом что-то стряхивал с себя. Она подошла, посмотрела и говорит: «Все, допрыгался, упырь. Мальчики кровавые в глазах!» И через пару дней его мертвым нашли. Сказали – сердечный приступ.

– При чем здесь кровавые мальчики, если в жертву приносят только девушек?

– Не знаю. Баба Зоя часто всякие непонятные вещи говорит.

Их удивляло, что эта женщина, так сердечно к ним относившаяся, в то же время не выражает никаких сомнений – по крайней мере, вслух – в установившемся на станции чудовищном обычае. Более того – она его как будто поддерживала. Они не понимали, как все это уживалось в ней. Нюта видела, как, провожая на смерть девушек, она рисовала в воздухе странные знаки, словно обереги, и что-то бормотала вслед – то ли молитву, то ли заклинание. Это вызывало страшное недовольство Верховного, а кто-то из охранников однажды прикрикнул: «Опять ложным богам молишься, ста-

рая ведьма!»

При этом она словно бы с умилением рассказывала им про сам обряд. Накануне устраивался большой праздник на станции, нарядных девушек чествовали, словно принцесс. Веселились чуть ли не до утра. Потом давали им специальное питье, приносящее красивые сны, и вели на поверхность. Своего выхода у станции не было, приходилось какое-то время идти по подземным ходам. Девушек, одетых лишь в красивые белые платья, сопровождали охранники, Верховный и комендант в защитных комбинезонах. Накануне один из охранников поднимался на поверхность, чтобы на специальной площадке все приготовить – нарвать побольше цветов и уничтожить следы прежних жертв, если такие еще оставались. Часть цветов он приносил вниз, и их угрюмая станция с голыми стенами на короткое время преображалась.

Девушки, одурманенные сонным напитком, не сопротивлялись. Их выводили наружу, вели на жертвенник, огороженный железной сеткой. Все ждали восхода солнца. И едва лишь первый луч касался земли, сопровождающие уходили. А одурманенные девушки оставались наверху и, видимо, быстро умирали среди цветов под палящими лучами солнца, вряд ли, впрочем, успев что-либо осознать.

«А почему бы не убивать их сразу из гуманности?» – мрачно спросила как-то Крыся. И баба Зоя объяснила ей, что жертва должна быть бескровной. «На запах свежей крови могут собраться самые жуткие твари», – загадочно сказа-

ла она.

– Тебе, может, еще повезет, Нютка, – сказала Крыся. – Я слышала краем уха – Игорь отца пытается упросить за тебя.

Игорь был сын Верховного. Ни для кого не было секретом, что он давно влюблен в Нюту и что его отцу это очень не нравится.

– У него все равно ничего не получится. Верховный его и слушать не станет. Нет, нам не на Игоря надо надеяться.

– А на кого же. Ты все еще ждешь, что в последний момент явится твоя мамочка и тебя спасет?

Только Крысе Нюта прощала такие шутки. Только Крыся знала, как иступленно Нюта ждет до сих пор. Еще малышкой, попав на станцию, она то и дело просилась к маме, но всегда натыкалась на уклончивые отговорки взрослых – мол, ей надо сперва окрепнуть, да и в туннелях беспокойно, может, со временем что-нибудь и получится, а пока надо набраться терпения. И она ждала, но верила, что мать сама ее ищет, не может не искать.

Но чем дальше, тем меньше оставалось надежды. В первые годы после Катастрофы были заселены почти все станции метро от Баррикадной чуть ли не до Планерной – так, по крайней мере, люди говорили. Что там ближе к центру творилось, только слухи доходили. Вроде бы на Пушкинской фашисты обосновались, на Китай-городе – бандиты. А у них тут народ был попроще. Так, по крайней мере, сначала казалось. И челноки еще могли пройти от кольцевой, с Ган-

зы, чуть ли не по всей ветке – да только мало кто в последнее время на это решался. Незачем было – люди тут жили бедно и почти не могли ничего ни продать, ни купить. Еще в первое время, когда удавалось много полезного найти на поверхности, шел активный товарообмен между станциями. Теперь ближайшие окрестности были уже исхожены, многое, что не успели забрать, сгнило за эти годы. А то, что еще оставалось, все труднее становилось добывать – у города появились новые хозяева. И люди интересовали их – как добыча. Немногие отважные сталкеры еще продолжали подниматься на поверхность, но опасностей было все больше, а добыча все скуднее. Пришлось научиться выращивать в туннелях шампиньоны, употреблять в пищу крыс, которых специально для этой цели разводили. На некоторых станциях держали свиней, но Верховный был почему-то категорически против свинофермы на «Спартаке». Возможно, считал, что отупевшими от вечного недоедания людьми управлять легче.

Жить в метро тоже становилось все страшнее. Не так давно случилась какая-то авария на Октябрьском Поле, и все оттуда разбежались. И совсем недавно дошла весть о резне на Полежаевской. Говорили, что на Беговой даже туннели в ту сторону взорвали. И Нюта поняла, что это конец. В глубине души она, конечно, упрямо надеялась на чудо, но умом уже понимала – никакого чуда не будет. Если мать не нашла ее до сих пор, то теперь этого точно ждать не приходится. И защиты просить не у кого.

Может, оттого их и выбрали. У Крыси мать умерла несколько лет назад, и других родственников не было. Нюта заметила – для жертвоприношения чаще выбирали сирот. Все помнили один случай, когда увели наверх слабоумную дочь пьяницы Тамары. Тамара еще со времен Катастрофы повредила в уме и готова была пить все, что горит. Оттого и дочь у нее получилась не вполне нормальной. Верховный убедил Тамару отдать дочь для жертвы – мол, все равно она не жилица, это и врач Николай Федорович подтвердил. И Тамара вроде сама согласилась, но потом совсем спилась и стала нести что-то вовсе несуразное и непотребное, говорить крамольные речи. Через несколько дней ее нашли в углу станции – скрюченную, совсем синюю, но, как объявили потом, «без признаков насильственной смерти». Николай Федорович сказал – выпила что-то техническое, перепутала. Никто особо не удивился – в таком состоянии Тамара что угодно выпить могла. Но уж больно своевременно эта смерть случилась.

А им с Крысей вместо матери стала баба Зоя. И заботилась о них, учила, лечила. Вот только спасти не могла.

Баба Зоя по памяти рассказывала им сказки. В этих сказках принцессы попадали в беду, но в последний момент их спасали какие-нибудь дураки или рыцари, а может, рыцари-дураки, которым не жилось спокойно, которые предпочитали искать опасностей и приключений себе на все места. Нюта точно знала – на станции спасать их с Крысей дураков

не найдется.

– Крыся, – спросила Нюта, – а что баба Зоя про Тушинскую рассказывает? Там ведь тоже люди живут?

С Тушинской изредка приходили торговцы, впрочем, с ними старались все вопросы решить побыстрее. И не вести досужих разговоров – за этим следили люди Верховного.

– Баба Зоя про это почти не говорит. Сказала, что всякий сброд там живет, с которым людям и знаться ни к чему. А вот Галка, повариха, рассказывала, что там республика, правит там бургомистр Гришка, и будто бы жить там можно совсем неплохо. К ней приходил один, оттуда, нравилась она ему, вроде даже с собой звал.

– А она что ж?

– Да она тут привыкла. А потом – боится она.

– Что Верховный не отпустит?

– Верховный-то, может, и отпустит, он открыто возражать не любит. Поулыбается, согласится, а потом, – Крыся понизила голос, – ее мертвой найдут, как Тамару. И скажут – сердечный приступ. А кому охота доискиваться? Не любит он людей выпускать со станции, чтоб лишнего не растрепали.

– Никто не выйдет отсюда живым, – машинально сказала Нюта.

– Вот-вот.

Сказанное было похоже на правду. Не зря же Верховный даже надписи на стенах не стал переделывать, оставил в прежнем виде. Чтобы все выглядело как обычно – ну, живут

себе люди, молятся своим богам, как умеют, кому какое дело. Видно, понимал – если вскрыется то, что он тут вытворяет, по головке его не погладят. Впрочем, вмешиваться было некому, на соседних станциях у всех своих проблем хватало по горло, не до того было, чтобы лезть в чужие. Если и дальше так пойдет, скоро они и подавно окажутся в изоляции и у Верховного будут развязаны руки. А с внутренними врагами он управляться умеет. Впрочем, что им с Крысей до этого? Для них все кончится в ближайшие дни.

– А правда, что станцию назвали в честь предводителя рабов?

– Баба Зоя говорит, что станцию назвали в честь стадиона наверху, а стадион этот в самом деле назвали в честь раба, который повел других рабов в бой против хозяев.

– И что с ним случилось?

– Не помню. Кажется, разгромили, схватили и казнили, – равнодушно сказала Крыся.

Нюта вздохнула.

– Ладно, давай спать. Несколько дней у нас в запасе еще есть.

* * *

Шатер Верховного снаружи был неказистым, а от других палаток внешне отличался разве что размером, зато внутри был убран затейливо. На роскошных, но замусоленных

от времени покрывалах тут и там валялись пестрые подушки в шелковых наволочках, явно принесенные в свое время из какой-нибудь новорусской квартиры, но теперь тоже потрепанные. «Да уж, – любил размышлять иногда Верховный, глядя на эти подушки, – как бы ни был богат их прежний хозяин, это не спасло ему жизнь. Небось, давно уже и кости его сгнили где-нибудь там, наверху. Возможно, гробом ему стал навороченный джип. Не увез от смерти».

Зато он, бывший завлаб в дышавшем на ладан НИИ, может теперь валяться на этих подушках, раздумывая о прератностях судьбы. А все вокруг только и ждут знака, чтобы тут же исполнить его желания.

Убранство дополнялось парочкой бронзовых светильников, которые зажигались только в торжественных случаях – электричество приходилось экономить, старенький генератор не мог обеспечивать все потребности. С потолка свисали несколько китайских вееров, в углу стояла статуя собоголового бога. Не совсем подходящий антураж, конечно, но приходилось довольствоваться тем, что удавалось найти сталкерам.

Звякнул бронзовый колокольчик у входа – робко, неуверенно.

– Да, входите, кто там есть, – сказал Верховный. – А, это ты, Миша.

В шатер протиснулся худенький лысоватый человечек в потертом свитере и защитного цвета брюках. Верховный

молчал, ждал. Пришедший, присев на корточки, тоскливо оглядел веера и светильники, покосился на профиль Верховного – хоть на медали выбивай, добавить еще лавровый венок – будет вылитый Юлий Цезарь. Верховный был одет по-домашнему, в сером махровом халате, позаимствованном, скорее всего, там же, где и подушки.

– Чего ты хотел, Миша? – мягко спросил Верховный.

– Да я-то ничего... – неуверенно начал вошедший. – Меня Зоя просила поговорить с тобой, Юра.

– Ах, Зоя, Зоя, – с ласковой укоризной произнес Верховный. – Что-то много она стала позволять себе в последнее время.

– Хоть ее-то не трогай, Юра! – тоскливо вскричал человек. – Ладно, считай, что я и сам поговорить хотел. Ведь так не может дальше продолжаться.

Верховный изобразил недоумение.

– О чем ты? Я что-то не пойму.

– Ты прекрасно все понимаешь, Юра. Эти девочки... зачем они умирают? Ведь ты сам не знаешь, что делать, Юра, ты так же ни в чем не уверен, как все мы, только скрываешь это. Прекрати эти ненужные жертвы, эти бессмысленные убийства, а то...

– А то – что? – переспросил Верховный. – Ты угрожаешь мне, Миша? Не думал я, что у нас до этого дойдет. Ты же знаешь – стоит мне крикнуть, и охрана от тебя мокрого места не оставит.

– Не пугай, Юра. Если ты хочешь, если ты посмеешь меня убить – убивай, мне все равно. Я скажу тебе, почему ты не можешь остановиться. Если сейчас ты посмеешь признаться людям, что столько девочек угробил напрасно, они тебя разорвут в клочья. Это тупик, Юра. Мы не можем остановиться, но и жить так дальше невозможно.

Верховный молчал. Когда он заговорил, тон его был совсем другим.

– Миша, Миша, ты просто устал. И я тебя прекрасно понимаю. Вспомни, сколько лет мы знаем друг друга, и ты всегда мне верил. Почему же сомневаешься теперь? Ведь мы с тобой сто раз уже обсуждали и пришли к выводу – правильно предсказать дату конца света удалось лишь индейцам. Значит, и в остальном они были правы. Конечно, у нас масштаб не тот, но мы ведь делаем все, что в наших скромных силах. Как говорится, чем богаты... И ты ведь соглашался со мной, что нужно отказаться от прежних богов, которые все равно не сумели спасти человечество. И что наша религия всесильна, потому что она – единственно верная. Синтез верований индейцев и древних славян – ведь и они поклонялись Солнцу. Ведь только мы, Миша, мы одни во всем метро еще и задаемся глобальными вопросами о судьбах мира, мы здесь последний оплот духовности. Только мы в состоянии еще как-то поддерживать мировую гармонию. Все эти красные, синие, зеленые, коричневые – им не до того, они только между собой грызутся, самолюбие свое тешат. Даже в По-

лисе заняты не тем, хотя могли бы все проанализировать и сделать те же выводы, это ведь на поверхности лежит. Не напрасны наши жертвы, Миша, поверь. Помнишь, как ты восхищался моей гениальностью, когда я доказал, что через сорок два года после Катастрофы наступит уже полный и окончательный... конец света. И спасутся лишь избранные. Те, кто правильно понял происходящее, сумел верно истолковать знамения свыше. То есть мы.

– Да как это можно доказать? А вдруг не наступит?

– Ну, если не наступит, тогда я лично перед тобой извинюсь.

– Столько не живут, Юра, – вздохнул человечек.

Но видно было, что он уже сдается. Верховный, как всегда, сумел найти нужные слова.

– Значит, Зоя, говоришь, жалуется? – спросил он.

– Только не трогай ее, Юра, прошу тебя.

– Ну что ты. Я понимаю – ей тоже непросто. Она девчонок растила, привязалась к ним. А кому сейчас легко, Миша? Но мы должны уметь поступаться личным ради общественного. Да, сдала она за последнее время, сильно сдала. А ведь какая женщина была, Миша. Доконала ее подземка.

– Это не подземка ее доконала. Это ты ее доконал, Юра. Она извелась уже вся, вот-вот нервный срыв будет.

– Да? Ну спасибо, что предупредил. Я с ней поговорю, – успокаивающим тоном произнес Верховный. – Пойми, это исключительный случай, что приходится использовать в це-

ремонии девочек со станции. Но, в конце концов, Зое не следовало бы принимать все так близко к сердцу. Она ведь им все-таки не родная мать.

«Плохо, – подумал он, когда посетитель ушел. – Даже старый, преданный друг уже начал во мне сомневаться. И Зоя что-то чудит».

До остальных ему дела не было – толпа, стадо баранов. Они покорно позволяют вытворять с собой все, что ему вздумается. Как говорится, каждый народ заслуживает то правительство, которое его имеет. А вот с Зоей теперь, как ни жалко ее, придется что-то решать. Миша-то не предаст его, несмотря ни на что: понимает, что они в одной связке. А вот у женщин нервы слабее, даже у таких мужественных, как Зоя. У них эмоции на первом месте, поэтому никогда не знаешь, чего от них ждать.

Второй визитер явился к нему через полчаса, когда Верховный все еще был погружен в невеселые размышления. Вошел без спросу, опустился на подушки. Широкоплечий, коренастый, лицо измученное, щеки заросли щетиной, короткие светлые волосы будто дыбом стоят. Камуфляжный комбинезон выглядит так, будто пришедший три ночи спал прямо в нем, не раздеваясь. Впрочем, возможно, так оно и было. И перегаром вроде пахнет слегка – Верховный даже носом покрутил.

Вот вам пожалуйста – сын и наследник. Радость и гордость. Надежда и опора.

– Игорь, ты опять пьешь, – вместо приветствия сказал Верховный. Тон был не вопросительным, а утвердительным.

– Отец, я хотел тебя попросить...

– Не надо, – усталым жестом остановил его Верховный, – я и так знаю, о чем ты будешь говорить. Ну скажи мне – разве мало девушек на станции? Разве на ней свет клином сошелся? Ты можешь гулять с любой, и ни одна не посмеет тебе отказать. А со временем мы найдем тебе хорошую жену – я позабочусь об этом.

– С любой, только не с ней? – уточнил Игорь.

Верховный неопределенно пожал плечами. Игорь понял это так, что отец своего решения насчет судьбы Нюты не изменит, но до назначенного дня Игорь волен поступать с ней как угодно – отец вникать в это не собирается.

– Но я не хочу так. Почему ее нельзя оставить в живых? Я только смотрю на нее – у меня на душе легче делается.

– Потому-то и нельзя. Она тебя словно околдовала – тебя, Зою. А что ты знаешь о ней? Ты знаешь, как ее нашли? Среди растерзанных останков. Взрослых, которые шли с ней, сожрали у нее на глазах. Она, единственная, осталась в живых, сидела одна в туннеле, среди монстров, как Маугли. Почему они ее не тронули? Что она там делала? Чем питалась? Может, она только выглядит как человек, а внутри у нее... Да кто знает, что там прячется? Может, это бомба замедленного действия? А если завтра вдруг механизм сработает и она начнет убивать? Я не могу доверять единственного сына та-

кому созданию. Откуда ты знаешь, какие инстинкты в ней проснутся, – возьмет да загрызет тебя в первую ночь!

– Кто такой Маугли? – спросил Игорь.

– Это все, что тебя интересует?

– Нет, не все. Не убедил! Почему ей надо умирать именно сейчас? Если уж вы не убили ее сразу, как только нашли в туннеле. Ты главный, отец, тебе все можно. Замени ее кем-нибудь, никто не возразит. Не посмеет!

– Уж лучше бы убили, – в сердцах сказал Верховный. –хлопот сейчас было бы куда меньше. Но мне нравится ход твоих мыслей. Ты не просишь совсем отменить казнь, ты согласен пожертвовать другой девушкой ради нее. Это хороший знак. Когда ты одумаешься, ты можешь стать моим достойным наследником.

– Так ты спасешь ее?

– Нет, – коротко ответил Верховный и откинулся на подушки, давая понять, что разговор окончен.

– Ну, отец, – процедил Игорь. – Раз в жизни тебя как человека попросил. Этого я тебе не забуду!

И, не сказав больше ни слова, он выскочил вон из шатра.

«А я даже не помню, когда он в последний раз звал меня папой, – тупо подумал Верховный. – Наверное, когда еще совсем маленький был».

В центре станции собралась толпа. Здесь были почти все ее обитатели, кроме тех, кто оставался на постах. Мужчины в потрепанном камуфляже, женщины в убогой разномастной одежонке слушали речь Верховного.

– Она была нашим верным соратником, самоотверженным и преданным. Светлая память о ней навсегда останется в наших сердцах.

«Умеет Юрка загнуть», – с тоской подумал низенький лысоватый человечек.

Он отчетливо понимал, что теперь уж точно все кончено. С тех пор, как в тот жуткий день, когда рушился мир, их привел сюда старший сын Юрки, Славик, по ему одному известным подземным ходам, они всегда держались вместе – он, Юрка, Зоя. Славик знал это место, потому что они не раз забирались в эти подземелья с друзьями. Играли тут в какие-то свои игры. По ночам, конечно, – днем через эту станцию на большой скорости пролетали поезда метро, идущие от Щукинской до Тушинской.

«Дети в подвале играли в гестапо, зверски замучен сантехник Потапов», – произнес человечек вслух. На него покосились. Ему было все равно.

Юркина жена в тот день с утра ушла на рынок. Смешно, от какой ерунды зависит жизнь человека. Зоин муж был на

даче. Там он, видно, навсегда и остался.

Когда стало ясно, что наверх уже не вернуться, они стали как-то приспособливаться к новой жизни. Он до сих пор не понимал, как Юрке постепенно удалось подчинить себе весь этот разномастный сброд, который собрался на станции. Внушить им, что лишь он знает, что надо делать, чтобы уцелеть. Он подсознательно понял, в чем больше всего в тот момент нуждались люди, чей привычный уклад жизни вдруг рухнул. Люди, в одночасье потерявшие все. Страшно было даже не отсутствие еды – ее в первое время хватало. Довольно быстро отдельные смельчаки стали выбираться на поверхность и обшаривать ближайшие магазины. Но люди отчаянно нуждались в духовном лидере, который сумел бы объяснить им весь этот ужас. Убедить, что он был вызван не их собственной беспечностью, а какими-то космическими причинами. Что, в сущности, он был неизбежен, заранее предсказан, – такие вещи всегда успокаивают. Люди готовы свалить все на богов, на стихии, только не на самих себя. И Юрка со своими бредовыми теориями пришелся тогда как нельзя кстати. Подвел, так сказать, теоретическую базу. Лишь потом Михаил стал понимать – перемудрил что-то Юрка насчет индейцев. Он и сам-то был не великий знаток древних религий, но смутно припомнил, что вроде бы человеческие жертвоприношения практиковало одно племя, а конец света предсказало другое, мирное.

Но к тому времени было уже поздно. Они все были появ-

заны этими жертвами, скованы одной цепью.

Да, это были уже совсем другие игры. Бывший завлаб и мелкий интриган нашел себе здесь обширное поле для деятельности.

Славика, его старшего, который привел их сюда, давно уже нет – какая-то тварь сожрала в туннеле. А Игорек, который попал в метро годовалым, вырос в сильного, широкоплечего, угрюмого парня. Вон он стоит чуть позади отца и ищет глазами в толпе Нюту.

Нюта и Крыся стояли чуть поодаль. Крыся тихо всхлипывала, у Нюты глаза были сухими.

– Этого я ему не прощу. Она мне как вторая мать была.

– Да что ты можешь сделать?

– Сейчас – ничего. Уходить надо отсюда. Потом поговорим, – она приложила палец к губам.

Они в молчании дослушали речь Верховного – он сообщил, что за особые заслуги перед станцией Зоя Колыванова будет похоронена в стене одного из туннелей. Потом тело понесли в туннель на носилках самые достойные граждане станции. Разумеется, под надежной охраной. Тело было покрыто цветами. Говорили, что из двух посланных за ними на поверхность обратно вернулся только один. Зато впечатление все это производило неизгладимое. Тело поместили в приготовленную заранее нишу, засыпали обломками цемента, положили сверху еще цветов. Охранники дали прощальный залп в темноту. Послышался топот чьих-то лап – вы-

стрелы вспугнули крыс и каких-то животных покрупнее. Из темноты донесся тоскливый вой, но тут же затих. Все было кончено, люди потихоньку побрели обратно. Верховный тут же ушел к себе и велел его не беспокоить.

Нюта и Крыся сидели в палатке. Нюта зябко обхватила колени руками.

– Ты слышала, что он сказал: «от сердечного приступа».

– Ты в это веришь?

– Нет, конечно. Но если даже так – это он ее довел.

– Не говори так. Ведь она сама не обвиняла его, значит, и мы не должны.

– Кого же тогда винить в ее смерти? В том, что мы умрем?

– Баба Зоя очень странные вещи иногда обо всем этом говорила. Как будто Верховный не так уж виноват. Она считала – все дело в этой станции. Что и ей, и нам – всем не повезло оказаться именно здесь. Станция-то долгое время пустая стояла, заброшенная. Она говорила, что места, где человек не появляется подолгу, обживает что-то другое. Еще до нас здесь поселилось зло.

– Неужели ты веришь в такие глупости? – сердито спросила Нюта. – Не ожидала от тебя. Знаешь, я себя теперь чувствую совсем свободной. Меня тут ничто не держит. Прежде я надеялась, что меня мать будет искать. Но, видно, ей что-то помешало. Потом меня только мысль о бабе Зое останавливала. Теперь, когда ее не стало, у меня развязаны руки. Уходить отсюда надо, Крыся.

– Куда?

– К Шукинской мы не уйдем, у тех туннелей кордоны сильные стоят. С тех пор, как на Полежаевской резня приключилась. Да и незачем туда идти – там никто не живет, только всякое зверье. Выход один – к Тушинской пробираться.

– Но там ведь тоже кордоны.

– Ха! Там совсем другое дело. Оттуда напастей особых не ждут, ставят стариков да подростков. Сегодня, я узнавала, там будут дежурить Михалыч и Колька – та еще парочка. Колька приладился с открытыми глазами спать, а Михалыч всем рассказывает, что к нему по ночам мертвые девушки снаружи приходят. Не понимаю, как его еще в дозоры ставят. К тому же сегодня день такой – Верховный распорядился всем по кружке браги выдать к ужину. Помянуть Зою. Дозорным не дадут, конечно, но они найдут, где достать.

– Ну, допустим, мимо дозорных мы пройдем. А потом нас кто-нибудь сожрет в туннеле.

– Сожрет или нет – это еще неизвестно. Зато если будем сидеть на месте и покорно ждать, нас через несколько дней отведут наружу, где мы уж точно...

Крыся подумала, кивнула. И сразу стала деловитой и озабоченной.

– Ладно, тогда давай собираться. Надо взять с собой еды. Оружие вряд ли мы сумеем раздобыть, это плохо. Но нож у меня есть. Он, правда, скорее для хозяйственных нужд, но

острый.

– У меня тоже, – сказала Нюта. – Я у Игоря стащила, когда он как-то к нам заглядывал. Он пьяный был, думает, наверное, что потерял где-то.

* * *

К вечеру, как и предсказывала Нюта, трезвых на станции почти не осталось. Кому-то с непривычки и кружки браги хватило, кто-то нашел, где добавить. Некоторые дремали, несколько человек у костра нестройно и невпопад пели про черного ворона. Верховный не показывался.

Еще через пару часов люди окончательно утомонились. Слышалось лишь натужное дыхание спящих, кто-то храпел, кто-то стонал во сне.

– Пора, – сказала Нюта. Она была в белом платье, но поверх него накинула потрепанную Зоину хламиду защитного цвета, которую взяла в память. Крыся предпочла выдавшие виды камуфляжные брюки и такую же ветровку, но платье свое на всякий случай сунула в рюкзак, куда уместились все ее скромные пожитки.

Они тихонько пробрались между палатками туда, где чернело жерло туннеля. Перед самым входом было навалено несколько цементных блоков, мешки с песком. На них прикорнул смазливый светловолосый подросток, прижав к себе автомат. Он даже головы не поднял при их появлении, зато

встрепенулся сидевший рядом старик.

– А, кто такие, куда? Приказано не пущать, – сурово заявил он.

Нюта понимала, что все висит на волоске. Теперь все зависело от того, что в следующий момент взбредет Михалычу в голову. Вздумай он закричать, поднять тревогу – и они пропали. Второй такой возможности у них не будет.

Она решительно сбросила с плеч хламиду и шагнула вперед.

– Ты разве не узнаешь нас, Михалыч? – вкрадчиво спросила она.

– Голубоньки мои, – умилился близорукий Михалыч. – Не забываете старика, навещаете. А мне не верит никто... сейчас вот Кольку разбуджу, Виталика позову, чтоб тоже на вас посмотрели. Колька, хватит дрыхнуть.

Девушки вздрогнули. Подросток приподнялся, обвел всех непонимающими глазами и тут же рухнул обратно.

– Не зови никого сейчас, Михалыч, у нас к тебе дело секретное, – сказала Нюта.

– Лапушка моя! Да ведь ты меня знаешь – ни словечка никому не скажу! Могила!

– Нам сейчас уходить пора, Михалыч, но мы скоро снова придем. И Верховного заберем с собой – заждались его там, наверху.

У Михалыча отвисла челюсть и округлились глаза. Но Нюта прижала палец к губам, и он суетливо закивал, обалдев

от важности доверенного ему известия. И молча проводил глазами две фигурки, скользящие в темноту туннеля.

– Зачем ты так! – с упреком спросила перепуганная Крыся, когда пост остался далеко позади. – Теперь Верховный еще больше обозлится.

– Может, мне надо было зайти к нему перед уходом, поцеловать на прощанье? – шепотом поинтересовалась Нюта. – Дура ты, Крыська. Тебя убивать будут, а ты еще спасибо скажешь за такую великую честь.

– А если он за нами погоню пошлет?

Нюта не ответила. Ее до сих пор била нервная дрожь. Со всем рядом вдруг послышался шорох. Крыса? Девушки сразу вспомнили, где находятся.

– Хватит ныть, – шепнула Нюта. – Не время сейчас выяснять отношения – самое страшное только начинается.

Они быстро устали и теперь брели по инерции, понимая, что останавливаться нельзя. Фонарь погасили, чтоб не сели сразу батарейки. Правда, у Крыси был с собой еще один фонарик, который приводился в действие механическим способом. Следовало постоянно нажимать на ручку, тогда каким-то загадочным образом зажигалась лампочка. Но этот процесс сопровождался таким скрежетом и шумом, что пользоваться фонарем здесь было страшновато.

До поры до времени все было спокойно. Но потом вокруг начали раздаваться странные звуки. Совсем рядом с Нютой послышался вдруг отчетливый кашель – будто кто-то прочи-

стил горло. Девушки в ужасе прибавили шагу, не решаясь даже включить фонарик. Они боялись увидеть что-то такое, что совсем парализует их волю.

– Не бойся, Нют, это мыши летучие, наверное, – пробормотала дрожащим голосом Крыся.

– А разве они здесь водятся? – усомнилась Нюта.

И, словно в ответ на эти слова, рядом раздалось тихое, совсем человеческое хихиканье.

Тут девушки рванули вперед так, будто за ними гнались все обитатели «Спартака». Но через некоторое время все же выдохлись и опять побрели еле-еле.

– Господи, у меня даже в ушах шумит – так сердце колотится, – пожаловалась Крыся.

– Это не в ушах, – через некоторое время сказала Нюта. – Это за нами кто-то идет.

Через некоторое время все сомнения отпали – сзади действительно слышались осторожные, шаркающие шаги. Нюта, собравшись с духом, решительно посветила фонариком и увидела, как отпрянула от них в чернильную темноту тварь размером с собаку, но с чешуйчатой мордой. Желтые глаза злобно блестели из-под костистых выростов.

– Что там? – спросила Крыся.

– Не знаю. Помнишь, нам баба Зоя показывала в какой-то книжке крокодила. Ну вот, очень похоже, только лапы длиннее.

В глубине души Нюта даже испытала облегчение оттого,

что их преследует не человек. Ей казалось, что от встречи в таком месте с человеком ничего хорошего ждать не придется. Она помнила рассказы про мутантов, которые собирались в шайки и нападали на людей, мстя им за свою ущербность. В рассказы о призраках она не слишком верила, но одно дело – слушать их у костра на станции, и совсем другое – вспоминать в туннеле, где с перепугу за любым выступом мерещится притаившийся убийца или кто-нибудь пострашнее.

– Что нам делать? – спросила Крыся.

– Пойдем дальше, может, сама отвяжется.

Они пошли, иногда оборачиваясь и светя назад фонариком. Тварь все так же плелась за ними, потихоньку сокращая расстояние. От луча света она каждый раз отпрыгивала, но недалеко. Больше того – им показалось, что сзади за ней бредет еще одна. Видимо, животные дожидались, пока девушки выбьются из сил и станут легкой добычей.

– Черт, ногу сводит, – простонала вдруг Нюта.

Она еще в детстве прихрамывала, потом это почти прошло. Но стоило ей перенервничать или переутомиться, и нога вновь начинала ныть.

– Не могу больше. Иди вперед, Крыська, я эту гадину здесь дождусь.

– Ну уж нет, – сказала бледная от страха Крыся. – Вместе дождемся.

Тварь попыталась обойти их сбоку. Вторая держалась сза-

ди и не предпринимала попыток напасть.

Крыся с ножом в руке следила за ее маневрами. Тварь почему-то больше интересовалась ею, чем Нютой.

В тот момент, когда тварь бросилась, Крыся попыталась отпихнуть ее ногой. На ней были настоящие, хотя изрядно потрепанные, сталкерские ботинки, предмет ее гордости и зависти окружающих. Массивные, тяжелые, добротные, из настоящей кожи. Хотя ходить в них было тяжелее, чем в кирзовых сапогах, например. Наверное, поэтому бывший владелец и уступил их Крысе. И хотя под них приходилось наматывать кучу тряпок, чтобы ботинки не сваливались, Крыся считала, что ей повезло. И не ошиблась. Зубы твари намертво увязли в ботинке, она не сумела даже прокусить его.

Нюта вдруг стремительно нагнулась и ловким движением перерезала твари горло. Брызнула кровь, животное засучило лапами и издохло. Вторая тварь тут же попятилась назад, в темноту.

– Ну, ты даешь, – пробормотала Крыся. – Ботинок-то помоги освободить.

– Да брось его здесь, – сказала Нюта. Глаза ее возбужденно блестели.

– Ты с ума сошла? Как я в одном ботинке дойду? Да и не собираюсь я первой встречной зверюге такую обувь уступать.

Нюта, не слушая, наклонилась и провела ножом по чешуйчатой шкуре.

– Что ты делаешь?

– Надо мяса с собой взять. Про запас.

Крыся подумала, что подруга спятила на нервной почве. Ей опять пришли в голову рассказы о том, как нашли в туннеле маленькую Нюту. Может, это там она научилась сырым мясом питаться? Может, и кровь пить, чего доброго? Она, отгоняя дурные мысли, шагнула к подруге, обняла ее, удерживая.

– Нюточка, какое мясо? У нас с собой есть кое-что, я тебя покормлю, если ты голодная. Мы уже скоро на Тушинской будем, там и люди, и еда есть. Ты ведь не знаешь, что это за зверь, может, у него мясо ядовитое? Да и уходить надо, пока не поздно, помнишь, что баба Зоя говорила? О тварях, которые собираются на запах свежей крови?

Упоминание о бабе Зое Нюту вроде бы отрезвило. Она как будто успокоилась и покорно позволила себя увести. Благо Крысе удалось, наконец, освободить из зубов твари свой растерзанный ботинок.

Они побрели дальше. До Тушинской, по мнению Крыси, оставалось не так уж долго идти.

* * *

Крыся ошибалась – обозлиться больше Верховный не смог бы при всем желании. Девушек хватились под утро. Повариха Галка заглянула к ним в палатку в поисках своего хо-

зыйственного ножа и, не найдя ни ножа ни девушек, подняла тревогу.

Верховный быстро вычислил, куда могли уйти девушки. Но Михалыч в ответ на все расспросы нес что-то вовсе несуразное, а Колька только хлопал глазами. Наверняка спал на посту, гаденыш. Верховный охотно удавил бы его собственными руками, но сейчас нельзя было настраивать людей против себя.

Он вдруг понял, что давно уже люто ненавидит эту долговязую светловолосую девчонку, которая исподволь прибрала к рукам и настроила против него самых близких ему людей – Зою и сына. Если бы не Нюта, Зоя была бы сейчас жива. А в довершение всего эта девица бросила вызов ему самому, поставила под сомнение незыблемость его власти и установленного порядка. Не говоря уж о том, что, если девчонки не найдутся, придется в срочном порядке искать новые жертвы, а где их взять? Среди своих? Люди и так уже недовольны, а начини отнимать у них дочерей, может вспыхнуть бунт.

До недавнего времени эти вопросы удавалось как-то решать. Его наемники рыскали по соседним станциям, сманивая девушек оттуда. Иногда обращались к голодающим родителям с предложением продать дочь – не уточняя, естественно, с какой целью. К сожалению, в большинстве случаев люди предпочитали вместе тихо умирать от голода, чем продавать свою кровиночку в чужие руки. В последнее время стало и вовсе туго – на «Октябрьском Поле» уже не жи-

ли, Щукинская тоже опустела, а на Тушинской не то чтобы прямо подозревали их, но бдительность на всякий случай удвоили. Поэтому и пришлось решиться на такую исключительную меру – назначить в жертву девчонок, знакомых всем с детства. Допустим, к Нюте на станции всегда относились с опаской, но ласковую уступчивую Крысю многие любили. Люди помнили ее мать – беспечную и безалаберную, но никогда не сказавшую никому худого слова. И им жаль было девчонку, которая в своей недолгой жизни и так не много хорошего видела. Поэтому Верховный в этот раз особенно нервничал – пусть бы поскорее все было уже позади, думал он, а со свершившимся фактом люди рано или поздно смирятся. Только бы все гладко прошло. И вот, как нарочно, именно в этот раз все грозит сорваться.

Нет, девчонок надо вернуть обязательно – или хотя бы уничтожить. Чтобы все знали, что бывает с непокорными. Если им удастся выбраться к людям, они ведь могут все разболтать – и неизвестно, что из этого получится. На Тушинской спят и видят, как бы прибрать к рукам соседнюю станцию, а теперь и повод для этого найдется.

И в который раз он пожалел, что они не удавили это чертово отродье в туннеле, как только нашли. В последнее время он видел в ее глазах что-то такое... как будто он столкнулся с враждебной волей, не менее сильной, чем его собственная.

Верховный приказал найти и прислать к нему двух лучших исполнителей, которым он поручал самые щепетильные

дела.

Хряк, несмотря на плотную комплекцию, появился в шатре совершенно бесшумно. Его внешность толстого, добродушного выпивохи обманывала многих. На самом деле у него были стальные мышцы, а двигаться он умел с кошачьей грацией. Что до прозвища – он получил его из-за звука, который издавала его дубина, обрушиваясь на голову врага – будь то зверь или человек.

Но совсем незаметно возник в шатре второй – человек-невидимка. Лицо у него было настолько неприметное, что люди его не запоминали, не узнавали. Этот мог спокойно подслушивать любые разговоры, затесавшись в толпу, – и никто не обращал на него внимания, не подозревал в нем соглядатая. Верховный особенно ценил его за эти качества.

– Вернуть или убить? – уточнил невидимка. Из-за спущенного на лоб капюшона невозможно было понять, что выражают его глаза.

Верховный кивнул:

– Если все-таки придется их ликвидировать, попробуйте срочно найти им замену на Тушинской. Положение у нас безвыходное. Нам необходимо, чтобы в ближайшие дни две девушки для ритуала были у нас наготове.

Хряк выразительно пожал плечами. Верховный и сам знал, что задача трудная.

Второй смотрел молча. И о чем он думает, Верховный снова понять не мог.

– Ну, в путь, – сказал он, повелительно протянув руку. И двое убийц, не тратя времени, пустились по следу.

* * *

Они шли довольно долго и стали уже опасаться, что девушки успели добраться до Тушинской. И все же их удалось нагнать – почти на подходах к станции.

Услышав впереди их неровные шаги, невидимка облегченно вздохнул. Он по шагам слышал, что они измучены и напуганы. С ними легко будет справиться, через несколько минут все будет кончено. Придется убить, конечно, не тащить же их обратно в такую даль. На плечах нести тяжело, угрозами заставить идти самостоятельно, гнать пинками тоже вряд ли получится. Ведь они знают, что им по-любому умирать, могут и заартачиться. А впрочем, кто знает?

Он терпеть не мог работать в паре, и Хряк успел его достать по дороге. Он нес какой-то вздор, сравнивал достоинства браги, которую гонят у них, и той, что приносят с Тушинской. Потом заявил, что вторая девчонка, темненькая, очень даже ничего. Вполне в его вкусе. Невидимке все это было глубоко безразлично, он еле сдерживался, чтобы не наорать на напарника.

В середине пути они споткнулись обо что-то на шпалах. Невидимка посветил – там валялась верхняя половина какого-то животного величиной с собаку. Нижнюю кто-то от-

кусил, и совсем недавно – кровь вокруг была еще свежей. Рядом лежал обрывок белой ткани – невидимка мог бы поклясться, что это лоскут от платья одной из девчонок. Находка заставила его призадуматься.

Но, услышав шаги девушек впереди, он опять успокоился. Они наверняка устали, голодны и напуганы до полусмерти. Возможно, ранены.

Убийцы начали быстро и бесшумно приближаться к девчонкам. Одна отставала, и Хряк нацелился на нее. Метнулся вперед, в темноте послышалась какая-то возня.

Невидимка кинулся туда, где, по его расчетам, должна была находиться вторая. Но руки схватили пустоту. И еще прежде, чем девчонка, которую держал Хряк, заорала, словно паровозная сирена, он понял, что все пропало. Кинулся в глубину туннеля и затаился за каким-то выступом. Со стороны Тушинской послышались громкие встревоженные голоса, затопали сапоги – бежал патруль.

«Недооценили сложность задачи, – думал невидимка. – Были уверены, что предстоит иметь дело с двумя обыкновенными бабенками. И совсем не учли, что обычные бабенки ни за что не решились бы ночью идти в туннели, даже под угрозой смерти».

Он слышал голоса патрульных. Что там Хряк? Почему затих?

И вдруг он услышал стон напарника. Невидимка сразу понял, что больше он здесь ничего сделать не может. Они про-

валили поручение. Оставалось дожидаться более благоприятного момента. Он сел и достал из рюкзака кусок свинины – как бы там ни было, силы следовало беречь.

Один из патрульных поддерживал рыдающую Крысю, другой склонился над Хряком. Посветил фонариком. У того в животе торчала рукоять ножа. Он глухо стонал.

– Эх ты его саданула-то, – неодобрительно сказал патрульный. – Подержи-ка фонарик. Ща, брат, потерпи немножко.

С этими словами он нагнулся над Хряком, нашел какие-то точки на шее и вдруг резко нажал. Тот дернулся, обмяк и больше не шевелился. Крыся выронила фонарь, который чудом не разбился.

– Так вы... его... того... – пробормотала она.

– А что ж мне с ним было делать? Не на станцию же тащить. Не жилец он был – прямо в печень ты его пырнула, да и кишки попортила. У нас и врачей-то нет, чтоб такие раны лечить. Эх, девки... можно подумать, убудет с вас. Через тебя одним бойцом меньше стало, – проворчал патрульный, нагибаясь за фонарем.

Крыся задрожала – она решила, что теперь патрульный и ее прикончит. Хотела что-то объяснить, но Нюта, стоявшая рядом, сделала ей знак молчать. К счастью, патрульный, видимо, был настроен философски.

– Ты, девка, раз такое дело, молитву хоть какую ни есть над ним прочти. Чтобы успокоилась душенька его грешная.

У Крыси глаза опять налились ужасом. И все же она про-

бормотала несколько слов, которые слышала в таких случаях от бабы Зои. Патрульного это вполне устроило.

— Ладно, пошли, — сказал он, — на станции разберемся. Этот пусть здесь пока полежит.

Невидимка услышал, как удалялись патрульные и девушки. Потом быстро, бесшумно приблизился к Хряку, убедился, что напарник мертв. Тем не менее, порученное им дело следовало довести до конца. Девчонки пока никуда не денутся с Тушинской, а он придет туда попозже, когда успокоится вызванный их появлением переполох. Оценит обстановку и будет действовать по обстоятельствам. Он нашел место поудобнее, уселся, прижавшись к стене, и задремал вполглаза.

Глава 2

Вольный город Тушино

Девушки, слегка оправившись от испуга, с трудом поспевали за патрульным, одновременно разглядывая станцию. По сравнению со Стадионом «Спартак», главным украшением которого служили надписи на стенах, Тушинская показалась им необыкновенно красивой и просторной. Стены были отделаны светлым мрамором, четырехугольные колонны облицованы серо-голубым. Вдоль каждой стены почти возле самого потолка был выложен на бордовом фоне белым нехитрый зигзагообразный орнамент, но даже такое незатейливое украшение казалось девушкам нарядным. Они насчитали четыре металлических прямоугольных вставки, на которых, как на картинах, были изображены какие-то неизвестные им аппараты. Вдобавок станция была освещена гораздо лучше, и здесь были настоящие светильники, а не лампочки, свисающие вниз на шнурах. Гладкий пол состоял из красивых сероватых и коричневатых квадратов, идти по которым было чрезвычайно приятно. Им даже неловко стало за свой зачуханный вид – люди здесь были одеты куда лучше и разглядывали их с любопытством и словно бы с сочувствием. Попадались мужчины в камуфляже, но многие были одеты в клетчатые рубахи и облегающие брюки разных оттенков синего цвета. А уж про женщин и говорить нечего – на Стади-

оне «Спартак» о таких нарядах и мечтать не приходилось. Нюта машинально отметила про себя, что особенно модными здесь, видимо, считались халатики и платья примерно до колена свободного покроя из блестящего цветастого материала и яркие тапочки разных цветов.

– А говорили, что всякий сброд здесь живет, – пробормотала замороженная Крыся. – А здесь вон как... шикарно.

– Затем и говорили, чтоб наши сюда не бежали, – сделала вывод Нюта.

Поперек станции выше человеческого роста было натянуто продолговатое полотнище. На белом фоне синими крупными буквами было написано: «Добро пожаловать в вольный город Тушино!» Дальше виднелся еще один плакат с зеленой надписью «Нечего ждать милостей от природы!». Кто-то, видимо, от себя, неровным почерком добавил внизу: «Дождались уже». А справа на стене Нюта заметила большой лист бумаги, на который были наклеены листочки поменьше. Что написано на них, она разобрать не смогла, прочитала лишь заголовок сверху: «Здорово все, что не больно!» Можно было сделать вывод, что живущие здесь люди стремились стойко переносить удары судьбы и не впадать в уныние.

Жилища тут отличались разнообразием. Кто-то обитал в палатке ярко-зеленого или оранжевого цвета, кто-то, видимо из одиноких, довольствовался складной кроватью, кто-то расположился на надувном матрасе. Заметила Нюта и странную деревянную конструкцию, при ближайшем рассмотре-

нии оказавшуюся большой двухъярусной кроватью, задрапированной полотнищами ткани по бокам так, что получалось компактное уютное жилье.

Специальная площадка была отведена детям. Худые, бледные, но вполне жизнерадостные, они возились с громадными потрепанными матерчатыми игрушками, съезжали с красной пластмассовой горки на каменный пол. Стряпуха в заляпанном светло-зеленом халате что-то варила в громадном металлическом баке. Девушки сразу вспомнили, что у них давно уже ни крошки во рту не было.

Патрульный привел их в небольшое подсобное помещение, кафельные стены которого были увешаны исписанными листами бумаги. За столом сидел человек в таких же, как у большинства, синих брюках, серой толстовке и бордовой бейсболке. На вид ему было лет сорок, лоб был прорезан морщинами, но небольшие серые глаза глядели весело. Нюта решила, что бейсболку он носит, чтобы прикрыть залысины.

– Вот, господин бургомистр, – доложил патрульный, – гражданочки пришли со «Спартака». С ними еще один был, но у них, видно, по дороге размолвка случилась. Так что теперь он там, в туннеле лежит.

И патрульный вкратце обрисовал ситуацию так, как она ему виделась.

– Ну, а документы у вас есть? – спросил бургомистр. И в ответ на этот простой вопрос девушки, не сговариваясь, разрыдались.

Документов у них не было. Они хранились у бабы Зои, а после ее смерти их забрал Верховный. Видимо, считалось, что раз им все равно нельзя выходить со станции, то и паспорта им ни к чему. Больше того – у них не было и патронов, заменявших местную валюту. Они только сейчас начали осознавать, что оказались без документов, без средств к существованию среди абсолютно чужих людей, которые вовсе не обязаны о них заботиться. А у них в активе еще и труп мужчины, наверняка посланного за ними в погоню. Ситуация, мягко говоря, неприятная. И последствия всего этого могут быть для них очень печальными.

Бургомистр, услышав их рыдания, замахал руками:

– Ну что вы, в самом деле, все будет хорошо.

Он обернулся к патрульному:

– Скажи Клаве, чтобы принесла им чаю. И поесть чего-нибудь. Да Марину мне побыстрее найди.

Через несколько минут перед девушками стояли дымящиеся фарфоровые кружки и эмалированные миски с каким-то варевом. Они жадно набросились на еду. И тут в помещение вошла женщина. Они, как замороженные, уставились на нее.

Ни Нюта, ни Крыся таких никогда не видели. У женщины было надменное, красивое, словно кукольное лицо, синие глаза, светлые пушистые волосы, красиво подстриженные. Одета она была в серое платье, по сравнению с которым цветастые халатики остальных сразу показались просто убожеством. И на ногах были не шлепанцы, а туфли, хоть и на

плоской подошве. От нее даже пахло чем-то приятным, цветочным. Всем своим видом она словно заявляла: «Все будет так, как я хочу. Ничего неожиданного или неприятного со мной случиться не может».

Нюта с трудом подавила возникшее было желание уткнуться лицом ей в подол и тут же во всем покаяться.

– Ну вот, Марина, – пожаловался ей бургомистр, – разберись хоть ты. Они плачут, я ничего понять не могу.

Женщина схватывала все на лету. Ей, видимо, в общих чертах уже рассказали, что произошло.

– Значит, вы шли сюда, а этот человек набросился на вас в туннеле? И вы защищались? Или вы шли все вместе? Судя по документам, он с вашей станции. Он вас сопровождал?

Нюта что-то невнятно промычала и опять всхлипнула. Марина истолковала это как согласие.

– Ну, не бойтесь. Никто не собирается вас обвинять без выяснения всех обстоятельств. Я не могу поверить, – обернулась она к бургомистру, – что две худенькие девочки могли прикончить взрослого здорового мужчину. Наверное, все не так просто, как нам тут рассказывают.

Бургомистр согласно закивал. Видно было, что он во всем на нее полагается.

– Там еще один был, – вдруг выдавила из себя Крыся. – Он сбежал.

Марина нахмурилась:

– То есть, этот человек шел с вами, а тот, другой, напал

на него, ранил и скрылся?

Нюта тут же судорожно закивала. Крыся, глядя на подружку, закивала тоже.

– Ну, полно, – сказала Марина, – теперь все ясно. Успокойтесь, мы вам поможем. Вы, конечно, хотите при первой возможности вернуться обратно, на свою станцию?

Девушки, не сговариваясь, отчаянно замотали головами. Марина опять нахмурилась.

Нюте показалось, что у нее еще полно к ним вопросов, просто она поняла, что сейчас ничего путного от них не добьется.

– Ну что ж, отдыхайте, – заключила Марина, – а там будет видно. Сейчас я отведу вас в гостевую палатку, Клава покажет, где можно помыться. А потом что-нибудь придумаем.

Стряпуха в зеленом халате отвела их в душевую. Девушкам, привыкшим поливать друг друга из пластиковых бутылок, настоящий душ, пусть и ржавый, показался чем-то сказочным. Им даже выдали цветастые халатики, в которых было как-то непривычно свободно. Они с радостью принялись стирать свою одежду. Нюта пыталась оттереть кровавое пятно на белом платье, но с непривычки сунула его сразу в горячую воду, и пятно теперь не отстирывалось. А слишком сильно тереть она боялась – платье, сшитое наспех из всяких лоскутов, могло вообще развалиться, а ей почему-то не хотелось с ним расставаться. Пришлось смириться с бурым пятном на самом видном месте, возле выреза.

Разморенные, они добрались до отведенной им небольшой палатки, отметив по дороге, что, хотя теперь они и выглядят почти как все, почему-то окружающие все равно с интересом их разглядывают. Рухнув на подстеленные одеяла, девушки тут же уснули.

Проснувшись, они долго не могли сообразить, где находятся. Потом припомнили все и рассмеялись от облегчения.

– У нас получилось! – воскликнула Нюта, но сразу стала серьезной.

– Расслабляться нам нельзя. Верховный этого так не оставит, пришлет кого-нибудь еще за нами. Лучше быть настороже, постараться выправить здесь хоть какие-нибудь документы, раздобыть еды и патронов. А потом придется дальше уходить.

– Куда?

– На Сходненской, говорят, тоже люди живут. Нам вообще надо разузнать побольше, сейчас любая информация может пригодиться, любые подробности важны. И помни – ни в коем случае нельзя рассказывать все как было. Пусть думают, что мы шли втроем, а четвертый на нас напал. Патрульные ничего ведь не видели, только слышали, как ты орала. А потом, мы тоже ничего не говорили, все больше плакали.

– А почему нельзя рассказать все как есть?

– Да они просто не поверят. Подумают, что мы сумасшедшие, и тогда точно постараются отправить обратно, избавиться от нас. Представь себе – появились две девчонки без

документов и рассказывают какие-то байки. Подумают, что мы перебрали напиток, который дает красивые сны. К чему из-за нас с соседями ссориться?

– Может, ты и права, – вздохнула Крыся. – Знаешь, я боюсь этой Марины. Она с виду такая ласковая, а смотрит – словно насквозь просвечивает.

– Будем осторожнее с ней. Бургомистр-то, кажется, попроще.

Они выбрались из палатки. Неподалеку горел костер, вокруг сидели люди и пили горячий чай. Девушки подсели к ним, им тут же протянули по кружке.

– Так это вы с Волоколамской будете? – спросила женщина в халатике веселенькой расцветки, усыпанном яркими красными цветами по зеленому полю. В этой одежде лицо ее, и так бледное, казалось и вовсе бесцветным.

«Нет, такие ткани на самом деле только брюнеткам идут, – подумала Нюта. – Вот Крыське хорошо в таком ярком наряде. А у меня, к счастью, халатик попроще – на синем фоне какие-то розоватые разводы».

– Откуда вы только такую красоту берете? – указывая на платье, вместо ответа спросила она.

– Да ведь тут наверху Тушинский рынок неподалеку был, – охотно объяснила женщина. – Вьетнамцы этими кимоно торговали, выдавали за шелковые. Может, это и шелк, только ацетатный. Искусственный, – пояснила она, глядя на удивленную Нюту. – Зато сноса им нет, и стирать легко, вот

все и обрядились. Тем более, наверху сейчас лето, потому и здесь у нас, внизу, тепло. Зимой-то, конечно, так не походишь, в ватники влезать приходится. – И еще раз спросила: – Вы – те самые девушки, с Волоколамской?

Отмалчиваться не получалось.

– Мы не с Волоколамской, мы со Стадиона «Спартак», – ответила Крыся.

– Знаете что, вы лучше свою станцию по-старому назовите – Волоколамская. А то, хоть вы и девушки, а мало ли что. Тут, видите ли, большинство таких собралось, которые в прежней жизни болели за «Динамо» и ЦСКА. Как бы чего не вышло, – сказал пожилой мужик в потертой клетчатой рубашке и черных штанах, вытянутых на коленках.

Из этой речи девушки почти ничего не поняли. Сообразили только, что мужик чем-то недоволен.

– Странное какое название, Волоколамская, – заметила Нюта.

– Так когда-то эту станцию называли. Это потом наверху над ней вместо аэродрома решили строить стадион и переименовали ее в «Спартак». Волоколамской назвали другую, не по этой ветке, но недалеко отсюда. Потому что наверху шоссе было с таким же названием. А почему шоссе так называлось, уже почти никто не помнит.

– Да что тут помнить, – встрял в разговор тощий мужик лет тридцати с испитым лицом. – Я пацаном тогда был, и то знаю. Шоссе называлось Волко-Ламское, потому что ко-

гда-то тут были леса, и волков было пропасть. Ну, и ламы тоже водились.

– Насчет волков не знаю, врать не буду, – авторитетно сказал плечистый дядька в синих штанах и черной рубашке, – а ламы здесь и теперь водятся. Бегают очень быстро, и вот такие клыки у них, – он показал свой палец. Палец был внушительный. – Не дай бог догонят – на клочки порвут.

– Да путаешь ты что-то, Викинг, – робко возразил пожилой мужик, – ламы вроде не у нас, а в Америке жили. И питались травой, а не человечиной.

– Так то до Катастрофы, – веско возразил молчавший до сих пор мужчина, лицо которого было в тени.

– Я путаю? – гневно переспросил Викинг. Видно было, что к возражениям он не привык. – Да я их сто раз видел, просто не знал, как они называются. А вот теперь он сказал, я сразу и понял – это точно ламы. Кому еще и быть-то?

– Ну, может, из Зоопарка прибежали и расплодились, – примирительно сказал пожилой мужик. – По мне, как ни называй всех этих, которые теперь наверху бегают, а имя им одно – нечисть.

– А водяные вас там не донимают? – спросил плечистый.

– Какие водяные? – удивилась Нюта.

– Ну, у нас же тут кругом вода. С одной стороны Строгино, недалеко совсем, а подальше – Покровское-Стрешнево, усадьба старинная, пруды. Водохранилище Химкинское, опять же, канал. Там тоже всякие твари живут, не к ночи

будь помянуты.

– Но они же в воде, наверное, живут, на сушу не лезут.

– Так они, гады, на глазах приспособливаются. Поводились по канализационным стокам пробираться. Пару раз уже сюда заявлялись, к нам, – ну, мы их достойно встретили. Ошметки так и летели! Эх, чувствую, скоро конец придет нашей линии. Выживут нас эти твари из последнего нашего убежища.

– А на Полежаевской-то что вышло, – начал опять пожилой мужик. – А я ведь знал, что станция эта не простая. Там ведь путей-то не два, а три. И две платформы. Хотели когда-то ветку боковую прокладывать, в Серебряный Бор, а потом раздумали. Но тупик там остался, сколько успели выкопать. Я думаю, в этот самый тупик какая-то нечисть сверху и прокопалась. И всех сожрала. К вам-то никто не заявлялся с той стороны?

Крыся отрицательно покачала головой.

– А ведь ваша эта станция, девки, тоже нехорошая, – продолжал пожилой. Нюта вздрогнула.

«Неужели он знает?» – пронеслось у нее в голове. И тут она заметила парня, который наблюдал за ней, иронически подняв бровь. Она смутилась и отвернулась.

– Зря не слушаешь, – продолжал пожилой. – Вот скажи мне, сколько времени вы к нам сюда шли?

– Не знаю, – пробормотала Нюта, – кажется, очень долго. Несколько часов.

– И сколько километров примерно прошли? – не унимался мужик.

Бедная Нюта имела очень приблизительное понятие о расстояниях, как, впрочем, и Крыся.

– Десять, – брякнула она наугад. Но мужика ее ответ вполне устроил.

– То-то и оно, – важно поднял он палец вверх. – А ведь на самом деле от вас до нас поверху и километра не будет. Вот как такое может быть?

– Правду он говорит, – неожиданно согласился плечистый. – Станция ваша на месте Тушинского аэродрома построена. Недалеко совсем это. А наши тоже рассказывают: то, бывало, быстро дойдут, а то идут-идут, и конца пути не видно. Не любят у нас поэтому к вам ходить.

– Да и люди у вас там неприветливые, смурные какие-то, – поддержал пожилой.

Нюта украдкой разглядывала парня. У него были правильные черты лица, прямой нос, тонкие губы и большие серые глаза, уголки которых чуть приподнимались к вискам. Нестриженные темно-русые волосы свободно падали на плечи. Она обратила внимание на то, какие красивые у него руки, тонкие пальцы, – он рассеянно перелистывал какую-то книгу. Одет он был в свободную длинную рубаху и такие же, как у многих, синие штаны, сидевшие на нем в обтяжку. «Если бы он был девочкой, то это была бы очень красивая девочка», – попыталась Нюта сформулировать для себя свои

впечатления.

Парень, заметив, что она его разглядывает, опять усмехнулся. Видимо, привык, что девушки таращатся на него, раскрыв рот.

– Да ладно, чего мы к девчонкам привязались, в самом-то деле? – сказал плечистый примирительно. – Люди, понимаешь, у них неприветливые! Живут трудно, вот и неприветливые.

– А кому сейчас легко? – спросил пожилой.

– Не скажи. Вот на Сходненской одно время сносно людям жилось. Там у них и магазинов полно уцелело поблизости, а еще там ведь Тушинский машиностроительный недалеко. На нем почти все сохранилось, и сталкеры много полезного таскали оттуда, запчастей всяких. Одно время челноки к ним через нас так и шастали. Туда чай элитный несут с ВДНХ, куртки кожаные с «Динамо», обратно – детали, инструменты. У кого руки есть – он из этих деталей что хошь соберет, хоть пулемет, хоть детскую кроватку. А теперь, конечно, после этой беды на Полежаевской все пути к центру перекрыты. Теперь им туго придется. Да и то сказать, с завода-то они почти все полезное уже вынесли, а в последнее время туда и не сунуться стало – какие-то монстры гнездо устроили. Да и канал, опять же, поблизости, оттуда тоже приползают... всякие.

– Помню я этот завод, – вздохнул пожилой. – Я еще мальчишкой был, когда там какие-то ракеты делали. И перевози-

ли их по ночам в обстановке строгой секретности. А я, бывало, все старался в окошко что-нибудь увидеть – мы не так уж далеко жили. Так мне хотелось посмотреть, как настоящую ракету везут! И ведь увидел однажды... сбылась мечта.

На него посмотрели уважительно и даже с некоторой завистью.

– Интересная жизнь у тебя была, Петрович, – вздохнул мужичонка с испитым лицом. – А я вот мальчишкой в метро попал... и вспомнить-то особо нечего.

– А что за бумаги у вас на стенах висят? – спросила Нюта, радуясь, что разговор свернул с опасной темы.

– А это газеты, – с гордостью сказал испитой мужичонка. – В них новости всякие пишут и бургомистра критикуют.

– Как же у вас тут все здорово устроено! – восхитилась Нюта.

– Да разве это жизнь? – скривился плечистый. – Вот в Полисе, на Ганзе или, к примеру, на Китай-городе – там жизнь, говорят, ключом бьет. А у нас тут что ж – в лесу живем, пню молимся.

Нюта опять непроизвольно вздрогнула. «Только мы думали, что попали к нормальным людям – а они, оказывается, тоже молятся какому-то пню. И еще неизвестно, какие жертвы этому пню приносят», – с тоской подумала она. Подняла глаза и увидела, что парень вновь насмешливо смотрит на нее. Поймав ее взгляд, он легко поднялся и подошел к девушкам, опустил на пол возле них.

– Что надо? – сердито спросила Нюта.

– Да так, ничего, сущие пустяки, – тихонько, чтобы никто не слышал, ответил он. – Мне очень хотелось бы знать, чего такого вы натворили у себя на станции, что вздрагиваете теперь по любому поводу.

– Нам пора спать, – резко сказала Нюта. – Пойдем, Крыся.

– Дурочки, – услышала она сзади, – я помочь хочу!

Но Нюта, схватив подругу за руку, уже волокла ее прочь от костра.

* * *

Убийца появился на станции поздно ночью. Он долго ждал в туннеле, прежде чем направиться к патрульным.

– Пароль, – окликнули его.

– Шестнадцать, – нехотя буркнул он, зная по опыту, что в таких случаях лучше не молчать, а отвечать сразу хоть что-нибудь. Иначе могут принять за мутанта или за нежить, в которую здесь многие верили. Бывали случаи, когда некоторые нервные часовые, не дождавшись ответа, тут же открывали стрельбу и лишь потом начинали разбираться. С них, как правило, за это даже не спрашивали строго.

– Человек, – констатировал патрульный. – А ну-ка, покажи тогда паспорт.

Убийца видел этого патрульного раза три и отлично помнил. Патрульный тоже видел его, но невыразительное лицо

каждый раз стиралось у него из памяти.

– Ладно, проходи, – сказал патрульный. – Пароль, чтоб ты знал, на сегодня «Свобода». Что это сегодня с вашей станции к нам зачастили? Ты, случайно, ничего не знаешь про девочек, которые утром пришли?

– Нет, я тут по своим делам, – сказал убийца.

Не пройдет и часа, как он будет знать про беглянок все.

Он прошел на станцию. Тут и там еще бодрствовали возле костров люди, и Невидимка присел к тому, где народу было побольше. Послушав разговоры, он сделал выводы, что все не так плохо. Во-первых, девчонки здесь. Во-вторых, судя по всему, они ничего криминального пока не разболтали – видимо, боятся. Это было ему на руку. В голове тут же созрел план действий. Для начала надо переговорить с бургомистром, но разумнее отложить беседу на утро – торопиться некуда. Девчонки пока все равно никуда не денутся, никто их без документов со станции не выпустит.

Убийца улегся недалеко от костра, завернулся в плащ и через несколько минут спокойно заснул.

* * *

Когда Нюта проснулась, Крыси в палатке не было. Она подползла к выходу, осторожно выглянула и облегченно вздохнула, услышав оживленный голос подруги. Крыся хлопотала у костра, ей помогал вчерашний парень. В ответ на

гневный взгляд Нюты Крыся изобразила недоумение.

– Вот, познакомься, это Кирилл, – прошептала она. Парень отвесил иронический поклон.

– Ты что, с ума сошла? – шепнула Нюта незаметно, улучив момент, когда Кирилл отошел.

– А что такого? – спросила подруга. – Ты же сама сказала, нам важно узнать побольше. А про нас я ему ничего не рассказывала.

Тут опять подошел Кирилл, который раздобыл для них чашки. Они сели пить чай, показавшийся им необыкновенно вкусным.

– Это настоящий, сталкеры еще ухитряются иногда находить где-то, – пояснил Кирилл. – А по-моему, тот, что на ВДНХ делают, ничуть не хуже. Только теперь о нем мечтать не приходится, никто уже оттуда к нам не доберется.

Нюта решила, что большой беды не будет, если они и вправду, пользуясь случаем, попытаются выведать у Кирилла побольше нужных сведений.

– А можно мне почитать эти ваши газеты? – спросила она. Кирилл пожал плечами.

– Пойдемте, – сказал он и подвел их к ближайшей колонне, где висел довольно большой лист бумаги. Сверху крупными печатными буквами было написано название – «Тушинская крыса». Потом шли заголовки помельче. Из заметки «Что день грядущий нам готовит?» Нюта узнала, что запасов еды пока хватает и беспокоиться нет причин. Правда,

большую часть их контролирует бургомистр, и давно следовало бы потребовать от него отчета. Не пора ли, ехидно интересовался автор статьи, присвоить бургомистру прозвище «Тушинский вор»? В следующей статье долго и путано рассказывалось о героическом походе сталкеров на железнодорожную станцию «Трикотажная», где еще со времен Катастрофы чудом уцелел состав с несколькими цистернами. Народ уже давно знал про эти цистерны и высказывал самые смелые предположения об их содержимом – вплоть до того, что там может оказаться и спирт. Когда сталкеры, преодолев колоссальные трудности, добрались наконец туда, обнаружилось, что в цистернах топливо, что тоже было совсем неплохо. Правда, львиную долю добычи, как всегда, тут же присвоил себе бургомистр.

В следующей статье задавался гневный вопрос, когда же, наконец, будет заделан неизвестно куда ведущий лаз в туннеле неподалеку от южного поста? Вместо того, чтобы постоянно ставить там усиленную охрану на всякий случай, не проще ли раз и навсегда завалить лаз цементом, чтобы никакая нечисть не смогла через него пробраться на станцию? Нюта поняла, что это тоже был камешек в огород бургомистра.

В последней небольшой заметке сообщалось, что на днях кто-то, возможно подростки, пытался отодрать одно из алюминиевых панно с изображением самолетов, а это, между прочим, исторический памятник и произведение искусства,

которое должно усиленно охраняться властями.

– Это орган оппозиции, – пояснил Кирилл. – Есть еще официальная газета «Нижнее Тушино», там публикуются всякие речи и постановления бургомистра. Но эту читать интереснее.

– Как странно, что у вас так спокойно все ругают бургомистра, – сказала Нюта. – Если бы у нас хоть кто-нибудь посмел ругать Верховного, ему бы плохо пришлось.

– У нас республика, – гордо сказал Кирилл. – Демократическое государство, управляемое на основе анархической солидарности, – повторил он фразу, явно слышанную от кого-то из старших. – Народ сам выбирает себе правителей.

– Но если ваш бургомистр не справляется, если его так ругают, почему вы его не переизберете?

– А смысл? – пожал плечами Кирилл. – Все люди одинаковые, другой тоже будет грести под себя. В таком государстве, как наше, личность правителя даже не имеет особого значения, он может ничего из себя не представлять. Зато он умеет говорить речи. А всеми делами заправляет на самом деле не он, а Марина.

– Почему? – спросила Нюта.

– Долгая история, – Кирилл махнул рукой. – Она была женой предыдущего коменданта. Ну, тот был мужик что надо, всех в кулаке держал. У него не забалуешь, мог и мертвых, если надо, поставить под ружье. Я помню, как он круто разобрался с торговцами с Планерной, с тех пор они свое

место знали. У нас в гостях вели себя тише воды, ниже травы. Марина ему помогала, правой рукой его была, ну, и научилась дела государственные решать. Потом он в бою с мутантами погиб. Марина тут же народу Гришку предъявила, да так ловко все обставила, что большинство за него проголосовало. И как только его выбрали, она за него замуж вышла. Так что он без нее – ноль без палочки, и прекрасно это понимает. А Марина просто очень ловкая и хитрая, и мечтает всем здесь заправлять. Но уж слишком она высоко метит, по-моему. Вряд ли это добром кончится. Не стоит женщине лезть в мужские дела.

– А это что? – спросила Нюта, глядя на плакат с зеленой надписью.

– А-а, это бургомистр одно время призывал выращивать морковь и свеклу. Сталкеры семена нашли, просроченные, правда. Не вышло ничего. При таком скудном освещении только шампиньоны могут расти.

– А еще чем вы тут питаетесь? – поинтересовалась Нюта.

– На Сходненской свиней разводят, мясо нам продают. У нас тоже небольшое стадо есть. Теперь, видно, заглохнет торговля... придется на свои силы больше рассчитывать. А еще, как ни странно, сталкеры с поверхности до сих пор кое-что приносят, крупы там всякие. Просроченные, конечно, но есть можно. Как-то нашли засекреченный склад, там мясных консервов было полно. Некоторые, само собой, уже вздулись, пришлось выбросить, а другие вроде ничего, рискнули

съесть, и все живы остались. Так и перебиваемся потихоньку, не голодаем. Один раз сталкеры вообще наверху наткнулись на чьи-то старые участки, клубни принесли – отец сказал, картошка. Всем досталось понемножку, вкусно. Жалко, что здесь нельзя ее растить.

– А у нас только крыс разводят, – вздохнула Нюта. – Ну, и шампиньоны, конечно. Впроголодь жили.

– Да уж, по тебе заметно, – сказал Кирилл. – Да над вами там вообще, говорят, бывший аэродром наверху... места-то полно. Завели бы свое хозяйство подсобное. Выходили бы по весне в комбинезонах картошку сеять по ночам. Отец говорит, она потом сама растет, ее только прополоть пару раз и это... окутить, кажется. Конечно, она бы радиоактивная была, но ведь все продукты, что сверху приносят, такие... а мы едим. Зато какая крупная вырастала бы!

Он вдруг спохватился.

– Ладно, девчонки, мне к отцу надо сходить. Увидимся еще.

* * *

Убийца сидел в кабинете бургомистра. Тот потрясенно хлопал себя по коленкам.

– Ну надо же! А я ведь эту историю слышал. Двое взрослых с девчонкой шли... ее, вроде как живой консерв, с собой прихватили. Чтобы съесть потом или продать. А вышло-то

все наоборот – закусил-то ими, а девчонку нашли потом живехонькой. Правда, мне рассказывали, что ее, как только нашли, прикончили тоже от греха подальше. Мало ли что... – И он сделал испуганные глаза.

– Как видите, нет, – покачал головой собеседник. – Вырастили на свою голову, ничего для нее не жалели... и вот благодарность. Сколько волка ни корми, все в лес смотрит, – припомнил он старую пословицу. – И ладно бы одна сбежала, так еще и племянницу Верховного сманила с собой. У той, понятно, мозгов никаких, дело-то молодое, приключений хочется. А если бы что-нибудь по дороге с ними в самом деле приключилось? Он бы с меня голову снял. Мне тут у вас рассказывали – на них напал кто-то, еле отбились.

– Их спасли патрульные, – важно сказал бургомистр. – Не волнуйтесь, теперь племянница вашего правителя в целости и сохранности. Мы подумаем, что можно сделать. Постараемся выделить вам людей для сопровождения, чтобы благополучно доставить беглянок обратно.

Об этом можно было только мечтать. Убийца с готовностью закивал.

– Да, позаботьтесь, пожалуйста. Верховный в долгу не останется. И учтите, что эта девица слегка не в себе. Она, видно, умом повредилась после пережитого... на людей вроде пока не кидается, но иногда заговаривается, чушь всякую несет.

– Понятное дело, – кивнул бургомистр. – Марина! –

вскричал он. – Ты все слышала? Какая странная история!

Но Марина ничего не ответила, лишь презрительно подняла бровь. Лицо ее, как всегда, было непроницаемо.

Убийца довольно потер руки. Дело почти улажено. Ему помогут доставить девчонок обратно, а их рассказы всерьез воспринимать никто не будет. Люди же, выделенные для охраны, могут ведь и не вернуться потом обратно на Тушинскую. Мало ли опасностей в туннелях?

* * *

Нюта пыталась помогать толстой стряпухе с обедом, а сама все поглядывала, не идет ли Кирилл. Наконец он появился, но не один. С ним был человек лет сорока, почти седой, в костюме защитного цвета. Сходство между ним и Кириллом было так велико, что сомнений у Нюты не было – это его отец.

Кирилл был мрачен. Оставив своего спутника с Крысей, он отошел в сторону Нюты.

– Я уже спрашивал тебя и спрашиваю опять: что вы такого сделали? В чем замешаны?

– С какой стати я должна тебе отвечать? – возмутилась Нюта.

– Можешь и дальше молчать, но тогда пеняй на себя: тебя и твою подругу собираются под охраной отправить обратно. Ведь ты – та девчонка, которую когда-то нашли в туннеле?

Нюта только беззвучно кивнула.

– Так вот учти, за вами прислали человека. И человек этот распускает всякие слухи. К счастью, присматривать за вами пока поручили моему отцу. Так что вы сделали? Убили кого-нибудь? Подстрекали к мятежу? Курили в неподобающем месте?

– Мы ничего плохого не делали! Ты... Ты должен верить. Я пока не могу тебе рассказать. Наоборот, убить собирались нас, поэтому мы убежали. Если нас вернут обратно, нам конец.

– Ладно, допустим, верю. Надо сходить к Марине – вся надежда только на нее. Она себе на уме, просчитывает все на десять ходов вперед и своей выгоды никогда не упустит. Если она не захочет, чтобы вас выдавали, то что-нибудь придумает. На самом деле она спит и видит, как бы прибрать к рукам еще и вашу станцию. У нее есть родственники в администрации Сходненской, и если бы еще удалось присоединить и «Спартак», она была бы счастлива. Может, она решит, что вы ей как-нибудь можете пригодиться...

И Кирилл исчез, оставив девушек со своим отцом. Тот, как ни в чем не бывало, принялся травить им забавные истории, и вскоре девчонки немного отошли, успокоились.

Кирилл вернулся обратно довольно быстро. Протянул девушкам две картонки и какой-то мешочек из пестрой ткани.

– Что это? – удивленно спросила Нюта.

– Я думаю, это и есть ответ Марины, – сказал Кирилл. – В

мешочке патроны. Она дает вам пропуски, действительные здесь и на Сходненской. Значит, считает, что вам лучше уходить туда, пока не поздно.

– А какой ей смысл нас спасать? – недоверчиво спросила Нюта.

– Сказала, что пока вам лучше скрыться. Она-то ничем не рискует, никто и не догадается, что она к вашему уходу руку приложила. У нее всегда есть пустые бланки пропусков, подписанные бургомистром. Конечно, наши знают, что без нее здесь ни одно дело не обходится. Но между «все знают» и «такой-то человек сказал точно» есть разница. А потом, когда все уляжется, она хотела бы подробно побеседовать с вами о порядках на вашей станции. Ее интересует все – бытовые подробности, привычки и предпочтения вашего правителя, ваши с ним отношения. Люди с вашей станции обычно неразговорчивы, а Марина любопытна. Теперь ей представился случай удовлетворить свое любопытство.

Нюта кивнула. На самом деле она была в ужасе. Ясно было, что за спасение придется все откровенно рассказать. И понятно, что лучше этот момент оттягивать как можно дольше, потому что после этого их жизни не будут стоять и пустой гильзы. Марине они после этого станут неинтересны, и та вряд ли станет заботиться об их охране. А у Верховного появится еще один повод их ненавидеть. Тем не менее, не оставалось ничего другого, как согласиться в надежде выиграть немного времени, – авось удастся что-нибудь приду-

мать.

– У нас в запасе часа два-три еще есть – бургомистру сейчас не до нас, – продолжал тем временем Кирилл. – А нам пока надо постараться вычислить, кого за вами послали, чтобы уйти незаметно для него. Вы никого знакомого здесь не видели?

Нюта отрицательно покачала головой.

– Ладно, – сказал Кирилл, – Пока поешьте как следует, отложите еды в дорогу и постарайтесь отдохнуть. Ваше дело – выглядеть спокойными и беспечными, чтобы никто ничего не заподозрил.

Начали раздавать еду, и девушки принялись через силу жевать, исподтишка разглядывая окружающих, но никого не узнавали. Лица двух или трех мужчин вроде показалось им знакомыми, но вполне возможно, что они их видели здесь же накануне. Встречая их взгляды, люди отводили глаза. Нюте казалось, что все уже знают ее историю, разве что пальцем не показывают. Но окружающие чинно жевали, глядя в свои миски.

Вдруг с дальнего конца станции донесся дикий крик. Что именно кричат, было не разобрать, но тут же все преобразилось. Люди повскакивали со своих мест, одни бестолково сустились, другие хватались за оружие. Послышались выстрелы. Нюта, прижавшись к колонне, вглядывалась туда, где кричали, и наконец увидела. Черные блестящие тела металась среди людей, передвигаясь неуклюжими скачками. Од-

но, похожее на гигантского головастика с коротенькими лапками, разинуло огромную пасть, оказавшуюся зубастой, как у щуки, и будто сглотнуло ближайшего к ней человека. Другое, похожее, тоже нацелилось на кого-то, но, видно, не смогло достать. И вдруг оно стало удлиняться, менять форму, на глазах превращаясь из головастика во что-то вроде ящерицы. Вытянулась длинная шея, выгнулась. Кто-то выстрелил в него сзади, монстр недовольно заревел, ударил длинным хвостом, и человек упал со сломанным позвоночником.

– Водяные! – с ужасом прошептал кто-то рядом с Нютой. Кто-то навалился сзади, она оглянулась – Кирилл прижимал ее к колонне, вроде бы заслоняя собой, но мешая смотреть. Нюта досадливо его оттолкнула. Мимо пробежала Марина, что-то крича, отдавая какие-то команды. Несколько человек, укрывшись за колоннами, вели беспорядочную стрельбу. Нюта оглянулась в поисках Крыси. Той не было видно. Отец Кирилла, прицелившись, метнул нож в ближайшего монстра. Попал в спину, но существо словно бы этого и не заметило. Сбоку послышался истошный крик:

– Да куда ты с гранатой, придурок! Ты нас всех сейчас похоронишь!

Один из монстров опять грациозно изогнулся и выцепил добычу. Когда он высоко поднял голову, в зубах у него висела Марина, зажатая поперек туловища. На ее лице, обычно невозмутимом, были ужас, боль, недоумение. Она будто не могла поверить, что с ней случилось такое. И это показалось

Нюте самым жутким. В следующую минуту существо трянуло головой, перехватив жертву поудобнее, и голова и плечи женщины исчезли у него в пасти. Только ноги в туфлях оставались снаружи и судорожно дергались, но через секунду исчезли и они. Нюта, как завороченная, смотрела, как нашее существа образовалось утолщение, постепенно перемещавшееся вниз, к желудку.

В дальнем конце станции что-то грохнуло, появились всполохи огня, и монстры вдруг заметались в панике, давя и калеча зазевавшихся людей. Им явно было уже не до еды. Кто-то в упор выстрелил в морду ближайшего, и зверь взвыл, мотая головой. Подбежали двое с лопатами и принялись, мешая друг другу, наносить удары. Вокруг летели ошметки черной плоти. Наконец существо рухнуло на пол, повоилось еще немного и затихло. Нюта оглянулась. Поодаль валялось еще одно черное тело, остальных не было видно.

– В туннели ушли, – вздохнув, сказал кто-то рядом. – Зуб даю, они через ту дыру просочились, возле южного поста.

– Она ж маленькая совсем!

– Да ведь они, гады, форму менять умеют. Вытягиваются, как змеи, и в любые щели проползают.

Рядом слышались возбужденные голоса:

– А я ему раз – и прямо в пасть из ракетницы!

– Сашко молодец – не растерялся, за огнемет схватился.

Они огня-то пуще всего боятся.

Отец Кирилла держался за плечо. Лицо его было блед-

НЫМ.

– Папа, что с тобой? – спросил Кирилл.

– Да так, помяли слегка. – Видно было, что мужчине очень больно.

– Дайте я взгляну, – попросила появившаяся откуда-то Крыся.

– Ты где была-то?

– А я, как шум начался, забила под ту деревянную штуку... Так и просидела там.

Люди потихоньку приходили в себя, оценивали потери. Тут и там валялись тела. Кто-то, еще живой, стонал. Несколько добровольцев, в том числе и Крыся, принялись под руководством врачей оказывать пострадавшим помощь.

Бургомистр сидел прямо на полу, обхватив голову руками. Его никто не трогал, к нему не обращались. Сочувственно смотрели и обходили стороной. Несколько человек, в том числе и отец Кирилла, отдавали негромкие распоряжения, которым люди беспрекословно подчинялись.

Итоги оказались неутешительными. Пострадала так или иначе чуть ли не треть населения станции. Насчитали полтора десятка убитых, а раненым и счету не было. У нескольких человек, судя по разговору, тут же нашлись срочные, прямо-таки неотложные дела на Сходненской. Удерживать их не пытались.

– Нам надо с ними идти, девчонки, – сказал Кирилл.

– Почему? – удивилась Нюта. – Людям здесь теперь не до

нас, обратно нас отправлять никто не станет.

– Зато если ваши сюда явятся, теперь они смогут легко взять станцию под контроль. У нас много раненых, сопротивляться будет почти некому. Вы об этом не подумали? А если эти твари опять приползут? Еще одного такого нашего станция не выдержит.

Нюте и самой не хотелось здесь оставаться после жуткой смерти Марины.

– Папа, – спросил Кирилл, – ты пойдешь с нами?

Тот, наспех перевязанный, баюкал раненую руку. Он покачал головой:

– Идите без меня, Киря. Я вам только обузой стану. И сердце у меня пошаливает, ты же знаешь. Я лучше здесь останусь. Тут мы с матерью твоей жили, это место для меня родное. Ты иди... Со мной все в порядке будет. Кто-то должен станцию в порядок привести...

– Тогда я тоже останусь.

Отец вновь покачал головой:

– Уходи, сынок. Надо девчонок уберечь, кроме тебя сделать это некому. Не бойся за меня, рука заживет. Вот подлатаю ее, а там ты вернешься, и тогда думать будем. Иди. Береги себя только. Бомба, знаешь, в одно место дважды не падает. Твари сюда больше не сунутся...

Кирилл осторожно, чтобы не причинить боли, обнял отца и кивнул.

Нюта смотрела в блестящие глаза старика и слышала в его

голосе утешительную ложь. Он обманывал сына, внушал ему надежду – чтобы выпроводить его со станции и спасти тем самым ему жизнь. А Кирилл был готов ему верить – просто потому, что даже думать о том, что его отец может умереть, он не хотел.

Жизнь на станции, между тем, потихоньку входила в колею. Стряпуха возилась с котлом – ближе к вечеру есть захочется и здоровым, и раненым. Люди потихоньку пытались опять устанавливать сбитые палатки. Несколько человек под руководством Викинга целеустремленно таскали к южному посту обломки бетонных блоков – собирались заделывать лаз.

– Девчонки, по дороге не болтать, – предупредил Кирилл. – Мы не знаем, где шпион со «Спартака». Может, он в числе погибших, но надеяться на это нельзя. Если он уцелел, то вполне может оказаться одним из наших спутников.

И, помахав на прощание последний раз отцу Кирилла, они двинулись вслед за уходящими. Вдогонку им не раздалось ни одного упрека от остававшихся. И те, и другие свой выбор сделали.

И только женщина, сидевшая возле мертвого солдата, несколько секунд тупо смотрела им вслед.

– Крысы бегут, – пробормотала она. – Крысы.

Глава 3

Опасно ли гулять по трамвайным рельсам?

До Сходненской шли в угрюмом молчании. Нападать на них в туннеле никто не пытался. Один раз они услышали какой-то скрежет, словно когтями царапали камень. В лучах фонарика метнулось странное белесое существо, похожее на истощенную обезьяну с огромными выпученными глазами, и тут же куда-то скрылось.

Нюта думала, что Сходненская будет похожа на Тушинскую, но здесь все было по-другому. Из-за отсутствия колонн станция казалась просторнее и просматривалась насквозь. Белый закопченный потолок нависал полукруглым сводом. Стены теплого розового цвета тоже украшали алюминиевые панно, но изображены на них были концентрические круги-мишени. Что такое мишень, Нюта знала – в детстве она нередко играла в ножижки со станционными мальчишками. Правда, часто ловила на себе подозрительные взгляды взрослых: некоторые считали, что ей опасно давать в руки нож, – неизвестно, чем это может закончиться.

На Сходненской люди жили попроще: ряды палаток цвета хаки, много мужчин в камуфляже. Женщины тоже были одеты неброско, словно старались не выделяться. Но глав-

ное, атмосфера на станции была какой-то тягостной, будто ее обитатели ожидали скорой и неминуемой беды. Немудрено, что приходу беглецов никто не обрадовался.

Комендант Сходненской Захар Петрович оказался мужчиной средних лет с простым и усталым лицом. Видно было, что ему давно не удавалось как следует выспаться. Выслушав рассказ о нападении мутантов на Тушинскую, комендант только руками развел:

– Людьми помочь не могу, даже не мечтайте. У самих неприятности – что-то странное творится в районе Планерной. Раньше там люди жили, хотя вечно у них какие-то дразги были, драки... Там ведь в основном торговцы с местного рынка собрались, все сферы влияния делили. Иногда приходили оттуда к нам, мы с ними торговали понемножку. Но вот уже месяц не было никого, зато в туннеле стали появляться странные твари наподобие лемуров. Пока никого вроде не трогают, только подходят вечерами поближе и смотрят, словно изучают. Глаза-то у них здоровые, навывкате, аж не по себе делается! А недавно начали у нас люди пропадать. Четверых уже недосчитались – двое взрослых мужиков, мальчишка и женщина. Не знаем, что и думать. Кажется мне, на Планерной уже не люди живут. Так что не в добрый час вас к нам дорожка привела. Честно говоря, мне кажется, неспроста эти лемуры тут появились. Может, это жители Планерной теперь так выглядят? Может, у них эпидемия приключилась и скоро мы все такими станем?..

Он подробно расспросил о нападении мутантов на Тушинскую, поохал, узнав о гибели Марины, и предложил путешественникам устроиваться.

– Еду, ночлег – все вам обеспечим. У нас, конечно, попростому, без затей, но голодными не останетесь. А потом разберемся, куда вас пристроить. Вы как вообще, – он впросительно посмотрел на Кирилла, – надолго к нам?

Тот только пожал плечами:

– Не знаем пока. Как получится...

Беглецы расположились у ближайшего костра. Им выдали миски с грибным варевом, в котором плавали небольшие кусочки мяса. Вокруг сидели хмурые люди: один чистил и смазывал разобранный автомат, другой вырезал что-то из доски, третий надраивал до блеска сапоги. Женщина в темном платье и с косынкой на голове бережно сматывала полосы ткани – готовила перевязочный материал. Заплакал ребенок, и на него тут же зашикали. Гости поторопились закончить с едой и отправились в палатку, которую отвели девушкам, – совещаться.

– Мы здесь никому не нужны, – тут же заявила Крыся.

– А ты думала, что тебя здесь заждались? – поддела подругу Нюта. – Положение у нас так себе: назад возвращаться нельзя, здесь оставаться тоже опасно.

– А где сейчас не опасно? – хмыкнул Кирилл. – У вас, что ли?

– Нет, на Спартаке нас бы точно убили, – вздохнула де-

вушка. – Но сидеть здесь и ждать неизвестно чего не хочется.

– Куда тебе хочется?

Нюта задумалась:

– Меня никто нигде не ждет, кроме одного человека на Беговой. Мать у меня там осталась. Туда и пойду.

– Как же вышло, что она осталась, а тебя отпустила?

Нюта пожала плечами:

– Толком не знаю, я ведь тогда совсем маленькая была... Наверное, меня челноки украли или обманом увели с собой. Стараюсь вспомнить – и не могу. Иногда кажется, что мне велел идти с ними кто-то знакомый, кому я доверяла, иначе бы не послушалась. Но вот кто?

– А твой отец? Или он умер?

– Отца не помню. Мы сначала жили вдвоем с мамой, а потом с нами еще дядька Петр стал жить. Хотя у него от тетки Риты уже был сын. Мама хотела, чтоб я его папой звала, а я не могла – не нравился он мне. Один раз мне подзатыльник дал, а я его укусила.

– А почему же, когда твоих спутников сожрали, а тебя нашли в туннеле, мать не пыталась забрать тебя со Спартака?

– Не знаю. Много можно найти причин. Может, ей тяжело было – она тогда маленького ждала, может, боялась одна через полметра идти. А может, так до сих пор и не знает, что со мной и где я.

– По-моему, эту историю уже чуть ли не на всей линии рассказывают, – не согласился Кирилл. – Знаешь, я думаю,

ты просто мешала своей матери жить с новым мужем, поэтому она и не спешила тебя искать. Не обижайся, но вряд ли ты ей была нужна.

– Не смей так говорить! – вскинулась девушка. – Ты не видел, как она плакала, когда мы прощались.

– Ну и что? Поплакала и успокоилась. А потом у нее младенец появился, и ей стало вовсе не до тебя.

– Даже слушать не хочу! – крикнула Нюта. – Ты не знаешь, как она меня любила! Бывало, когда Петра дома нет, подсядет ко мне, обнимет и шепчет: «Потерпи, Нюточка, скоро все у нас будет хорошо».

– Даже если так, подумай, сколько с тех пор лет прошло. За это время что угодно могло случиться. Может, ее и в живых уже нет.

– Успокоюсь только тогда, когда точно это узнаю, – упрямо сказала девушка. – А пока просто хочу вернуться туда, на Беговую. Там я хоть иногда бывала счастлива. А с тех пор, как попала на Спартак, мое детство кончилось.

Кирилл переглянулся с Крысей, та выразительно пожала плечами.

– Итак, девчонки, что мы имеем в сухом остатке? – подытожил парень. – Здесь, похоже, так же опасно, как и на Тушинской, а на Планерной вообще черт знает что. Получается, идти нам некуда. Может, вернемся к отцу?

– Нельзя нам с Крысей на Тушинскую, – замотала головой Нюта. – Нас там люди Верховного легко найдут и убьют.

– Так ведь они и сюда могут прийти... – робко заметила Крыся.

– Вот именно! Поэтому здесь мы сидеть и ждать их не будем. Надо уходить.

– На Беговую, что ли? – прищурился Кирилл. – Дойдешь ты туда, как же! Во-первых, очень далеко. Во-вторых, ты в курсе, что туннель между Беговой и Полежаевской взорван?

Но Нюта, судя по всему, уже приняла решение, и теперь переубедить ее было невозможно.

– Выход всегда найдется, – заявила она. – Пойдем по поверхности.

Две пары широко раскрытых глаз уставились на девушку.

– Ты с ума сошла?!

– С чего бы? Сталкеры ведь ходят. И возвращаются.

– Ага, только не все. И потом, не очень ты похожа на сталкера. Они мужчины, и вообще – люди опытные.

– Тут главное – не опыт, а удача, – не сдавалась Нюта. – Между прочим, поверху такое же расстояние, как и под землей, если напрямик идти. Опасно, конечно, но ты же сам сказал: где сейчас не опасно? Если всю жизнь на одном месте сидеть, тоже не факт, что уцелеешь. Те, кто на Полежаевской жил, наверное, тоже думали, что с ними ничего не случится...

– Может, ты в чем-то и права, – подумав, признал Кирилл. – Я сам два раза поднимался на поверхность со сталкерами, правда, ненадолго. Да и как на других станциях лю-

ди живут, мне давно посмотреть хотелось. Только не все так просто, девчонки: просто так на поверхность соваться – самоубийство. Костюмы нужны специальные, противогазы, оружие, наконец. Да и какая-нибудь карта совсем не помещает. Так что, получается, без помощи коменданта из этой затеи ничего не выйдет.

– Тогда пошли к коменданту! – И Нюта, не дожидаясь товарищей, решительно отдернула полог палатки.

* * *

Против ожидания, Захар Петрович к их затее отнесся спокойно. К тому же, жизнь в метро приучила его ничему не удивляться и к любому делу подходить трезво и взвешенно. Он вовсе не был жестоким, но и уговаривать их остаться смысла не видел. Каждую минуту глава Сходненской ожидал нападения, и девушки в такой ситуации были бы скорее обузой, а хрупкий парень отнюдь не выглядел опытным бойцом. Да и три лишних рта, опять же...

– Раньше бы сказал – безумная это затея, – выслушав гостей, заявил он, – но при нынешнем раскладе удерживать вас не могу и не стану. – Комендант почесал в затылке. – Неизвестно еще, где сейчас опаснее – здесь или наверху... Костюмы и противогазы я вам дам. Это раньше с ними напряженка была, а теперь не снаряги – людей не хватает. Вот с оружием хуже, хотя один автомат и пару рожков патронов, думаю,

выделим. Что касается дороги – могу нарисовать примерную схему. Раньше я окрестности хорошо знал. Только имейте в виду, после Катастрофы наверху все очень изменилось. Конечно, кое-что со слов сталкеров можно подкорректировать, но чаще их рассказы нужно, что называется, на десять делить... – Захар Петрович достал из тумбочки неровно оборванный тетрадный листок, огрызок карандаша и принялся чертить на бумаге линии, время от времени сверяясь с потрепанной картой.

– Значит, так. Как выйдете – это выход к бывшему кинотеатру «Балтика» – окажетесь на широкой улице. Сзади будет перекресток, вам туда не надо. Встаньте к нему спиной, так, чтобы кинотеатр оказался слева. Он невысокий, зато длинный и стоит особняком – не перепутаете. Между нами говоря, темное это дело, – понизил он голос. – Никто не понимает, как такое может быть. Сталкеры наши, когда туда ходят, с ног до головы амулетами обвешиваются – от злых духов.

– О чем вы? – спросил Кирилл. Комендант нагнулся к его уху и горячечно зашептал:

– Да ведь «Балтику»-то сломали года за два до катастрофы. Там какой-то торговый центр начали строить, он им мешал. Вот и порушили, хотя местные жители очень против были – любили они кинотеатр. Но все равно разломали. А теперь он опять стоит. Один сталкер даже рассказывал, что видел в окнах свет, и фигуры людей там мелькали. Не знаю, правда или нет, но только через пару дней ушел он на по-

верхность и не вернулся. Я так думаю – ему опять что-то почудилось, решил поближе рассмотреть. Тут его и забрали...

– Кто? – тоже шепотом спросил Кирилл, но комендант не ответил. Лишь стиснул в кулаке какой-то предмет, висевший у него на груди на шнурке, и что-то зашептал себе под нос, а потом продолжал: – Со временем выяснили, что на этом месте разным людям разное видится. Кто говорит, нет там никакого кинотеатра, только площадка пустая. Кто – есть здание, но темное, заброшенное. Но хуже всего – увидеть в «Балтике» свет, как тот бедолага. Говорят, это в полнолуние бывает, наши в такие дни вообще стараются на поверхность носа не высовывать. Видно, тогда сила этого места прибывает, и для людей это опасно...

Он немного успокоился и разжал руку. Сперва гостям показалось, что на шнурке у него висит монетка с дырочкой, но потом они поняли, что амулетом служил старый жетон для турникета. То есть, для Крыси и Нюты это был просто кругляш с большой буквой «М», а Кирилл по рассказам живших до Катастрофы знал, что когда-то давно такими жетонами платили за проезд в метрополитене.

– Справа чуть впереди увидите высотное здание, оно там одно такое, – тем временем продолжал Захар Петрович. – В ту сторону по улице и двигайте, до первого большого перекрестка. Кинотеатр, стало быть, останется у вас сзади, по левую руку. Конечно, проще было бы прямо, почти до канала, вот так, но получается не всегда. Если увидите в той стороне

сиреневый или еще какой-нибудь необычный туман, тогда лучше поверните налево и идите до следующей улицы. Только не перепутайте – налево, а не направо. Потому что, если идти направо, уткнешься в огромный овраг, а это – место нехорошее. За тем оврагом как раз и будет станция «Трико-тажная», где до сих пор цистерны стоят, но напрямки никто из наших идти не решается, хотя вроде и недалеко это. Потому-то ваши, тушинские, раньше нас туда и успели. Видно, как-нибудь с другой стороны добирались, а может, вообще по воздуху...

– Это как же? – пискнула Крыся.

– Да рассказывали мне, что нашли как-то давно на Тушинском аэродроме исправный вертолет. На Тушинской же такие люди собрались, не чета нашим, приземленным. Авиаторы, мать их так!

– Это правда? – Нюта посмотрела на Кирилла. Тот молча кивнул.

– А куда этот вертолет потом делся?

– Решено было организовать разведывательную экспедицию, – нехотя ответил парень. – На поиски других выживших. Только с тех пор ни тех людей, ни вертолета никто больше не видел. Может, нашли да там и осели, может, топливо по дороге кончилось или еще что-нибудь случилось...

Комендант покачал головой. Лицо его выражало сложную смесь осуждения и восхищения. Видно было, что затею с вертолетом он считает безумием – но каким великолепным

безумием!

– Так что в том овраге такого нехорошего? – спросила Нюта, возвращаясь к интересующей их теме.

– Во-первых, там пауки-людоеды живут. Но их еще как-то можно перехитрить или убежать. Хуже дело – нечисть. Рассказывали, забрел туда как-то сталкер один, на предмет чего съедобного поискать – раньше ведь там, на склонах, люди огороды себе устраивали. И вот пробирается он по этим зарослям, паучьи логова обходит, все грамотно делает. Вдруг видит – какой-то зверь в земле роется, размером с крупную собаку. Сталкер решил зря не нарываться и стороной обойти, да ветка у него под ногой хрустнула. И слышит он за спиной голос: «Кто здесь?» Оборачивается, а на месте зверя старик в драном тулупе мехом наружу. И как глянул на него тот старик мертвыми белыми глазами, так он, бедняга, и бежал без остановки до самого входа в метро. А ведь оттуда до нас километра два будет, не меньше...

– Нютка! Может, мы... – округлив глаза, прошептала Крыся, но девушка молча показала подруге кулак. Заметивший это Захар Петрович одобрительно хмыкнул:

– Верно, дочка! Не робей! Главное, даже если заплутае, почаще по сторонам оглядывайтесь. Если ночь будет лунная, увидите ориентир – три высотных здания. Их издали видно, особенно теперь, когда столько домов порушено, да и перепутать с другими сложно. Читал кто-нибудь из вас про деревянных солдат Урфина Джюса? Нет? А я вот читал, и тот,

кто те дома проектировал, видно, тоже. Потому что они прямо как те солдаты: сам дом – туловище, сверху квадратная надстройка поменьше – голова, в ней окна – как глаза. Даже что-то вроде шапок у них наверху, заглушки, что ли. Мы эти дома Стражами называем. Так вот, если увидите Стражей сзади по левую руку, значит, к оврагу идете, а если правильным путем, то должны будете потом прямо рядышком с ними пройти. Только осторожнее – их лошади крылатые облюбовали. Какие? Ну те, у которых крылья, как у летучей мыши, и морда драконья. Не видали? Оно и к лучшему, и дальше бы так.

Да, вот еще. Идти всегда старайтесь по улице, если спрятаться надо, можно в дома заходить, только осторожно. А вот во дворы лучше не соваться, их нынешние хозяева запросто могут в какой-нибудь в тупик загнать, и тогда – точно хана!

Ну, допустим, свернули вы куда надо на перекрестке, идете по улице Фабрициуса. Там будет справа такой высокий длинный дом, вот за ним можно направо же повернуть, к каналу. Конечно, канал – тоже место нехорошее, но вам подругому никак. Прямо пойдете – окажетесь недалеко от парка, за которым Химкинское водохранилище начинается. Вот уж где места совсем гиблые! Там, по слухам, на руинах Речного вокзала в лунные ночи такое творится, что нам лучше того и не знать: или умом тронешься, или вовсе помрешь...

– А кто ж тогда об этом рассказывал? – не выдержала Нюта. Видимо, недоверие в ее голосе было настолько явным,

что комендант сердито насупился и замолчал.

— Кто надо, — наконец проворчал он. — Вы дальше слушать будете или сами шибко грамотные и без моих бакс неправдоподобных доберетесь?

— Будем, будем! — закивал Кирилл. — Вы на нее внимания не обращайтесь, рассказывайте, пожалуйста, дальше.

— Ну, добро. В общем, идете вы в сторону канала, доходите до улицы, которая вдоль него идет, поворачиваете на нее и — налево. От канала вас будет что-то вроде лесополосы отделять, аккуратнее там. Мало ли, какая пакость выскочит. Ну, и от водяных на всякий случай заговор прочтите.

— Заговор? — захлопала глазами Крыся. — Какой? Мы заговоров не знаем...

— Ну, как это... навряде стишка: «Водяной, водяной, не плыви в волнах за мной». Я сам в эту чушь не верю, — тут комендант смутился, — но знающие люди говорят, помогает.

Скоро с левой стороны ворота кирпичные увидите — это и будет Тушинский машиностроительный. Его лучше пробежать по-быстрому, пока те, которые теперь в корпусах живут, не очухались. И не шуметь сильно, само собой, хотя это на поверхности вообще главное правило. Вот, пройдете еще немного и будет перекресток с улицей Свободы. Она широкая, не перепутаете. Опять же ориентиры — во-первых, здоровенная клумба там была, круглая... ну, клумба-то, может, и не сохранилась. Но если вверх посмотрите, увидите прямо перед собой все тех же Стражей. Вам направо, на мост. Он

почти целый, но все равно аккуратнее. Если прошли, дальше чуть полегче будет. Идете напрямик по этой самой улице. Долго придется идти. Там тоже ориентир был приметный – перед одним домом танк стоял. Говорят, настоящий. Но теперь, может, уже и не стоит. Васька Косой рассказывает – дошли они как-то туда втроем с друзьями и решили этот танк попробовать завести...

– Ага, так он и дожидался их, на ходу и с горючкой! – не выдержал Кирилл.

– Мне оно тоже сомнительным показалось, – согласно хмыкнул Захар Петрович. – Тем более, что очевидцев, кроме Васьки, нет, а ему какая вера? Точно известно одно – ушли втроем, вернулся один. А что там у них вышло – дело темное... Да бог с ним, с танком, дальше слушайте. Вот идете вы, значит, по улице Свободы и видите слева насыпь, а в ней туннели. Там незадолго до этого места над улицей еще переход стеклянный будет полуразрушенный, не перепутаете. Значит, правильно двигаетесь, это туннели под каналом, где шлюзы, там они даже сверху видны чуть-чуть. И хотя от канала и других водоемов лучше подальше держаться, но придется вам через один из этих туннелей на ту сторону пройти. Главное, повнимательней там, уж больно место удобное для засады. Проверьте сначала, не поджидает ли там кто. Ну, а уж если прошли – считайте, полдела сделано. Будет прямо перед вами Волоколамское шоссе. Вам направо, мимо башенок из красного кирпича. Там, опять же, предельно осторож-

ными надо быть, нечисть всякая выползает поохотиться.

Дальше места плохо знаю, врать не буду. Но, по старой карте судя, по этому шоссе можно дойти, аккуратно куда вам надо. Оно потом с Ленинградским соединяется, а дальше уже улица Беговая, свернете на нее – и до самого входа в метро. Вот, в общих чертах, как-то так. Но еще раз должен предупредить – шансов у вас почти нет. Сами подумайте, сколько опасностей по дороге. Да, вдоль того шоссе еще и до Беговой будут станции метро, живут ли там люди или нет, точно неизвестно. А если и живут, то какие? На Соколе, вроде, мирные трудяги, свиней разводят, но где-то, говорят, и сатанисты обосновались. Попадётесь к таким, еще жалеть будете, что по дороге вас не сожрали.

Нюта, пожав плечами, незаметно переглянулась с подругой. Ей казалось, что после ужасов родной станции им не страшны уже никакие сатанисты. В самом деле, что они могут сделать? Убить? Так их и свои чуть не убили...

– Да, чуть не забыл, – спохватился Захар Петрович. – Если вдруг сразу, как выйдете из метро на поверхность, растеряетесь и запутаетесь – ну, мало ли что, – идите по трамвайным рельсам. Тут у нас «шестерка» когда-то ходила, как раз до Волоколамки. А там уж разберетесь.

Комендант сходил вместе с гостями в подсобку, где отыскал для них комбинезоны и противогазы, а Кириллу вдобавок торжественно вручил старенький автомат и три магазина с патронами. Когда троица пошла собираться в дорогу,

Захар Петрович неожиданно вспомнил, как купался летом, несмотря на запреты, в Химкинском водохранилище. Как гулял с женой в парке. Как, только наступят теплые денечки, можно было в выходные отправляться жарить шашлыки прямо на берегу канала. Распить бутылочку, спеть что-нибудь задушевное, про песок, по которому она ходила. А зимой шли по льду до Речного вокзала, лазили по осыпающемуся зданию, похожему на дворец, швырялись снежками. Деревья в старом парке стояли пушистые, все в снегу... Это, оказывается, и было счастье, только не ценили его люди. А этим троим, да и всем выжившим, такого уже не испытать никогда. «Удачи вам, ребята, – мысленно пожелал мужчина. – Видит бог, она вам понадобится»...

* * *

– Что ж, пойдем по трамвайным рельсам, – с напускной бодростью произнес Кирилл, разглядывая примерную схему, которую начертил комендант.

– Они такие же, как в туннеле? – спросила Крыся.

– Нет, немного другие. Если удастся, трамвай я вам тоже покажу. Кстати, у отца любимая песня была на эту тему. – И он тихонько запел себе под нос о прогулках по трамвайным рельсам, о которых нельзя рассказывать, иначе убьют.

– Странная такая песня, – вздрогнула Нюта. – За это раньше убивали?

– Э-э, девчонки, вы где росли-то? С вами ликбез надо проводить, – развеселился парень. – В общем, отец рассказывал, что наверху много лет была власть коммунистов. Про них-то вы, надеюсь, слышали? Товарищ Москвин, Красная линия и все прочее? И то хорошо. А у них как? Все должны быть полезными членами общества. Либо ты занят работой на всеобщее благо, либо культурно отдыхаешь – ну, выпиваешь, например. Говорят, на Красной линии до сих пор так заведено. А если ты не похож на других, если тебя тянет на странные поступки – ну, там, по рельсам гулять ни с того ни с сего, просто так, – значит, ты опасный смутьян, и надо тебя всячески прессовать. Об этом и песня. Ее одна певица написала, которая погибла молодой, а сами рельсы здесь ни при чем, просто образ. Ну вот, потом власть красных рухнула, и наступило смутное время. Теперь уже ты мог гулять по рельсам сколько влезет. Если, конечно, у тебя никаких других потребностей нет. А если они есть, надо было работать с утра до ночи, чтобы заработать на квартиру, машину, детей, отдых и тэ дэ. То есть, сам выбирай – либо пахать и не заметить, как жизнь пролетела, либо быть свободным как птица, но ночевать под кустом и питаться из помойки.

– Скажешь тоже! – не поверила Крыся. – Баба Зоя рассказывала, что до Катастрофы с едой поблем не было.

Кирилл смутился:

– Ну, про помойку это крайности, конечно. Кому-то, может, и неплохо жилось. Бывают люди, которым при любом

режиме неплохо живется. Даже сейчас.

– А чья потом наступила власть? – спросила любопытная Нюта. Парень пожал плечами:

– Не знаю... Денег, наверное. В любом случае, кончилось все это Катастрофой, и теперь, как сказал один философ, наступила власть тьмы.

– А что ты коменданту отдал? – вспомнила Крыся. – Я видела, ты какую-то книжку вытащил из рюкзака...

– А, это, – с сожалением сказал Кирилл. – Надо же было чем-то отблагодарить человека, снаряжение, да еще и автомат с патронами, тоже на дороге не валяются. Правда, не знаю, чем ему эта книга понравилась... я думал, она только специалистам интересна.

– Да что за книга-то?

– «Определитель пресноводных рыб европейской части СССР», – грустно ответил Кирилл.

– А у тебя-то она откуда? И зачем тебе такая? Ты, что ли, специалист по этим... пресноводным?

– Это долгая история. Мой отец с детства хотел стать биологом: в кружок ходил, книги о животных собирал и даже ухитрился поступить в институт на биологический факультет, хотя там конкурс был большой. А потом как раз наступили смутные времена, до науки уже никому дела не было, работать по специальности не устроишься, или платят столько, что не проживешь. Вот он и пошел в какую-то группу музыкальную, по клубам выступать.

– Так он у тебя музыкант? Круто! – уважительно протянула Крыся.

– Угу. Только сам он не любит этого вспоминать, потому что не для души играл, а из-за денег. А на самом деле ему всю жизнь наукой заниматься хотелось. До сих пор книжки собирает, где только может, да и мутантами всякими интересуется, изучает их и описывает. Хочет какие-то закономерности вывести, ну, почему одни такие, а другие – эдакие... Кстати, Нют, его твой случай очень заинтересовал. Сколько раз при мне удивлялся, почему те монстры взрослых сожрали, а ребенка не тронули...

Нюта, в очередной раз почувствовавшая себя какой-то подопытной зверушкой, насупилась, поэтому парень примирительно положил ей руку на плечо:

– Да ладно, не сердись. Я ж не из вредности напомнил, так, пришлось к разговору... О, вот что еще вспомнил: отец тоже про тот овраг рассказывал, о котором комендант говорил! Он там даже бывал. Между прочим, это какое-то уникальное место, его еще называют «Сходненский ковш». Он около километра в диаметре, а в глубину метров сорок, и по дну протекает речка Сходня. Отец говорил, что еще один такой огромный овраг где-то в Африке, а больше таких нигде на Земле нет. Там даже сохранились уникальные виды животных.

– Все они сейчас уникальные! – все еще раздраженно буркнула девушка, сбрасывая руку. – Толку с того...

– Нет, он имел в виду – до Катастрофы. Правда, это какие-то лягушки были, и то, что они особенные, только специалист понять мог. А мать говорила, что когда-то на том месте монастырь стоял, и монахи раз не пустили переночевать уставших путников, вот он в наказание и ушел под землю. Видно, не слабо ушел, раз такой провал образовался. В любом случае, место интересное.

– Комендант же объяснил, что оно нам не по пути, – напомнила Нюта. – В любом случае, зачем ему этот «Определитель»?

Кирилл задумчиво прищурился:

– Может, он в прежней жизни был заядлым рыболовом? Будет теперь рассматривать картинки и тосковать. Есть такая штука, ностальгия. Ну, вроде, грусть по прошлому, которое не вернешь. Я-то вот тоже эту книжку на память об отце взял. Может, мы с ним больше и не увидимся никогда...

– Жалко было отдавать? – спросила Крыся.

– Не то слово, – кивнул парень. – Правда, у меня еще определитель птиц остался. – Он зевнул и предложил: – Ладно, девчонки, хватит болтать. Давайте лучше отдохнем. Если хотим выходить этой ночью, то силы нам понадобятся.

Девушки устроились в палатке, а Кирилл растянулся снаружи, перед входом. Сидевший в десяти метрах убийца задумчиво посмотрел на него. Можно было бы попытаться прикончить соплячек во сне и тут же уйти обратно, но вдруг у щенка чуткий сон? Лучше подождать другого случая. Он

представится скоро.

* * *

Крыся засопела, а Нюта все никак не могла заснуть. Она думала о том, как впервые выйдет на поверхность. И еще о Кирилле. Ясно, что она ему нравится, но вот нравится ли ей он?

Какой-то минимальный опыт общения с представителями противоположного пола у девушки был. На Спартаке им с Крысей в общем-то не запрещали общаться с мальчиками, хотя и не поощряли этого. Впрочем, те и сами чаще обходили подруг стороной – все знали, что вскоре их отведут наверх. Исключением был Игорь, который почему-то влюбился в нее без памяти. А самой Нюте нравился другой – Макс. У него были буйные темные кудри, а взгляд – прямой и смелый. Говорили, что его отцом был цыган, от которого Макс унаследовал любовь к свободе и риску и неприязнь к сидению на одном месте. Немудрено, что парень рано начал подниматься на поверхность со сталкерами, к тому же он был везучим, всегда возвращаясь без единой царапины и с добычей. На Нюту Макс поглядывал с некоторым любопытством и несколько раз, как бы невзначай, касался ее рукой, но и только. Девушка решила, что если она хочет что-то испытать до того, как придется умереть, то стоит поторопить события. Ее тянуло к юному сталкеру, возможно, из-за того, что

она росла без родителей и некому было ее обнимать, тормошить и тискать, как прочих детей. Ей очень хотелось, чтобы Макс прижал к себе, потрепал по волосам, погладил по спине. Прикоснулся губами...

Дождавшись, когда сталкера поставили дозорным у входа в туннель, она пришла к нему и отозвала на минутку поговорить. Второй патрульный, пожилой дядька, спрятал улыбку в усы. Они немного отошли вглубь туннеля, так, чтоб их не было видно, и молча остановились. Где-то громко капала вода.

– Ты чего? – наконец нарушил тишину парень.

– Поцелуй меня, – не то попросила, не то приказала Нюта.

Макс вроде бы смутился:

– Знаешь, ты, конечно, красивая девчонка, но про тебя рассказывают такое... А-а, черт, ладно, – обреченно выдохнул он. Но почему-то остался стоять неподвижно.

И тогда Нюта сама обняла его. Сколько раз она думала об этом, пока набиралась смелости, сколько раз представляла, как это будет. Ей казалось, что это будет какое-то совершенно волшебное ощущение, какое-то невероятное счастье. Ничего подобного. Только руки вдруг будто свело, и они намертво сомкнулись у него на спине. Нюта почувствовала, какие у него жесткие ребра, а еще – слабый запах хозяйственного мыла от его рубашки. Макс стоял неподвижно, и Нюта вдруг почувствовала себя очень глупо. Она бы и рада была разомкнуть руки, но не могла. По телу словно прошла ка-

кая-то механическая судорога, как в детстве, когда ее слегка тряхнуло током, но стало чуть легче. Нюта поняла, что парень тоже прижимает ее к себе. Осмелев, она погладила его по спине, раз, другой, он повел плечом под ее рукой, но даже не сделал попытки опустить голову. А потом и вовсе решительно отстранился и сказал:

– Ну, все, хватит. Пора мне...

– Все? – удивленно спросила Нюта. Потом вздохнула: – Все так все.

И они тихонько пошли обратно к посту.

Девушка до сих пор так и не смогла забыть этого разочарования. Что-то было не так. Может, оттого, что все случилось так быстро и скомканно? Может, она просто переволновалась и зря ошарашила Макса, не дав ему времени подготовиться и самому проявить инициативу? Что он теперь про нее думает, ей было неизвестно. Парень не искал ее общества, хотя и не шарахался при встрече. Они перекидывались парой слов, несколько раз она вновь чувствовала мимолетные прикосновения его руки. Казалось, Макс тоже раздумывает и сомневается. Да и как ему было не сомневаться? Он был сталкером и ходил на поверхность, его вниманию была бы рада любая девчонка на Станции, тем более если ее не ждет скорое свидание с площадкой, покрытой цветами.

И все же Нюта думала: может, им попробовать еще раз? Может, тогда она будет спокойнее и все получится лучше? А потом начинала злиться на себя. Какого черта она будет ему

навязываться? Может, Макс так сдержанно вел себя оттого, что боялся, не захочет ли странная девушка взвалить на него свои проблемы или, того хуже, попросить о помощи? Или он просто любит острые ощущения и прикоснуться к ней для него то же самое, что почесать за ухом опасного хищника? Вроде бы прирученного, а на самом деле не знаешь, чего от него ждать. Так пусть не беспокоится – не нужно ей от него ничего!

Все решилось просто. Однажды Макс ушел наверх и не вернулся.

Нюта поплакала украдкой, но в глубине души даже почувствовала что-то вроде злорадства: не мне, так никому.

«Странно, – думала она сейчас, – мы были уверены, что я умру раньше него. И вот теперь Макса давно уже нет, а я до сих пор жива...»

Потом мысли сами собой перескочили на Игоря. С сыном Верховного она все-таки поцеловалась как-то раз, спустя некоторое время после смерти Макса. Просто ей вдруг отчаянно жалко стало себя, а тот как раз подвернулся. Нюта тогда не почувствовала ничего, ни удовольствия, ни отвращения, но повторять этот эксперимент ей почему-то не хотелось. Да и сам Игорь, с тех пор провожавший ее каким-то выжидающим собачьим взглядом и пытавшийся прикоснуться при каждом удобном случае, стал раздражать. Ей скоро предстояло умереть, а тот думал только о своем удовольствии. Если бы сын Верховного хотя бы попытался ее спасти,

например, предложил вместе убежать, она могла бы быть с ним – из благодарности. Но он не делал ничего, только, в очередной раз напившись, ходил за ней тенью и ныл, дескать, если бы не отец, то женился бы на ней немедленно, вот сию же секунду, а так ему очень плохо... В итоге раздражение Нюты очень скоро сменилось презрением – можно подумать, из них двоих больше нуждался в утешении этот здоровый лоб...

«Вот странно, – подумала она, – ведь Макс мне тоже ничего такого не предлагал и не пытался меня спасти. Но его я охотно любила бы все то время, какое оставалось, не ожидая ничего взамен, кроме обычной ласки и человеческого тепла». Когда же Макс погиб, Нюта совсем было смирилась со своей участью, впала в апатию и безропотно, с тупой покорностью ждала смерти. Лишь гибель бабы Зои слегка отрезвила ее, вернув к реальности, и ей вновь захотелось жить, назло Верховному и вообще всем. А еще Нюта пришла к выводу, что любовь вовсе не всегда равна желанию сделать добро другому. Иначе разве она могла бы втайне злорадствовать по поводу гибели Макса? Или вот взять Верховного и бабу Зою. Когда-то их явно связывали близкие отношения, но ведь именно он ее убил или довел до смерти, что одно и то же. Одним словом, жизнь оказалась совсем не такой, как в сказках бабы Зои. Ни рыцари, ни дураки не торопились спасать принцесс. Впрочем, принцессы сегодня тоже изменились. Они живут в метро, едят крыс, не падают по любому

поводу в обморок и умеют обращаться с ножом, да и вообще способны, случись что, сами постоять за себя.

А что же Кирилл? Наверное, он скорее нравился Нюте, хотя и не так сильно, как в свое время Макс. При этом она видела его недостатки – парень с Тушинской был не слишком храбр и любил хвалиться впустую. Вот разве что, зная ее историю, Кирилл единственный относился к ней совершенно спокойно, как к любой другой девчонке. За это она была ему благодарна. А может, оно и к лучшему, что Нюта не испытывает к спутнику бурных чувств? В душе она боялась самой себя, боялась потерять над собой контроль. Ведь как она стиснула тогда Макса... И хотела сама разжать руки, но не получалось. Может, давали о себе знать темные инстинкты, которые все подозревали в ней? А если бы она так же сильно обняла сталкера за шею? Могла бы, наверное, задушить? Макс-то, понятное дело, не испугался, но он вообще ни в каких обстоятельствах не трусил и был уверен, что сумеет справиться с любой опасностью. Как сказал кто-то на Спартаке: «Слишком храбрым был, вот и погиб молодым. По нынешним временам осторожность полезнее...»

Как бы там ни было, а Нюта решила, что теперь к своим романам надо подходить серьезнее. Одно дело, когда ты скоро умрешь и хочешь напоследок испытать что-нибудь новое, и совсем другое – если надеешься еще пожить. Впрочем, у них все шансы не дойти до цели и навеки остаться на поверхности, так что по поводу отношений с Кириллом пока можно

сильно не заморачиваться...

Девушка сама не заметила, как потихоньку задремала. Во сне она опять была маленькой девочкой, пробирающейся по туннелю. Что-то теплое и смрадное надвигалось на нее. Вот шершавый язык коснулся спины, помассировал больную ногу, вот зубы сжали плечо, сперва чуть-чуть, потом сильнее, сильнее... Нюта закричала и проснулась.

Поморгав, она увидела, что сидит все там же, в палатке, а Крыся обнимает ее за плечи и шепчет, пытаясь успокоить:

– Нюта, Нюточка, не надо.

В палатку заглянул встревоженный Кирилл.

– Что тут у вас?

– Страшный сон. У нее иногда бывает, – пояснила Крыся.

Кирилл с сомнением посмотрел на них, а потом философски пожал плечами:

– Ну ладно, все равно уже пора подниматься – вечер наступает. Если вы не передумали, конечно.

На станции все непостижимым образом уже знали об их планах и спорили между собой, как далеко сумеют уйти две девчонки и парень с одним жалким автоматом на троих. Послушав, убийца подумал, что сможет с чистой совестью возвращаться обратно: трое несмышленишей наверняка погибнут, не проведя на поверхности и часа.

Комендант лично проводил путешественников до ворот.

– Ну, ребята, – прочувствованно сказал он, – если вдруг

дойдете, передайте там... Сам знаю – помощи просить бесполезно, но хотя бы скажите, что мы будем держаться до последнего патрона и сумеем умереть достойно!

Все трое закивали, и Захар Петрович, видимо решив, что торжественная часть закончена, уже спокойным тоном добавил:

– Вы, как окажетесь наверху, поглядывайте по сторонам: вдруг увидите поблизости желтую такую машину, прямоугольную, на высоких колесах, чем-то она мне жужелицу напоминала... – Он запнулся, словно понял, что объяснять еще и про жужелицу будет слишком долго, но Кирилл понимающе кивнул. – В общем, на хищное насекомое похожа. Это «хаммер» Мишки Арканова по кличке Аркан. Эх, что за сталкер был! Неделю назад ушел и не вернулся. Хоть что-нибудь узнать бы про него. А машину эту он наверху для своих нужд приспособил. В Америке они, говорят, военными автомобилями считались, а наши, кто покруче, и по городу на них рассекали. Вот Мишка и нашел себе где-то наверху эту тачку... любил... любит он того, пыль в глаза пустить... Может, где-нибудь поблизости застрял, и еще можно помочь...

Он махнул рукой – то ли напутствие, то ли жест отчаяния, и путешественники, натянув противогазы, шагнули вперед. Комендант лично закрыл за ними массивные ворота, сделанные жителями станции вместо входных дверей, шепча что-то и стискивая свой метрополитеновский жетон-амулет.

Глава 4

Наверху

Кирилл, Нюта и Крыся вышли в длинный коридор. Вдоль стены находилось несколько полуразрушенных киосков, откуда уже давным-давно вынесли все полезное. Под ногами хрустели осколки посуды, валялось какое-то тряпье. Посветив фонариком, Нюта увидела на полу маленькую белую фарфоровую кошечку, разрисованную синими цветочками. Она нагнулась, подобрала ее и спрятала в карман. «Пусть это будет мой амулет», – подумала она. Повернув налево и пройдя коридор до конца, они поднялись по ступенькам. Здесь пришлось остановиться.

Город лежал перед ними – огромный, темный, безмолвный. Молодой месяц еле освещал полуразрушенные дома с выбитыми окнами и какие-то заросли. Слева виднелась приземистая темная громада кинотеатра «Балтика». К счастью, света в окнах не было. Нюта совсем потеряла голову от этого неожиданно открывшегося простора. Больше всего ей хотелось забиться в какой-нибудь уголок и оттуда наблюдать, как делают кошки, попав в незнакомое место. Но тут Кирилл взял ее за локоть, и она опомнилась, подтолкнула так же замершую подругу, и они тихонько двинулись по широкой улице.

Нюта растерянно озиралась – она и не думала, что на по-

верхности когда-то жило так много людей. Казалось, ближайший многоэтажный дом вполне мог вместить все нынешнее население станции Сходненская. Постепенно девушка начала осознавать масштабы происшедшей когда-то катастрофы, которая загнала немногих выживших под землю.

Кирилл дернул Нюту за руку, показывая что-то перед собой. Увидев стоявший среди заржавевших остовов машин вагон, она каким-то шестым чувством угадала, что это, наверное, и есть тот самый трамвай. Девушка шагнула ближе, но тут из окна на нее блеснули чьи-то красные глаза, и она попятилась. К тому же, вокруг были вещи куда более интересные. Например, рядом росли кусты, покрытые белыми цветами размером с тарелку. Нюта, забывшись, попыталась снять противогаз – ей захотелось их понюхать. Толчок Кирилла опять вернул ее к действительности.

Сначала улица казалась пустой и безмолвной, но скоро Нюта поняла, что здесь идет какая-то своя жизнь. То, что казалось ей очередным автомобилем, вдруг тихонько сдвинулось с места и поползло, оставляя за собой полосу слизи. Из-под ног то и дело порскали небольшие зверьки чуть покрупнее крыс.

Слева стоял длинный дом, на первом этаже которого было окно почти во всю стену, теперь разбитое. Внутри виднелась какая-то неподвижная фигура. Сначала девушка испугалась, но фигура не шевелилась, и Нюте страшно захотелось подойти поближе. Подруга двинулась за ней, а Кирилл чуть-

чуть отстал и беспокойно оглядывался, стискивая автомат, — ему все это не нравилось.

Нюта осторожно вошла внутрь, хрустя осколками стекла под ногами. Фигура не двигалась. Если это мертвец, то почему он стоит, а не лежит? Девушка, пересилив себя, протянула руку и осторожно прикоснулась к фигуре кончиками пальцев. Что-то твердое и, кажется, неживое. «Кукла, — догадалась Нюта. — Большая кукла в рост человека, одетая в коротенькую кофточку и такие же коротенькие штанишки». Такой нарядной одежды девушка никогда не видела, но от прикосновения чудом сохранившиеся тряпки рассыпались в прах. Нюта зашла в соседнее помещение — там стояли столы, когда-то накрытые сверху стеклами. Теперь стекла были разбиты, на столах валялись в беспорядке какие-то цепочки, кольца, браслеты из серого и желтого металла. В них как будто кто-то покопался, отбрасывая за ненадобностью. Нюта знала, что раньше эти вещи считались украшениями и дорого стоили. Куда дороже еды. Повариха Галка на Спартаке до сих пор носила в ушах серьги с блестящими стеклышками, хотя этот блеск только подчеркивал одутловатую бледность ее лица и плохо вымытые волосы. Кое-кто из женщин постарше тоже носил по привычке эти украшения, но большинство предпочитало ничего лишнего на себя не навешивать. Браслет или цепочка могут зацепиться за одежду в самый неподходящий момент, а секундное промедление в некоторых ситуациях грозило гибелью. Кольца же ме-

шали при стирке и мытье посуды, а при рыхлении почвы на плантациях шампиньонов под них вечно забивалась грязь, и в условиях вечной нехватки воды это грозило язвами. Пожав плечами, Нюта все же потянула одну из цепочек, но та перепуталась с другими и вытаскиваться не хотела. В итоге девушка взяла весь ком и зачем-то сунула в карман комбинезона. Кирилл сделал недовольный жест, напоминая, что надо идти.

Следующее такое же длинное окно было, как ни странно, целым. В свете фонарика они обнаружили, что за стеклом валяется какая-то обувь. Явно слишком легкая, не похожая ни на ботинки, ни на сапоги и, скорее всего, ни на что не годная. Но Нюта упрямо толкнула дверь и вошла внутрь, остальные – за ней. Как ни странно, из этого магазина вынесли не все. На полу кучей валялись вперемешку коробки и какие-то разрозненные сандалии и туфли. Нюта увлеченно принялась в них копать, подруга тоже. Кирилл сначала светил им, потом не выдержал и сам начал перебирать коробки. Нюте удалось найти коробку с красными туфлями без каблука. В жизни она ничего красивее не видела! Кирилл тоже откопал себе какие-то ботинки. Увлеченно роясь в обуви, они чуть не забыли обо всем на свете. Вдруг Нюте попался в руки странный предмет. Она наклонилась рассмотреть его поближе – это был человеческий череп. Кто-то уже побывал здесь до них. Она нервно огляделась. В конце магазина находилась небольшая дверь – возможно, в подсобное помеще-

ние. Кирилл посветил фонариком – за полуоткрытой дверью виднелись еще какие-то составленные вместе коробки.

Вдруг там кто-то завозился, коробки со стуком посыпались на пол и мелькнуло что-то темное, заросшее шерстью. Троица в панике кинулась к выходу. Едва Кирилл захлопнул за собой дверь, как изнутри в нее с силой ударилось что-то тяжелое. Парень изо всех сил налег на дверь плечом, девушки тоже, но обитатель магазина оказался очень силен и постепенно стал брать верх. Больше всего Нюту поразило, что неведомое существо, судя по всему, ходило на задних лапах, как медведь. Поняв, что удержать противника не удастся, Кирилл перехватил поудобнее автомат и, как только дверь наполовину открылась, дал очередь почти в упор. Раздался тоскливый рев, и зверь рухнул, наполовину вывалившись наружу. Глазам людей предстала голова, похожая на собачью, и толстые лапы, покрытые бурой шерстью. Глаза твари вдруг открылись и уставились на них, а лапы задергались в конвульсиях, скребя по полу здоровенными загнутыми когтями. Это было так страшно, что все трое, не сговариваясь, кинулись бежать.

Добежав до следующего дома, Нюта оглянулась. Темная туша на пороге магазина лежала неподвижно, поэтому она сделала друзьям знак, что можно остановиться и передохнуть. Кирилл, который не забыл-таки прихватить коробку с приглянувшимися ботинками, теперь перекладывал свою добычу в рюкзак, и Нюта решила последовать его примеру.

Крыся же, заметив еще какую-то вывеску, решила было подойти поближе, но Кирилл отрицательно замотал головой: мало того, что магазин находился в торце дома, да еще и в подвале. Оттуда, если что, быстро не выскочишь. К тому же сама вывеска была какая-то непонятная: вроде бы обычные русские буквы складывались в незнакомое слово «Секонд». Ни один из путешественников не знал, что оно означает и чем мог торговать магазин с таким названием. Вдруг это что-то совершенно ненужное и не стоящее риска? А если и не так, если там одежда, лекарства или еда, то где гарантия, что магазин не облюбовала какая-нибудь тварь, а то и не одна? Кто знает, вдруг обувной не был разграблен до конца именно потому, что в нем поселился монстр? Ведь в относительной близости от Сходненской сталкеры должны были давным-давно вынести все ценное, и если где что и осталось, значит, туда лучше вообще не соваться. После краткого отдыха решено было идти дальше.

По пути им попались еще несколько застывших на рельсах трамваев и множество застрявших навеки ржавых автомобилей. Обходя один из них, Нюта нечаянно скользнула взглядом по лобовому стеклу. Уронив голову на руль, в машине сидел мумифицированный труп... Мужчина. Еще один попался им возле магазина с постельными принадлежностями, причем этот был в защитном комбинезоне и противогазе. Вполне возможно, что погиб он не так давно. Кирилл заметил рядом с телом автомат и нагнулся, но почти сразу

разочарованно выпрямился – видимо, оружие было слишком сильно повреждено. «Интересно, – подумала Нюта, – отчего он умер? Польстился на какие-нибудь одеяла или подушки и не заметил опасности? Но с виду костюм и противогаз без повреждений...» Что бы то ни было, а в магазин они заходить не стали.

Скоро Нюте стало казаться, что они движутся по гигантскому кладбищу. Девушка еле передвигала ноги, стараясь не отставать от Кирилла, ее подруга шла сбоку и нервно оглядывалась. Наконец Кирилл остановился на перекрестке, вглядываясь вперед. Проследив за его взглядом, Нюта различила вдали клубы темно-розового дыма. Обернувшись к девушкам, Кирилл покачал головой, но они и сами вспомнили предостережение коменданта Сходненской. Хуже было другое – у Нюты совершенно вылетело из головы, куда им следует свернуть. Судя по всему, друзья тоже пребывали в сомнениях. Наконец Кирилл, неподвижно стоящий приставив палец ко лбу и чуть опустив голову, решительно повернул направо. Девушкам не оставалось ничего другого, как присоединиться.

Они шли вдоль широкой улицы, стараясь держаться подальше от домов, за которыми вглубь дворов уходили буйные заросли, в которых то и дело раздавались разнообразные звуки, а однажды совсем рядом вдруг сорвалась с места какая-то зверюга с упыря размером и шарахнулась в кусты, с шумом ломая ветки. Нюте казалось, что они идут уже

довольно долго, и когда направо ответвилась еще одна улица, она жестами попыталась привлечь внимание Кирилла. Но тот покачал головой и потащил их дальше. Тут уж девушка всерьез забеспокоилась: там улицы уже не было, только небольшая дорожка, да еще и месяц, как назло, скрылся за тучей. Наверняка путешественники заблудились, и идти дальше, не поняв, где они находятся, не стоит. Нюта опустилась прямо на землю возле небольшого кирпичного строения без окон, уставшая Крыся тут же села рядом. Кирилл было потянул ее за рукав, но потом безнадежно махнул рукой и присоединился. Так они и сидели несколько минут, и вдруг снова показался месяц. Все трое тут же вскочили на ноги, разглядывая местность, и Нюта непроизвольно ахнула: глядя в ту сторону, откуда они пришли, она увидела довольно далеко по правую руку три высоких дома, стоящих особняком. Отсюда они и вправду казались тремя неподвижными великанами – прямоугольные туловища с квадратными головами, увенчанными какими-то нашлепками. Дома-великаны словно караулили всю эту темную, безмолвную местность. Еще правее виднелась странная ажурная конструкция вроде гигантского колеса.

«Стражи», – с ужасом поняла Нюта. Но самым страшным было не это. Справа, совсем рядом с ними, находился огромный провал, по дну которого петляла между деревьями небольшая черная речка. Вокруг нее разливалось зеленоватое свечение. Они находились на самом краю того самого

гигантского оврага, о котором предупреждал комендант!

Краем глаза Нюта заметила какое-то движение. То, что путешественники все это время принимали за кучу мусора, вдруг зашевелилось и стало подниматься, распрямляя членистые конечности. Два желтых глаза с лютой ненавистью уставились на людей...

Крыся, как испуганный заяц, не разбирая дороги, кинулась в сторону и, сделав несколько шагов, сорвалась в овраг. Нюта кинулась за ней, следом – Кирилл. Они покатались по крутому склону, заросшему травой, пока не врезались в какой-то куст, по счастью – мягкий. Опомнившись и переведя дух, Нюта огляделась.

Они сидели на склоне, а укрывший их куст странно раскачивался, хотя ветра не было. Поднявшись на ноги, Нюта увидела, что к его веткам прикреплена редкая серебристая сеть из толстых, как канат, жил. Судя по тому, как она дрожала, ее хозяин спешил к ним. А сверху к ним уже спускался еще один, тот, что их спугнул.

Путешественники кинулись по склону туда, где заросли были особенно густыми. Под ногами что-то то и дело хрустело, и, один-единственный раз взглянув вниз, Нюта чуть было не заорала от ужаса: склон оврага был буквально усеян побелевшими костями. В основном они, судя по всему, принадлежали небольшим животным, но девушка явно разглядела два человеческих черепа. По дороге Крыся чуть не провалилась в огромную нору, оттуда немедленно высунулась клеш-

ня и попыталась схватить ее за ботинок. Бежавший вторым Кирилл остановился и коротко двинул по ней прикладом автомата. Что-то хрустнуло, и клешня проворно убралась обратно, а друзья побежали дальше. Но силы были уже на исходе, и все трое, не сговариваясь, рухнули под кустами, надеясь, что преследователи не заметят их в темноте.

Они не помнили, сколько пролежали так. Потом Кирилл, приподнявшись, огляделся. Пауков поблизости видно не было, зато его внимание привлекло кое-что интересное в нескольких метрах ниже. Это была колючая проволока, которая шла в несколько рядов вдоль изгороди из кольев. А за изгородью виднелись аккуратные грядки, на которых торчали зеленые кустики. И выглядели они так, словно их только вчера пропололи.

Кирилл, которому явно хотелось добраться до посадок, попытался найти просвет в изгороди. «Что-то тут не так, – хотела сказать ему Нюта. – Этот огород не похож на заброшенный. Не животные же его вскопали?» Но тут сбоку затрещали ветки и заболоченная почва захлюпала под чьими-то тяжелыми шагами. Кирилл схватился за автомат.

«Вот и все, – подумала Нюта. – Правы были жители Сходненской, недалеко мы ушли...»

Не в состоянии двигаться, она смотрела и гадала, какой монстр сейчас появится из кустов. Ветви раздвинулись, и перед троицей выросла фигура в плаще защитного цвета с капюшоном, нижнюю часть лица которой закрывало что-то

вроде намордника. В свете фонарика блеснули человеческие глаза под кустистыми бровями, казалось заглянувшие прямо в душу Нюты. У нее даже не получилось вскрикнуть – лишь попытаться судорожно втянуть воздух и потерять сознание.

* * *

Очнувшись, Нюта увидела над собой серый потолок. На секунду показалось, что она на своей станции, а все происшедшее – только сон, но потом девушка поняла, что потолок значительно ниже. Она находилась в небольшом помещении с бетонными стенами, на которых было укреплено несколько свечей. Пахло сыростью. Противозага на Нюте уже не было, и она лежала на чем-то мягком. Приподнявшись на локте, она увидела грубо сколоченный стол, вокруг которого на таких же неказистых, но крепких табуретах сидели Кирилл, Крыся и какой-то старик. Тот дружески ей усмехнулся:

– Очухалась, никак? На-ка, попей водички.

Нюта взяла протянутую кружку, попутно отметив, что у старика не хватает двух пальцев. Жадно выпила воду, хотя та отдавала ржавчиной.

– Познакомься, это Павел Иванович, – сказал Кирилл.

– Нюта. Это вас пауки так? – Девушка кивнула на изувеченную руку. На языке вертелось еще множество вопросов, которые она пока не решалась задать, надеясь, что все само разъяснится. Так и получилось.

– Нет, это еще до Катастрофы случилось, – неторопливо произнес старик. – Я тогда на Тушинском машиностроительном работал. Потом жена моя заболела и умерла, я и начал пить от тоски. Иной раз и на завод приходил пьяный... Вот раз так, зазевавшись, и лишился пальцев. Дали мне инвалидность и турнули с работы – окончательно спился. Дочь уже и домой перестала пускать, так квасил по подвалам с друзьями-алкашами. И вот однажды, слегка протрезвев, вылезаю из подвала, а вокруг-то – мама родная! – ни одной живой души. Соседний дом рухнул, в нашем – громадная дыра. И трупы, трупы кругом. Я думаю, ну все, белая горячка, и поплелся обратно в подвал – помирать. Потом очнулся – вроде, живой еще. Начал сомневаться: а не приснилось ли мне все это? Осторожненько так вылезаю – снаружи то же самое: люди мертвые валяются, а ран на них не видно. Понял я, что неспроста все это, – отчего-то ведь они все умерли? Стал вспоминать, чему нас на занятиях по гражданской обороне учили. Несколько покойников было в комбинезонах и противогазах, я их у одного позаимствовал, потому как ему все одно уже без надобности, и окрестности обходить. Еще двоих нашел живых, но выходить не удалось, на моих руках оба померли. А мне – ничего. Говорят, водка от радиации помогает, ну, видно, я так проспиртовался, что меня уже и не брало. Сперва в том же подвале жил, потом вот этот бункер нашел – он поглубже и надежнее. Понятное дело, в магазины за едой выбирался, да и в квартиры заходил – там полно все-

го еще оставалось, иногда даже выпивку можно было найти. Только к себе домой не решился зайти ни разу.

– И что, все эти годы – один? – поднесла ладошку ко рту Крыся.

Старик пожал плечами:

– Так уж получилось. Да я и раньше, прямо скажем, душой компании не был, а уж как пить начал... Конечно, иногда одиночество накатывало, так я крысу приручил. Она хоть и не говорит, а вроде слушает. Все веселее. Только ведь долго они не живут. Одна у меня померла, вторая, третья. Хорошо, что несколько лет назад на Маруську набрел. В овраге она валялась, раненая. Видно, подыхать сюда приползла. Так я ее выходил, вот с тех пор и кукуем вместе. Столярничаю вот потихоньку – одному ведь мебель из города не притащить, так, если что по мелочи. Да и не выбирался я уже давно из оврага, вроде как без надобности оно мне. Огород, опять же, завел, картошечку ращу, вино из черноплодки делаю.

– А Маруська – это кто? – спросила Нюта.

– А хрен ее знает, – безмятежно отозвался старик. – Но картошку уважает. Марусенька, не бойся! Покажись, красавица!

Из норы в углу неторопливо выползло шестиногое создание, заросшее короткой черной шерстью, больше всего похожее на помесь бульдога с осьминогом. На его круглой морде не было видно ни ушей, ни носа, и выделялись только умные карие глаза. Переваливаясь, Маруська приблизилась к

старика, тот что-то ей сунул. Открылся щелевидный рот, и тварь с удовольствием принялась жевать.

– Так значит, в метро еще люди живут, – задумчиво произнес старик. – А я ведь несколько раз видел вдалеке какие-то фигуры, только подойти или окликнуть не решался. Вы не подумайте чего такого, я в покойников ходячих не верю. Покойники – вон они, лежат себе, разлагаются потихонечку, и ни один еще на моей памяти не встал. А все же осторожность не повредит. Правда, не так давно наткнулись с Маруськой на мужика прямо у себя на огороде. Но не успел я и слова сказать, а он как дернет от нас! Тоже, видно, пуганный, а может, и головой тронувшийся.

– Так это были вы? – неизвестно чему обрадовался Кирилл. – Нам про эту встречу на Сходненской рассказывали. Тамошний сталкер вас с... э... вашим любимцем за оборотня принял.

– Скажи пожалуйста! – покачал головой отшельник. – Марусь, ты слыхала?

Тварь что-то проорчала и ткнулась ему в ладонь, требуя еще угощения.

– Ну, теперь-то вы можете тоже пойти в метро жить, к людям, – после некоторой паузы предложил Кирилл. Потом вспомнил, что там творится, и замолчал на полуслове.

– Нет уж, лучше вы к нам, – покачал головой старик. – Сначала, честно сказать, горевал, что не с кем словом пере-молвиться, а теперь так привык, что уж не знаю, смогу ли

с другими людьми ужиться. Да и не уверен я, что Маруська там ко двору придется. У меня тут приволье. Хозяйство, опять же.

– Ну хорошо, а пауки как же? – не унимался Кирилл. – Неужели не страшно с такими соседями? Вон сколько в овраге костей валяется.

– Да уж, просто кладбище домашних животных, – усмехнулся Павел Иванович. – А пауков я не боюсь. Да и они ко мне привыкли уже, наверное, за своего считают. Я-то ведь раньше них здесь появился. Конечно, было у нас с ними попервости несколько недоразумений, так я такой арсенал собрал, что они живо уяснили, что лучше ко мне не лезть. Да и я сам их лишний раз в искус не ввожу и во владениях паучьих без нужды не показываюсь – они ведь на открытых склонах живут, в густые заросли не суются. Так что у нас с ними, считай, двусторонний пакт о ненападении. – И старик неизвестно чему рассмеялся, да так заразительно, что даже не уловившие соль шутки ребята улыбнулись.

– Знаете что, а оставайтесь-ка вы жить у меня? – неожиданно предложил отшельник, отсмеявшись. – Места хватит, еды полно, да и вообще... – И он внимательно посмотрел на путешественников.

Что-то в его голосе насторожило Нюту. «Сам же только что говорил, что ему одному лучше...»

– Нет, спасибо, нам надо идти, – замотала головой она. – Мы и так уже столько времени потеряли, когда не в ту сто-

рону свернули.

– Нет так нет, – до странного легко согласился старик. – Неволить не стану. Кстати, сынок, – обратился он к Кириллу, – а покажи-ка мне карту вашу.

Несколько минут поизучав листок, он покачал головой:

– Эка он заковыристо все написал! Намудрил, накрутил, ровно план генерального наступления! Дорожка-то – проще не придумаешь. Пойдете отсюда все прямо и прямо, до самой улицы Свободы, а там уже направо свернете, делов-то!

– Комендант говорил, там какой-то парк рядом и водохранилище, – припомнила Крыся.

– И совсем не рядом. Да и зачем вам вдоль канала идти? Опять заплутаете, да и места там нехорошие. Как говорил один гениальный сыщик, держитесь подальше от торфяных болот. – Отшельник как-то странно захихикал. – Там возле старой однокорейки, которая на завод вела, целые заросли венерина башмачка. Орхидея раньше такая была дикорастущая, вполне безобидная, а теперь вот, как и все, к новым условиям приспособилась. Тут, в овраге, она тоже кое-где растет, потому я и знаю. Цветочки эти лучше стороной обходить, потому как пыльцу они какую-то выделяют, от нее никакой противогаз не спасет. Кто близко подойдет, беспокоиться начинает без причины, тоска нападает. А в таком настроении недолго и глупостей натворить.

– Так вы там бывали, возле завода? Знаете, как и что там теперь? – обрадовался Кирилл, но старик как-то быстро от-

вел взгляд и буркнул:

– Нет, не бывал. А что мне там делать? Я вообще дальше соседней улицы не захожу...

В голосе его что-то было странное, и Кирилл с Нютой, переглянувшись, подумали: похоже, Павел Иванович зачем-то им соврал.

– Только, ребята, пешком вы до утра не дойдете, – протянул старик, продолжая разглядывать карту. – Знаете что, – он неожиданно хлопнул себя ладонями по коленям, напугав резким движением Маруську, – пожалуй, я вам мотоцикл дам.

– Ну что вы, – удивилась Нюта, – вам он, наверное, самому нужен?

– Да у меня тут наверху в гараже целый автопарк! Приводил в порядок от нечего делать. Ведь полно всякой техники на улицах оставалось, иногда вполне исправной. Раз все равно уже не нужно никому, чего ж не взять?

«Что-то тут не то. Если старик уверяет, что даже на соседней улице давно не бывал, зачем ему транспорт?»

– Ну, пошли, надевайте противогазы, – отчего-то заторопился Павел Иванович. Сам он, однако, свой респиратор держал в руке и натягивать не спешил.

– А вы что же, радиации не боитесь? – спросил Кирилл.

– Эх, малый! Я тебе так скажу: не в радиации дело. Она вся давно улетела, лет-то сколько уже прошло! Не может она столько держаться. Вон когда-то давно в Чернобыле атом-

ный реактор рванул, так там поблизости все равно люди продолжали жить, и ничего. Но воздух у нас наверху и впрямь для жизни непригодный, а знаете, почему? Души мертвых там обитают, которых взрывом убило, и никуда им отсюда не деться. Не отпевал их никто, покойничков-то, даже помолиться за них уже некому, вот и болтаются неприкаянные, ни в рай, ни в ад. Оттого-то дышать наверху нельзя, и сколько еще так будет – никому не известно. А иначе, я вам скажу, воздух в городе был бы лучше, чем до Катастрофы. Представляете, как раньше чадили заводы, а главное – те же автомобили? Теперь все творения остановились, природа отдохнуть смогла.

Кирилл засомневался. Не мертвые же души заставляли счетчик Гейгера верещать каждый раз, как его подносили к предметам, принесенным с поверхности? Но парень счел за благо не спорить со стариком, а Нюта, уже в противогазе и с мешком за плечами, нетерпеливо топталась у порога. Они с Крысей последовали ее примеру, а вот старик защитой по-прежнему пренебрегал, бормоча: «Ничего, мы быстренько управимся».

Какими-то запутанными проходами они вышли наверх, к тому самому помещению без окон. Подойдя к воротам в торце, Павел Иванович поковырялся ключом в огромном навесном замке. Кирилла это снова озадачило: зачем старику такой замок, если людей, кроме него, тут, как он уверяет, нет? А пауки вряд ли умеют отворять тяжелые железные створки,

достаточно их просто прикрыть.

Они вошли внутрь, хозяин зажег фитилек висящей на стене керосиновой лампы, и путники восторженно ахнули. Тут и в самом деле стояло несколько машин – хотя и не новых, но ухоженных – хоть сейчас садись и поезжай! Одною, миниатюрною, красного цвета, Нюта прямо залюбовалась. Почему-то она решила, что машина обязательно женская, и даже представила себя в красивом платье, мчашейся за рулем этой красавицы по залитым солнцем улицам. Впрочем, уродливая вмятина на бампере и полопавшаяся вокруг нее блестящая краска, похожая на воспалившуюся рану, вернула девушку из грез в действительность.

– И это еще не все, – похвастался старик, видимо довольный произведенным эффектом. – У меня еще в гараже через два дома отсюда кое-что припасено. А мотоцикл – вон он, у стены. Нравится?

Кирилл не отвечал. Он смотрел на следующую, после красной, машину – прямоугольную, на высоких колесах, с выдающимся вперед, точно хищная морда, капотом. Покрытую ярко-желтой, местами облупившейся краской.

Обойдя машину, он обнаружил сзади на бампере надпись «Ниммер», причем у последней «р» был лишний хвостик. Кирилл, как большинство выросших в метро детей, иностранными языками не владел, хотя и считалось, что он из хорошей семьи. За эти годы даже обиходный язык значительно обеднел, неактуальными стали многие понятия. Но

парень и без этого был уверен, что перед ним автомобиль пропавшего сталкера Аркана.

– Давно у вас эта машина? – спросил он старика, дублируя слова жестами.

– Не очень, – уклончиво отозвался тот. – А что?

Кирилл предпочел на всякий случай не отвечать.

– Машина – зверь! – похвастался отшельник. – Но на нее губы не раскатывайте, не дам. Все равно не справитесь с управлением, и ее зря угробите, и сами разобьетесь. Вам лучше чего-нибудь попроще. А то оставались бы, в самом деле?

Нюта за всех покачала головой.

– Нет? Ну, как знаете. Но если по дороге чего-нибудь испугаетесь, возвращайтесь... коли сумеете.

И опять путешественникам показалось, что старик знает больше, чем говорит.

Павел Иванович вывел мотоцикл и показал Кириллу, как его заводить. Отреагировав на звуки взревевшего мотора, из оврага тут же показалась туша на членистых ногах. Павел Иванович сделал успокаивающий жест, мол, не обращайтесь внимания, размещайтесь, и швырнул в сторону паука какой-то предмет. Повалил дым, тварь развернулась и поспешно исчезла в овраге. Павел Иванович крикнул что-то странное, навроде «Таможня дает добро!», и махнул им рукой. Нюта уселась позади Кирилла, Крыся – в коляску, парень крутанул ручку, и мотоцикл понесся вперед, лавируя между ржавыми машинами и распугивая мелких тварей.

К счастью, машин здесь было немного, и они могли ехать, не снижая скорости. Снова проскочили перекресток, причем Нюта заметила, что дым с правой стороны клубится как будто уже ближе. Проехали вдоль высокого длинного дома, за которым в сторону канала шла небольшая улочка. Правда, выглядела она такой заросшей и подозрительной, что Кирилл решительно направил мотоцикл прямо. Справа потянулась бирюзового цвета стена, за которой, видимо, находился завод, слева мелькнуло неказистое приземистое здание, затем несколько высотных домов. Наконец они выехали на широкий перекресток, и тут Кирилл вдруг свернул налево. На этот раз Нюта точно помнила – старик велел ехать направо, и она толкнула Кирилла в бок. Тот на мгновение повернулся к ней и мотнул головой назад. Крыся тоже, выворачивая шею, таращилась на что-то сзади, приглушенно мыча под плотной резиной противогаза. Обернувшись, Нюта сама с трудом сдержала рвущийся из груди испуганный вопль: за ними стремительно неслась стая каких-то длинноногих животных. Возможно, те самые ламы, о которых говорил Викинг. К тому же на этой улице машин было больше, и Кириллу приходилось выписывать немыслимые виражи, объезжая их. Хорошо еще, что коляска с дополнительным колесом делала мотоцикл устойчивым, иначе он давно бы уже перевер-

нулся.

Справа показалась темная масса деревьев. «Тот самый парк, за которым водохранилище», – догадалась Нюта. Среди них виднелся просвет – вглубь парка уходила прямая аллея, словно приглашавшая свернуть на нее, что Кирилл и проделал. К изумлению Нюты, животные всей стаей грациозно промчались дальше по улице и скрылись вдали. То ли они и не собирались нападать, то ли – девушка похолодела от догадки – сами удирали от куда более грозного хищника. Видимо, Кириллу в голову пришла та же идея, поэтому он увеличил скорость, но вскоре пришлось затормозить – аллея поворачивала, а впереди сквозь спутанные ветви виднелась темная гладь воды – Химкинское водохранилище. Словно подтверждая это, что-то громко плеснулось совсем рядом с берегом. «Рыба? – подумала Нюта. – Или водяной?»

При бледном свете месяца и фары мотоцикла, лампа в которой явно доживала последние часы, на противоположном берегу были видны какие-то кучи и странные высокие тонкие конструкции, изогнутые буквой «г». Правее возвышалось величественное здание, похожее на дворец, – Нюта в жизни ничего подобного не видела, разве что в чудом сохранившейся детской книжке. Пока ребята стояли и смотрели, в одном из его окон вдруг вспыхнул огонек, словно дом подмигнул им, приглашая в гости. Потом другой и третий, в разных местах, создавая впечатление, что по разным этажам «дворца» бродят люди с фонарями. Поглощенные этим

зрелищем, путешественники не сразу заметили справа на воде что-то большое и темное, не спеша приближающееся к ним. Приглядевшись, они поняли – это длинная лодка, которую несет течением. На носу лодки темнела фигура – похоже, там сидел человек. Вдруг она шевельнулась, и Кирилл, забыв обо всем, в безумной надежде схватил автомат и дал очередь вверх, чтобы привлечь к себе внимание. В ответ с лодки что-то плюхнулось в воду, от толчка она оказалась еще ближе к берегу, и ребята смогли лучше рассмотреть сидевшего на борту. Он был мертв, и уже давно, судя по тому, как основательно обглодали лицо какие-то твари. Видимо, человек надежно привязался, пока был еще жив, и стащить тело в воду падальщики так и не смогли. Путешественники оцепенели – хотя про Харона никто из них не знал, все троим одновременно показалось, что лодка вот-вот причалит и мертвец прикажет им садиться, чтобы отвезти куда-то, откуда не возвращаются.

Разглядывая лодку, Нюта вдруг заметила краем глаза движение совсем рядом, внизу. Там, где берег обрывался к воде, в зарослях высокой травы что-то едва заметно шевелилось. Направив на этот участок луч карманного фонаря, который ей вручил Кирилл, садясь за руль, девушка высветила тянущуюся к колесу мотоцикла костлявую шестипалую конечность. Земля осыпалась, но тот, кто лез из воды, не сдавался. Следующая попытка была удачнее – сперва одна жуткая лапа, а потом другая вцепились в торчащий из земли ко-

рень рядом с ногой Кирилла. Их хозяин, видимо привлеченный выстрелом парня, а может, работой двигателя мотоцикла или запахом его выхлопов, стал подтягиваться, являя на свет жуткую бугристую башку, облепленную мокрыми водорослями и тиной. Нюта отчаянно затрясла Кирилла за плечи, но тот и сам понял, что дело плохо, и отчаянно крутанул ручку газа. Мотоцикл взревел и рванулся обратно по аллее.

На этот раз они без приключений свернули налево, едва не врезавшись в ржавые останки машины, и помчались по широкой улице с высотными домами. Иногда над дорогой попадались чудом сохранившиеся рекламные растяжки. На одной из них Нюта прочла: «Шубы, дубленки недорого», другая призывала покупать элитные квартиры с видом на Химкинское водохранилище. Вспомнив лодку и неведомую тварь, девушка содрогнулась.

Довольно скоро они увидели впереди круглый холмик. Судя по всему, это была клумба, о которой говорил комендант Сходненской. «А вон и мост через канал впереди, – подумала Нюта. – Точнее, то, что от него осталось». И действительно, мост большей частью обрушился в реку а над водой каким-то чудом держалась лишь его левая половина. Пока Кирилл прикидывал, удержит ли эта ненадежная на вид конструкция мотоцикл с тремя седоками, Нюта совершенно случайно подняла голову и ахнула: прямо над ними возвышались безмолвные квадратные Стражи, злобно глядя на мир выбитыми окнами-глазами. Девушке показалось, что

они скалят зубы, хотя наверняка это тоже были какие-нибудь детали отделки. На плече одного Стража сидела, сложив крылья, громадная черная тварь.

Нюта пихнула Кирилла, но все его внимание без остатка было привлечено полузатопленным возле моста танком – еще одна примета Захара Петровича и косвенное подтверждение дикого рассказа сталкера Васьки Косого. На башне танка сидело уродливое черное существо с лоснящейся кожей и как будто поджидало их.

«Водяной, водяной», – непроизвольно забормотал Кирилл, оглядываясь, куда бы свернуть, но тут тварь на плече у Стража с хриплым криком спикировала вниз, расправляя огромные крылья. Прежде чем парень осознал, что Нюта изо всех сил лупит его кулаками по спине, он уже до упора выкрутил рукоятку газа и на полной скорости направил мотоцикл вперед, на мост.

Им повезло: крылатая тварь в последнюю секунду изменила свое намерение и спикировала на изготовившегося к атаке обитателя канала. Впрочем, люди этого не знали – Кирилл смотрел вперед, мертвой хваткой вцепившись в руль, а насмерть перепуганные девчонки зажмурились, ощущая, как прогибаются под тяжестью остатки моста. И все же мотоцикл успел оказаться на другой стороне, прежде чем железные балки с громким плеском обрушились в воду, скрывая исход битвы двух тварей.

Теперь мотоцикл несся по улице Свободы. Путешественникам показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они увидели полуобвалившийся переход. Неожиданно откуда что-то шлепнулось прямо в коляску мотоцикла, но Крыся, даже не успев испугаться, схватила его обеими руками и выбросила на дорогу. А улица уже поворачивала к насыпи, в которой виднелись квадратные темные отверстия – туннели. Над насыпью торчали обломки какой-то стеклянной конструкции, а над ними возвышались две небольшие башенки с плоскими крышами.

– Шлюзы, – пробормотал Кирилл, хотя никогда их не видел.

Перед въездом в туннель парень притормозил и несколько мгновений изучал их. В левом ему что-то не понравилось, и он решительно направил мотоцикл в правый. Туннель довольно быстро кончился, и мотоцикл оказался на мосту, к счастью, совершенно целом. Внизу тянулись рельсы, очень похожие на те, что в метро, огороженные с двух сторон широкой кирпичной стеной, некогда покрашенной в желтый цвет. Местами она была разрушена, но довольно крупный фрагмент уцелел. На нем чудом сохранилась надпись «За-чем», но не с вопросительным, а с восклицательным знаком в конце, словно это было утверждением.

– Действительно, зачем? – пробормотала Крыся. Она уже не понимала, куда они едут столько времени и чем все это может кончиться. А вот Кирилл с надеждой вглядывался вперед – перед ними снова была широкая улица, и на покосившейся табличке на одном из домов можно было разобрать что-то вроде «околам». Волоколамское шоссе! Хуже было другое – судя по небу, вот-вот должно было начать светать. Это значит, скоро проснутся дневные хищники, истинные хозяева этих мест, и до этого людям необходимо найти укрытие.

Слева показались полуразрушенные башенки красного кирпича, о которых также упоминал Захар Петрович. Кирилл на минуту отвлекся, и тут мотоцикл въехал в полосу чего-то, напоминающего густую слизь. Из-под колес тут же пошел вонючий дым, машина забуксовала, а потом как-то разом осела на все три колеса и заглохла. Несколько попыток вновь завести мотор успехом не увенчались. Путешественники растерянно посмотрели друг на друга, после чего Кирилл пожал плечами и показал жестами, что надо вылезать. Стараясь не наступать в слизь, они отошли на безопасное место, совершенно подавленные. Только им стало казаться, что все наконец-то наладилось и их отчаянная авантюра может увенчаться успехом, как очутились в незнакомом месте без средств к передвижению, а ночь вот-вот закончится.

Делать нечего, Кирилл махнул рукой в направлении шоссе и, вновь забрав у Нюты фонарик, пошел впереди. Девуш-

ки двинулись за ним, вспоминая слова Захара Петровича и то и дело с опаской оглядываясь на остатки кирпичных строений. А опасность, как оказалось, подстерегала их с другой стороны: из ближайших кустов наперерез троице кинулись какие-то длинноногие твари. К счастью, Кирилл, дав очередь от бедра, сумел свалить одного из них, а остальные, тут же забыв о людях, принялись рвать на части еще живого товарища. Воспользовавшись минутной заминкой, Кирилл, Нюта и Крыся, не помня себя, ринулись в какую-то боковую улочку, потом свернули с нее на другую, еще раз. Вновь повезло: за ними никто не погнался. Зато, наконец остановившись и переведя дух, беглецы обнаружили, что понятия не имеют, где находятся: приземистые дома, сбоку – огороженные стеной рельсы, и опять эта надпись «Зачем». Конечно, можно было поискать табличку с названием улицы, но что это даст? Они потеряли шоссе и заблудились в незнакомом городе.

* * *

Нюта еле передвигала ноги, подруга, шатаясь, брела рядом. Кирилл пытался казаться уверенным и невозмутимым, как и подобает мужчине, хотя в душе тщетно боролся с паникой. Они давно понятия не имели, куда идут. Пейзаж не отличался разнообразием: рельсы, шпалы, мосты, мосты, мосты, узкие улочки, остатки низеньких обветшалых домов. Попытавшись было ткнуться в один, сохранившийся лучше

других, люди слышали настолько неприветливое рычание, что даже не стали пытаться отбить убежище у его владельца и совсем пали духом. Да еще эта надпись «Зачем», то и дело попадавшаяся на стенах. Нюте уже стало казаться, что они ходят по кругу.

«И правда, зачем? – думала девушка. – Зачем бороться, пытаться выжить? Наверное, против судьбы не пойдешь. Нам с Крыской было суждено умереть молодыми, так не все ли равно, как – безропотно подчиниться или сопротивляться? Конеч-то один...» Ей даже захотелось, чтобы неизбежное наступило побыстрее, – очень уж надоело бояться, дергаться, вжимать голову в плечи при каждом шорохе, которых с каждой минутой становилось все больше: город просыпался. Они уже ничего не соображают, у них не хватит сил даже найти убежище, так и будут идти, пока не встретят очередных хищников или упадут от усталости, и тогда их доконают жгучие солнечные лучи. Вот, правда, остается шанс перед смертью все-таки увидеть Солнце.

«Жертвоприношение все-таки состоится, – вдруг пришло ей в голову. – Да еще какое – трое вместо двоих. Если бы я знала, что наш побег кончится этим, что мы не только сами не спасемся, но еще и Кирилла утянем с собой на смерть! Но нужно же было хотя бы попытаться! Все-таки хорошо, что мы вышли на поверхность, иначе я бы так и не узнала, как здесь красиво. И если уж все равно приходится умирать, то лучше свободными, а не по чужой воле».

И тут Нюта увидела странное, невозможное...

Неподалеку от них, впереди их крошечного отряда, по улице шагала девочка.

Обычная девчонка примерно ее возраста в пестром свитере и брюках, светлые волосы спадают до лопаток. На ногах не ботинки, а что-то вроде тапочек на шнуровке. Но странным было не это, что-то другое. Даже не странным – неправильным, невозможным. «Да она же без противогаза!» – внезапно осознала Нюта. Девчонка оглянулась, блеснув глазами из-под челки, улыбнулась и приложила палец к губам. «Это, наверное, та, которая любит гулять по трамвайным рельсам, – догадалась Нюта. – Она велит молчать, потому что за это могут убить». И вдруг она снова, вопреки всякой логике, ощутила прилив сил и уверенности. Поравнялась с Кириллом и показала под ноги, где проходили чуть притопленные в асфальте рельсы. Парень понял, кивнул, и они с новыми силами устремились вперед. Девчонка маячила перед ними, то дальше, то ближе. Иногда оглядывалась, манила рукой. Нюта почему-то не сомневалась, что ни Кирилл, ни Крыся их странной проводницы не видят. Тем не менее, когда рельсы вдруг разветвились и Нюта уверенно двинулась туда, где впереди мелькала фигурка в пестром свитере, спутники спорить не стали.

Дома стали выше, а вдоль улицы вновь начали попадаться остатки торговых палаток. Возле одной валялся скелет, но Нюта старалась смотреть только вперед, туда, где двигалась

ее провожая — легко, словно танцуя. Вот странная девчонка обернулась, улыбнулась и махнула рукой. И тут же силуэт ее поплыл, потихоньку растворяясь в утреннем воздухе. Нюта подошла туда, где видела ее в последний раз, и остановилась, не зная, куда теперь. Они стояли на ступеньках, ведущих в подземный переход, а прямо перед ними улица выходила на еще одно большое шоссе. Где-то там за домами небо потихоньку наливалось алым. Троица застыла на месте, не в силах отвести глаза. Сначала на горизонте показалась розовая полоска, затем краешек красного шара. Он виделся словно бы сквозь какое-то марево, и, глядя на это, Нюта поняла: Верховный врал или ошибался. Тому, что сейчас поднималось все выше, не было никакого дела до людей. Можно было убить в его честь еще несколько тысяч, а можно было не убивать никого. Оно все равно поднималось бы каждое утро, подчиняясь каким-то своим таинственным законам. А если бы однажды утром и не взошло, то к людским делам это не имело бы никакого отношения. Напрасно жалкие муравьи, копошащиеся внизу, пытались как-то умиловить светило, а заодно и приписать себе хоть частичку его могущества. Оно всходило миллион лет назад, когда разумной жизни на земле еще не было, и точно так же всходит теперь, когда мир опять возвращается в первобытное состояние. Возможно, индейцы, принося ему жертвы, просто пытались выразить таким образом свой восторг перед этим каждодневным чудом. Да и жизнь человеческая в те времена

ценилась гораздо меньше. Белые, навязавшие им свою модель цивилизации, делали вид, что ценят ее куда дороже. Но Нюта твердо знала по собственному опыту – жизнь человека, за которого некому заступиться, во все времена ничего не стоила, в любой момент могла стать разменной монетой в чужой игре.

От размышлений девушку оторвало какое-то движение на шоссе. Между домами появилась огромная туша, склонила голову, словно приносящаяся, а потом решительно двинулась по направлению к ним. Нюта в панике озиралась вокруг: нужно было спешно укрыться где-нибудь, хотя бы в ближайшем доме, но вдруг там тоже кто-то засел? Внезапно Кирилл торжествующе толкнул ее в бок и кивком показал вперед – на ступеньках валялась большая красная буква «М». Точно такую они видели на улице над вестибюлем Сходненской.

– Метро, – не веря себе, пробормотала Нюта.

И все трое кинулись по ступенькам вниз.

Добежавший первым Кирилл принялся дубасить в закрытые ворота. Никто не отзывался. Нюта обессиленно опустилась на пол, твердо решив, что никуда больше не пойдет. Наверное, на этой станции люди не живут. Им просто не повезло. Этот поход с самого начала был безумием.

И вдруг ворота открылись. Ребята ввалились внутрь и оказались окружены плотным кольцом людей. Одни поддерживали их, другие помогали снять противогаз, третьи протягивали еду и воду. Нюта вгляделась в веселые бородатые лица.

– Где мы? – еле слышно прошептала она.

– Вы в надежных руках – у соколов батьки Нестора. Это станция Гуляй Поле, – гордо ответили ей. – Можешь ничего не бояться, деточка, никто тебя здесь не обидит.

Такого названия комендант Сходненской точно не упоминал. И вдруг Крыся завизжала, указывая куда-то пальцем. Взглянув в ту сторону, Нюта увидела на стене большое черное полотнище, на котором был изображен белый череп со скрещенными костями.

Сверху еще что-то было написано, но она не могла разобрать, да ей сейчас было и не до того.

– Вы сатанисты? – холодея от страшной догадки, спросила девушка.

– Да вы что, девчонки, грибов поганных объелись, что ли? – засмеялся один из мужчин. – Нет, бери выше! – с гордостью произнес он. – Мы – анархисты!

«Час от часу не легче», – подумала Нюта, совсем не уверенная, что это лучше. Но люди вокруг казались не такими уж страшными. Они громко разговаривали и смеялись, и потом, особого выбора у путешественников все равно не было.

Глава 5

У анархистов

Станция Гуляй Поле чем-то походила на Тушинскую, да-же, пожалуй, была попроще: такие же квадратные колонны, те же стены без особых украшений. Но на этом сходство и заканчивалось. Везде, где только можно, были наклеены изображения черепа и скрещенных костей на черном фоне, увенчанные лозунгом «Воля или смерть». И обстановка здесь была совсем другая. Тушинская напоминала мирный дом, хозяева которого, не забывая о грозящих опасностях, стараются все же навести уют в своем жилье. На этой станции пахло войной. Здесь преобладали мужчины в форме, рассуждавшие громко и решительно, попадались и очень колоритные личности – кто в черном плаще, кто в кожанке, кто в рваной тельняшке. Женщин было немного, и почти все очень странные – полуодетые и чересчур ярко покрашенные. Одна неизвестно почему визгливо рассмеялась вслед путешественникам.

Но девушки и Кирилл все равно не могли поверить своему счастью. Еще совсем недавно ребята не надеялись дожить до утра, и вот они уже среди людей, наперебой предлагающих еду, чай, даже брагу. Когда путешественники наелись, их стало клонить в сон. Их отвели в гостевую палатку, где измученные ребята проспали до самого вечера.

Проснулись они как раз к ужину. Окружающим, видно, не терпелось их расспросить, и как только они опустошили миски, посыпался град вопросов.

– Как же вы так решились – от самой Сходненской? Это ж такое расстояние! Да вы вообще чудом живы остались. Из наших никто бы на такое не решился, а ведь здесь не трупы собрались. Было, правда, два случая, когда сталкеры наши выходили на Соколе, чтобы попробовать по Волоколамке напрямик до Тушинской дойти, да в итоге ни один так и не вернулся. К вам-то не дошли они? Нет? Ну, мы так и думали, что эти отчаянные головы еще по дороге сгинули, на поверхности.

Рассказ о нападении водяных вызвал всеобщее сочувствие.

– Эх, трудно там вашим приходится! Мы бы и рады помочь, да только с тех пор, как к Полежаевской туннели взорвали, до вас теперь по метро не доберешься. А верхом идти – по дороге три четверти людей потеряем, хорошо, если хоть кто-то дойдет. Так что смысла никакого.

Всех интересовало, что происходит на поверхности. Затаив дыхание, анархисты слушали рассказ о Химкинском водохранилище.

– Сталкеры с Речного вокзала рассказывали, что они тоже те огни в развалинах видели. Издали, конечно. Они туда и не суются: взять все равно нечего, разве что катер какой-нибудь ржавый угнать, а голову сложить – запросто. Да и на хрена

нужен тот катер? Куда потом на нем? Вниз по матушке по Волге?

– Мы одного такого видели... который катер угнал, – вздрогнув, сказала Нюта. – А что это за дворец там, на берегу? Ну, тот, где огни?

– Речной вокзал, – отозвался кто-то. – Раньше там был Северный речной порт. Грузы всякие водным путем доставляли, ну, и прогулочные катера по водохранилищу плавали. Бывало, сидишь на палубе – солнце, музыка играет, ветерок дует с воды, пиво холодное – красота!

– А я думала, в этом дворце люди жили, – проговорила Нюта. – А откуда тогда огни в развалинах?

– Души это мертвые бродят, – подал голос тщедушный анархист с воспаленно блестящими глазами. – Канал имени Москвы ведь заключенные рыли, и полегло их там без счета.

– Ты бы еще Ивана Грозного вспомнил, – неодобрительно отозвался кто-то. Отчего-то всем стало неуютно, и разговор о Речном вокзале сам собой перешел на загадочного Павла Ивановича.

– Ну надо же, кто бы мог подумать: конец света наступил, а старый алкоголик даже не сразу заметил! – воскликнул кто-то.

– Не так все просто, – покачал головой Кирилл. – Чувствую я – не такой он безобидный чудака, каким старается казаться.

И он рассказал про желтый «хаммер» погибшего сталке-

ра, который обнаружился в гараже у старика.

– Да что ты ерунду городишь? – поинтересовался невысокий темноволосый крепыш. – Аркан этот, скорее всего, без его помощи погиб, а потом старик нашел и прибрал машину. Или ты думаешь, кто тачку угнал, тот и сталкера замочил? Да может, это и не его была машина, мало ли их одинаковых?

– Ну да, желтых «хаммеров»-то. Их в Москве, особенно в Тушинском районе, прямо пруд пруди, – ехидно отозвался кто-то.

– Да вообще все странно, – сказал Кирилл. – Зачем ему столько машин, оружия?

– Ну, оружия никогда много не бывает, – авторитетно заявил высокий блондин. – А машины – от скуки просто. Старичку надо чем-то себя занять, как-то время коротать, вот он и возится с техникой. У него, небось, до Катастрофы и машины-то своей не было, ну максимум старенькие «Жигули». А тут столько красавиц бесхозных – поневоле глаза разбегутся. Или ты думаешь, он шпион Ганзы, а то и красных? И пальцы потерял не на заводе, а в результате спецоперации? Готовит плацдарм для завоевания Тушинской и старается выпытать ваши военные секреты? Да у вас наверняка и выпытывать-то нечего, ну разве что фирменный способ засолки шампиньонов.

– Может, и не шпион, а разговаривает все равно странно, – пробормотал парень. – «Кладбище домашних животных», «дикорастущие орхидеи», «торфяные болота». Не по-

хоже на алкаша-работягу.

– Не скажи, – отозвался пожилой анархист в потертой тушурке. – У меня еще в прежней жизни дружок был, Пашка, тоже из заводских. А рассуждать бывало начнет – куда там Гегелю! Особенно когда выпьет.

– А может, этот отшельник – маньяк? – задумчиво предположил Кирилл.

– Тушинский упырь, – тут же подхватил какой-то остряк, – или, допустим, Овражный потрошитель. А пауки его не трогают, потому что он с ними кооперируется и остатки своих жертв им скармливает пополам со своей этой... как ты сказал?.. Маруськой.

– Но нас-то он отпустил, – напомнила Нюта. – Ну и воображение у тебя? Ты, случайно, сам в этой вашей газете не сотрудничал? – поддела она Кирилла. И по тому, как он смутился, поняла, что попала в точку.

– Мало ли, отпустил, – буркнул тот. – Зато дал не надежную машину, а мотоцикл.

– Скажи спасибо и за это. Машину, между прочим, водить куда труднее, да и пройдет она не везде. На ней бы мы точно куда-нибудь врезались, да и по мосту бы не проехали. И потом, если бы старик хотел нашей смерти, он бы вообще предлагать ничего не стал, или мотоцикл бы испортил. Тормоза там...

– Может, он и испортил, чтобы этот агрегат потом сломался, в самый неподходящий момент. Просто мы его еще

раньше успели доконать, – гордо парировал Кирилл. – А вообще-то портить было необязательно, раз он нарочно нас к водохранилищу направил. И спаслись мы только чудом, за-была?

Нюта покрутила пальцем у виска и с раздражением повторила:

– Пешком бы не спаслись гарантированно, даже до канала бы не добрались. Если б не Павел Иванович, нас бы уже в том овраге пауки переваривали!

– Да успокойтесь вы, – лениво сказал мужчина в защитной форме с красивым волевым лицом. – Я думаю, все еще проще. Не живут люди на поверхности при таком радиационном фоне, это факт. Отсюда вывод: Павел Иванович ваш – просто глюк.

– Что, коллективный? – удивился Кирилл.

– А что вы думаете, и такое бывает. Противогазы-то вам на Сходне старые дали, фильтры почти выработанные, вот и нанюхались этого не помню чьего башмачка, из-за чего начало мерещиться черт знает что. А на самом деле вы, может, и в овраге-то не были.

– А мотоцикл? – пискнула Крыся.

– Нашли где-нибудь. Просто эта часть пути у вас, так сказать, под кайфом прошла, вы и не помните, как все на самом деле было. Говорят, наркоманы до Катастрофы и в космос летали, и на зеленых чертей охотились...

– Но не может же быть, чтобы всем троим одно и то же

слово в слово мерещилось, — усомнился Кирилл. — Да и мотоцикл. Даже если мы его сами нашли, управлять им меня Павел Иванович научил. Я ведь до вчерашнего дня их только на картинках видел, а девчонки вон и слова такого, «орхидея», не слышали, не говоря уж про про венерин башмачок...

Видя такое недоверие анархистов, Нюта решила про девчонку, гулявшую по рельсам, на всякий случай не рассказывать. А то ее посчитают сумасшедшей или тоже припишут все действию какого-нибудь ядовитого дурмана. Она уже и сама сомневалась — может, чудная провожатая ей померещилась? Ведь ни Кирилл, ни Крыся ее не видели. Но к метро-то они вышли! Так что или этот «глюк» был редкостной удачей, либо у нее открылись какие-то сверхъестественные способности, а потому говорить об этом не стоит. В лучшем случае, эти грубые люди поднимут ее на смех, в худшем, чего доброго, тоже начнут изучать, как подопытную зверушку.

Намаявшиеся от безделья анархисты, которые рады были любому развлечению, предложили еще несколько версий появления старика в овраге, но скоро эта тема им надоела. Темноволосый крепыш взял гитару. После нескольких дежурных песен про черного ворона и батьку-атамана он запел, со значением глядя на Крысю:

— Недели проходят, бэби, седеет моя голова,
Ведь это подземка, бэби, здесь месяц идет за два,

Не верю я клятвам, бэби, уверткам твоим и лжи,
И все-таки я вернусь к тебе, бэби, если только останусь
жив.

Здесь все очень просто, бэби, – не спи и вокруг смотри,
Ведь это подземка, бэби, здесь месяц идет за три.
Что там блестит во мраке – чьи-то зубы или ножи?
И все-таки я вернусь к тебе, бэби, если только останусь
жив.

Здесь надо быть сильным, бэби, здесь надо уметь
стрелять,
Ведь это подземка, бэби, здесь месяц идет за пять.
Кто знает, может быть, монстры смотрят на нас из тьмы,
А может быть, просто люди, такие же, как и мы.

Враги окружают, бэби, хрипит командир: «Вперед!»
Ведь это подземка, бэби, здесь месяц идет за год.
Одно нам осталось, бэби, – погибнуть в кольце огня.
Я никогда не вернусь к тебе, бэби, прощай и забудь меня.

– Ну, Валет, распустил перья! – пробормотал кто-то.

– Между прочим, девушка, эту песню он сам сочинил, –
сказал мужчина с волевым лицом. – Жалко, поет редко. Зна-
чит, понравились вы ему.

Крыся вспыхнула.

Веселье продолжалось далеко за полночь. Оказывается,
батька Нестор с частью своих орлов отбыл в очередной по-

ход, а оставшиеся, отработав днем смену на свинофермах Речного Вокзала, вечерами развлекались по своему разумению. Нюта, Крыся и Кирилл вскоре устали и отправились в палатку. Там они вспомнили про обувь, которая до сих пор лежала в рюкзаках, и все трое принялись разглядывать добычу. К удивлению Нюты, красные туфли сидели на ней как влитые. Ботинки Кирилла оказались ему немного велики, но он тут же заявил, что это не беда: наматает побольше тряпок на ногу – и теплее, и надежнее. Хуже всего оказалось Крысе: она прихватила изящные черные туфельки, но те оказались не только безнадежно велики ей, но и были на высоком тонком каблучке. Нюта предложила подруге с утра попробовать поменять на что-нибудь полезное, но Крыся, чуть не плача, наотрез отказалась расставаться с такой красотой.

Сквозь сон они еще долго слышали то песни, то споры, то пьяные выкрики, то женский визг. Пару раз даже гремели выстрелы, но, судя по всему, анархисты просто палили в воздух от избытка чувств.

Во сне Нюта видела город наверху. Такой, каким он мог быть до Катастрофы. Светило солнце, отражаясь в чисто вымытых окнах высотных домов, в витринах магазинов виднелись нарядно одетые куклы, по рельсам ехали трамваи, которые обгоняли разноцветные автомобили. В парке возле водохранилища росли невиданные яркие цветы. Нюта вдруг оказалась на противоположном берегу, возле самого дворца. Со второго этажа кто-то механическим голосом звал: «Пригла-

шаем вас на увеселительную прогулку по воде». К причалу подходил нарядный белый катер. Девушка охотно взошла на палубу, и катер тут же начал отчаливать, словно дожидались здесь только ее. Но в этот момент солнце зашло за тучу, и все вмиг преобразилось: налетел холодный ветер, все вокруг стало серым. Увидев на палубе сидящего человека, Нюта шагнула к нему. Тот обернулся на звук ее шагов и оказался мертвецом с обглоданным лицом, которого они видели на катере. Он молча указал вдаль рукой, на которой не хватало тех же пальцев, что и у Павла Ивановича. Проследив за ней взглядом, Нюта увидела прямо по курсу катера громадную распахнутую пасть, которая всасывала в себя воду. В панике она оглянулась, нельзя ли, пока не поздно, спрыгнуть в воду и вплавь добраться до берега? Но ведь Нюта не умела плавать, а в воде кишели черные блестящие тела и скалились острыми зубами чешуйчатые треугольные головы. Девушка подняла глаза – со второго этажа дворца на нее приветливо глядел скелет, продолжая бормотать что-то про незабываемую прогулку, а потом вдруг отчетливо произнес голосом овражного отшельника: «Не бойся, умирать совсем просто. Не труднее, чем водить мотоцикл. Правда, Марусенька?..»

Одним словом, Крыся снова проснулась среди ночи от крика подруги и битый час пыталась ее успокоить.

Наутро, когда путешественники встали, темноволосый Валет был уже тут как тут. Он отвел их позавтракать, а потом принялся показывать станцию. С особой гордостью продемонстрировал тренажерный зал с самодельными штангами и гантелями, пару раз демонстративно подняв самую массивную. Ньюта понимала: анархист старается произвести впечатление на ее подругу, и Крысе, судя по всему, его внимание льстило.

Все было бы хорошо, если бы не Кирилл. Ему было явно неуютно в обществе шумных обитателей Гуляй Поля. К тому же за ним повадился ходить по пятам тот самый тщедушный анархист с воспаленными глазами, который говорил о мертвых душах. Отловив Кирилла и взяв его за пуговицу, он начинал, озираясь, втолковывать, что отшельник из оврага на самом деле темный колдун, потому-то ему и не страшна никакая радиация. Дескать, старик нарочно направил их в обход канала, потому что стережет страшный секрет: между западным и восточным мостом канала, где они сначала собирались пройти, находится одно из мест силы. Человек, побывавший там, набирается невероятной энергии и исцеляется от всех болезней, даже если не подозревает об особенных свойствах этой местности. А колдун специально охраняет эти места и не дает людям приближаться к ним.

– Я еще мальчишкой там бывал – запредельное место! – горячился мужичонка, брызжа слюной. – Там, где кончается канал, начинается заросший склон, а по нему гигантские трубы проложены. И на склоне то какие-то ржавые лестницы, то ступеньки каменные, крошившиеся, и все это курстарником заросло. А на берегу канала старый заброшенный завод – корпуса все черные, словно там пожар бушевал. И еще местные говорили, что до Катастрофы там каждую ночь гудело что-то, да страшно так...

Кирилл пытался увернуться, но анархист снова настигал его и втолковывал:

– А сам канал тоже не случайно выкопали. Я при всех такое говорить не стал, но только его не только копали заключенные, но и проектировали совсем непростые люди. Если по карте линию провести и этот канал продолжить, то другой ее конец упрется как раз в Стоунхедж! Это в Англии, капище друидское! Чуешь, к чему все клонится? Ты, я вижу, и сам человек непростой, ученый. Другой бы от колдуна живым не ушел...

От таких разговоров у парня потихоньку начинала ехать крыша.

Нюта между тем пользовалась любым случаем узнать побольше о жизни на соседних станциях: она не оставляла надежды добраться до Беговой. Немного успокаивало, что на Соколе, Аэропорте и Динамо как будто жители были вполне мирные.

– Надо тебя со Стасом свести, – сказал Валет. – Он лучше других окрестности знает, да и про вашу линию тоже.

Стасом оказался тот самый анархист с волевым лицом, на которого Нюта обратила внимание еще в первый день на станции. Она отметила про себя, что он, пожалуй, гораздо старше, чем ей сначала показалось, наверное, лет под пятьдесят. Стас смотрел на окружающих свысока. Из объяснений Валета Нюта поняла, что этот человек отличается отчаянной храбростью, за это его здесь уважают и прощают некоторые недостатки, вроде чрезмерной образованности и оригинального взгляда на вещи.

– Трудное дело ты затеяла, – сказал Стас Нюте, выслушав ее сбивчивый рассказ. – Без провожатого туда тяжело добраться, но ты, я вижу, сильная и упорная, так просто не отступишься. Значит, маршрут будет такой. Сначала Белорусская. До нее можно на дрезине проехаться, с ветерком, когда хлопцы наши опять в поход соберутся. Там – переход на Ганзу, и потом по кольцу, опять же на дрезине, до Краснопресненской. С нее будет на Баррикадную переход – это уже станция Конфедерации 1905 года, к которой и Беговая относится. Но если на Ганзе правила более-менее понятные, то в пределах Конфедерации на каждой станции все равно свои порядки. Вроде бы в целом у них примерно как на Красной линии, только без фанатизма и классовой борьбы, а так, как и почти везде в метро, сам черт ногу сломит. Особенно на самой станции Улица 1905 года – там народ, по-моему, на

всю голову больной: вроде атеисты, а суеверий полно.

Нюта вздрогнула, и от Стаса это не укрылось.

– Расскажи-ка и ты мне про свою станцию, – попросил он. – Я ведь как-то видел ее, проезжая мимо еще до Катастрофы. Ее обычно в темноте не разглядеть было толком, но там как раз с другой стороны тоже поезд шел, свет из окон падал. Странное такое ощущение – пустая, темная станция. Как там люди у вас живут? И почему вы оттуда ушли?

Нюта не знала, что ответить. Слишком сложно было объяснять все незнакомому человеку. Конечно, Стас сразу внушил ей доверие, расположив к себе, но девушка уже привыкла, что лучше не болтать лишнего – так, на всякий случай.

– На нашей станции поселилось зло, – пробормотала она слова, слышанные от бабы Зои.

Стас снисходительно поглядел на нее.

– Если тебе повезет дожить до моих лет, – сказал он и усмехнулся, – и не повезет увидеть столько смертей, иногда до крайности нелепых, то, может, поймешь: на свете нет ни добра, ни зла. Другое дело, что жить нужно так, будто они есть. Как-нибудь поразмысли над моими словами на досуге.

Нюта недоверчиво смотрела на собеседника и никак не могла понять, о чем он толкует? То, что делает Верховный, – это зло, потому что он убивает невиновных и слабых. Его надо остановить, и это как раз будет добрым делом...

– Не обращай внимания, – сказал ей потом Валет, с которым девушка поделилась содержимым странного разгово-

ра. — Стас — классный мужик, но иногда так заумно рассуждает — ни черта не поймешь. Зато он очень много знает про метро и поверхность, прямо энциклопедия ходячая.

Кириллу тоже понравилось проводить время в обществе Стаса. Парня очень интересовал животный мир метро, а на эту тему анархист мог рассказать многое. Часто Нюта заставляла его с карандашом и блокнотом, в который он записывал со слов анархиста что-то вроде: «Химера — огромная тварь белесого цвета, видит плохо, ориентируется на запах, очень опасна. Возможно, мифич.». Такие примечания парень делал, когда не был уверен, то есть практически постоянно, потому что не верил в то, чего не видел собственными глазами.

* * *

Меж тем жизнь текла своим чередом. После разговора со Стасом Нюта рвалась на Беговую все сильнее, но остальные ее не поддерживали: за Крысей активно ухаживал Валет, а Кирилл то ли устал, то ли боялся нового путешествия, то ли просто не был уверен, что на другой станции будет лучше. С другой стороны, гостеприимные хозяева уже намекали путешественникам, что скоро вернется из похода батяня Нестор, и до того времени хорошо бы им как-то определиться с дальнейшей жизнью. Насчет Крысы у анархистов вопросов не было — она быстро освоилась с порядками на станции и всячески старалась быть полезной, помогая в госпитале,

к тому же уже официально считалась девушкой Валета. А вот Кирилла, человека мягкого и мирного, склонного к философско-созерцательному отношению к действительности, не привлекала ни карьера бойца, ни царящий на Гуляй Поле разгульный образ жизни с ежедневными попойками, лихими песнями и прочей «свободой». Парень сомневался, колебался и все свое недовольство обрушивал на Нюту. Ей уже стало казаться, что это она виновата во всем – сманила его с родной станции, где он мог бы жить долго и счастливо. Когда Кирилл упрекал ее, девушка злилась и возражала, порой весьма резко, но когда он просто сидел с унылым видом и в его красивых серых глазах стояла тоска, а на все вопросы он кротко отвечал: «Ничего, просто настроение плохое», было гораздо хуже.

Их появление на станции, сначала наделавшее столько шума, уже воспринималось как что-то давнее и не слишком оригинальное. Анархистам, как детям, все время требовалось что-то новенькое и будоражащее воображение. Неожиданно явился перебежчик с Красной линии, и уже все население Гуляй Поля слушало, раскрыв рот, как этот оборванный, измученный, с впалыми глазами человек рассказывал, прихлебывая чай:

– У нас ведь, знаете, рядом торговый комплекс был подземный, на три уровня, вход с «Проспекта Маркса». Все имущество из него в первые же месяцы растащили, экспроприировали, так сказать, только ведь там все больше ерунда про-

давалась – тряпки, парфюмерия... Ну, кое-что из одежды нашим бабам перепало, что-то и мужикам подошло – щеголя-ли, пока не сносилось. А сносилось-то, кстати, быстро, там ведь все больше китайское барахлишко продавалось. К тому же размеры все больше девчачьи... нашим бабам эти платишки кургузые чаще всего и на нос не налезали. Ну да я не к этому. Решили наши территорию магазинную освоить – чего площадям зря пропадать? Верхний уровень, конечно, почти на поверхности, для жилья не годится – там уровень радиации такой, что мало не покажется, да и твари легко пролезут, а вот два нижних можно было попытаться изолировать и использовать... ну, хотя бы под склады. Хотя чего у нас, блин, теперь складывать? Разве что покойников... В общем, оказалось, что, пока наши думали да гадали, на верхнем уровне угнездилась какая-то пакость и начали на нижних этажах люди пропадать.

Несколько раз пытались ее прищучить, а потом плюнули и решили вход в комплекс вообще закрыть от греха подальше. А потом заварушка случилась, когда в туннеле взрыв был и траурный поезд с телом Вождя засыпало. Говорят, один из ваших постарался – вышвырнул из кабины машиниста и погнал поезд к Проспекту Маркса. Не иначе, хотел на полном ходу проскочить и дальше укатить, в Полис. А когда понял, что Вождя увезти не получится, отцепил платформу с гробом, а сообщник его еще взрывчатку швырнул вслед. Мол, не доставайся же ты никому. Вот туннель и обрушился. До

сих пор никто у нас не понимает, кому в Полисе тело Вождя понадобилось? Разве что для каких экспериментов. Мы ведь люди простые, нам власти не объясняют, отчего да почему. Объявили провокацией со стороны несознательных элементов, устроили недельный траур – и баста.

– Тоже мне, секрет! – фыркнул сидевший возле Нюты анархист. – Это Толик Томский поезд угнал. Только он девушку свою спасти хотел, а Вождь ваш что ему, что полисным был без надобности.

– А к чему ты про торговый центр-то заговорил? – поинтересовался другой. – В чем связь?

– Так связь самая прямая, – оживился перебежчик. – Когда эти ваши бомбисты туннель взорвали, что-то там обвалилось и образовалась дыра прямо в тот комплекс. На первое время ее кое-как досками заложили и часового рядом поставили, пока руки дойдут окончательно заделать. Вот как-то раз, когда на часах у дыры мой кореш Мишка стоял, сразу пятерых сопляков – четырех пацанов и одну девчонку – на подвиги потянуло. Мишка как раз то ли вздремнул, то ли еще что, в общем, они доски-то отодвинули и в комплекс ушли. Понятное дело, ни один не вернулся.

– А откуда стало известно, что они именно туда ушли?

– Дык одна девчонка матери записку оставила: идем в комплекс, не волнуйся, скоро вернемся. Сознательная, вишь, была. А оттуда еще не все вынесли, пацки какие-то оставались, конечно, детям-то интересно. Они ж не думали,

что за любопытство жизнью своей заплатят. Разве в их возрасте об этом думаешь?

– Что, и искать их не пытались?

– Ну почему же, вблизи осмотрели все. Только скорее для вида. Понимали – без толку их уже искать. А Мишку за это повесили.

– Ужас какой! – вздрогнула Нюта.

– Так родителей тоже можно понять – это они высшей меры требовали. Ведь пятеро детей пропали – это разве не ужас? Да и не жилец уже был Мишка, больно сильно переживал. Сдается мне, если бы его не казнили, он бы сам на себя руки наложил. Хотя он что-то пытался объяснять, но сразу-то никто не послушал, только потом задумались. Он все твердил, что выспался как следует перед тем, как на пост заступить, а тут вдруг глаза сами начали слипаться. Он и так, и эдак, хотел даже сменщика позвать, а руки-ноги как ватные стали, и в голове туман. Неспроста все это, так мне кажется. Мы ведь возле самого Кремля сидим, а что там творится, вы, наверное, и так слышали. Вот мне и кажется, что не сам по себе он заснул, а навели на него этот сон. И дети, наверное, тоже не просто так одни ночью в комплекс сунулись. Видать, кому-то свежая кровь понадобилась, невинная. Вот после этого случая я и решил: пора уходить. А то больно они все здорово объясняют, атеисты-материалисты наши, мать их так! Пусть-ка этот случай попробуют объяснить с позиций товарища Карла Маркса! Только ни Мишку, ни де-

тишек все равно не вернешь...

Он вздохнул и длинно, тоскливо выругался. Анархисты сочувственно загалдели, а Стас загадочно улыбнулся, и Кириллу показалось, что ему кое-что известно об этой истории. Он не удержался и спросил.

– Я много чего знаю, – загадочно протянул тот. – Потому что давно на свете живу. Я, молодой человек, застал еще то время, когда Проспект Маркса переименовывали в Охотный Ряд, а на Лубянке сбрасывали с пьедестала памятник главному чекисту. Теперь вот станциям вернули их исторические названия. О чем это говорит? – Он поднял вверх указательный палец. – О том, что со временем все возвращается на круги своя, и понимаешь, что все в жизни – суета. Но чтобы прожить остаток своих дней спокойно, я предпочитаю поменьше говорить и побольше слушать. Многие знания умножают печаль...

Перебежчик посмотрел на него запавшими глазами. Его трясло.

– Тинка, налей еще чаю человеку, и выпить принеси. Не видишь – плохо ему, – хлопнул Валет Крысю пониже спины. Та тут же вскочила и кинулась за алюминиевым побитым чайником.

– Как ты ее назвал? – удивилась Нюта.

– Тина, – пояснил Валет. – Стас сказал, что Крыся – это, скорее всего, уменьшительное от Кристины. Красивое имя, только слишком длинное. Мне больше нравится ее Тинкой

называть.

– А чего ты ею так командуешь? – неприязненно поинтересовался Кирилл. – Взял бы и сам сходил. Что она тебе, прислуга?

– Ты, Киря, в наши отношения не лезь, – в тон ему ответил анархист. – Я, между прочим, к ней с полным уважением, как к невесте отношусь, а не к шалаве какой-нибудь. У нас, может, скоро свадьба будет! А что, из нее хорошая жена выйдет: красивая, приветливая всегда, веселая, заботливая. А одежонку поприличнее мы ей в первом же походе справим. Верно, братцы?

Анархисты одобрительно загудели. Хотя Кирилл промолчал, Нюта чувствовала – все свое недовольство он потом выскажет ей.

– А анархисты разве женятся? – спросила она Валета.

– По-разному бывает, – уклончиво ответил он, но девушка догадалась, что ему пришлось выдержать немало шуточек со стороны соратников.

Она даже завидовала подруге – Валет, хотя и помыкал ею, относился к ней с грубоватой лаской и сам заметно изменился под ее влиянием. Он уже почти не принимал участия в бесшабашных кутежах, иногда продолжавшихся ночи напролет, зато все свободное время проводил с Крысей, то и дело стараясь порадовать ее каким-нибудь пустячком – то бусики разноцветные купит у челноков, то еще что-нибудь. Однажды принес ей небольшую книжку в яркой обложке. На об-

ложке юноша и девушка невероятной красоты глядели друг другу в глаза на фоне каких-то полей, рек и кустов. Крыся, никогда такой красоты не видавшая, тут же принялась читать, но хватило ее ненадолго. И когда Валет спросил, понравилась ли ей книга, она неожиданно горько расплакалась. Из сбивчивых объяснений Нюта поняла, что речь в книге идет о девушке, которая живет в замке и собирается умереть от несчастной любви. Крыся рыдала оттого, что не могла поменяться с ней местами. Она говорила, что если бы только могла жить в красивом доме на поверхности и каждый день видеть солнце, то безо всякой любви была бы самым счастливым человеком на свете. Валет ее переживаний не понял и расстроился, решив, что книжка – дрянь.

– Я-то думал, обложка красивая – значит, и книжка хорошая, – оправдывался он и порывался идти бить морду торговцу, который посоветовал такую ерунду. Крысе с трудом удалось его убедить, что книжка замечательная и сам он замечательный, но пестрый томик она с тех пор в руки вроде бы не брала. Нюта тоже попыталась почитать, но почему-то ей быстро стало неинтересно. Создавалось впечатление, что жившие наверху просто бесились с жиру, не зная, чем убить избыток свободного времени. Вот они и тратили его на всякую ерунду навряд ли бесконечных выяснений отношений и глупых истерик. Она бы лучше почитала о том, как люди научились строить такие дворцы и делать разные красивые вещи...

Кирилл на глазах превращался в брюзгу. Он вечно был недоволен, ему не нравился Валет, не нравились шумные анархисты. Тем более, что один из них, Семен, стал оказывать внимание Нюте и даже подарил ей цветастый платочек, явно из награбленного. Несмотря на то что этот человек с худым, нервным, обезображенным шрамом на подбородке, но все еще красивым лицом чем-то ее пугал, отталкивал, сам факт подарка был девушке приятен. Это тоже не укрылось от внимания Кирилла. Он демонстративно перестал общаться с Семеном, а оставшись с Нютой вдвоем, начинал выговаривать ей, что она водится с кем попало, и всячески высмеивать, как он выражался, «меченого».

Нюта тосковала. Бесшабашная анархистская вольница и нравилась ей, и пугала. Твердо решив уходить, хотя бы и пешком, она ждала только свадьбы Крыси. Порой, после очередной порции претензий со стороны Кирилла, она мрачно размышляла, надолго ли ее хватит, и не лучше ли предоставить парня своей судьбе? Останавливал ее даже не страх перед одиночеством, а чувство неловкости: все-таки они вместе прошли через такие испытания, после которых трудно вот так повернуться к человеку спиной. К тому же Кирилл был единственным человеком, пусть не слишком надежным, на которого она хоть как-то могла положиться. Впрочем, в последнее время она и в этом начинала сомневаться: парень, хотя и поддерживал ее в том, что от анархистов надо уходить, на Беговую отнюдь не рвался. Он без конца твердил,

что даже если мать Нюты все еще жива, то о дочери она давно и думать забыла и куда правильнее будет выбросить ее из головы, да и поселиться на какой-нибудь нормальной станции, порядки которой придутся им по душе. Причем в этом «им» Нюте неизменно слышалось «мне», и дело заканчивалось новой руганью.

– Тебе, парень, в Полис надо, – смеялись анархисты, глядя на тетрадку тушинца. – Будешь там свои записки писать да базарить с такими же высоколобыми. Или на Водный Стадион, там редакция газеты нашей. Спроси, может, им кто требуется?

Но описывать анархистские будни Кириллу что-то не хотелось. Он вообще считал себя человеком, далеким от политики. А вот мысль о Полисе, который слыл научным и культурным центром всего Метро, крепко запала ему в голову.

* * *

Свадьба Крыси стала поводом для очередной грандиозной гулянки. Сначала Валет мечтал дождаться батки, чтобы тот лично их поженил, но Нестор все не возвращался, и решено было потом отпраздновать с ним еще раз.

Анархисты, хоть и сокрушались, что их товарищ откалывается от большинства, в целом Крысю одобряли.

– Ничего, она девка правильная! – слышалось то и дело. – Ты, Валет, главное, воспитай из нее настоящую боевую по-

другу...

Худенькая темноволосая невеста в белом платье была очаровательна. Вот только с обувью была беда: сидеть в своих огромных черных туфлях она еще могла, а когда надо было встать, приходилось влезать в тапочки. Но Крыся была счастлива и почти не обращала внимания на подобные мелочи.

– Вот все и сбылось, только по-другому – улучив момент, сказала ей Нюта. – И имя у тебя стало другим, и платье белое пригodiлось.

– А вдруг оно принесет мне несчастье? – спросила та, слегка захмелев от выпитой браги и всего происходящего. – Сама знаешь, оно ведь не для свадьбы шилось.

– Не бери в голову, – отмахнулась Нюта, хотя по спине пробежал непрощенный холодок.

– Ты свое тоже не выбрасывай, – попросила Крыся. – Может, еще пригодится.

– Мое платье в крови, – машинально ответила Нюта. Крыся как-то замаялась и отвела глаза.

– Я не знаю, говорить тебе или нет. Мы теперь надолго расстаемся, может, навсегда. Помнишь сталкера Макса? Я знаю, ты помнишь. Так вот, на станции о его смерти странные слухи ходили...

– Что ж тут странного? – спросила Нюта с деланным безразличием. – Ушел наверх и погиб. Наверху опасно.

– Кто-то говорил: это Игорь упротил Верховного послать Макса исследовать Тушинский аэродром. Будто бы ему рас-

сказали, что там еще много полезного осталось. Сам-то не пошел, небось. Игорь знал, что ты к Максу неровно дышишь. Все знали... разве от людей такие вещи скроешь? А одна девчонка мне говорила, что Макс так прощался с ней, будто знал заранее, что не вернется.

Нюта почувствовала неожиданную обиду: и на какую-то девчонку, которую она, скорее всего, никогда больше не увидит, – «С ней прощался, не со мной!» – и на подругу, которая все знала и молчала так долго. А вслух спросила:

– И почему тебе, посторонней, все рассказывали, а мне нет? Хотя это именно меня в первую очередь касалось!

– Ну, может, Верховного боялись. И потом, ты, Нюточка, только не обижайся, но ведь ты сама от себя людей отталкиваешь. На Спартаке тебя считали гордой, надменной, черствой.

Нюта хмыкнула. Значит, сначала ее объявили изгоем и дразнили подкидышем, а потом удивлялись, чего это она такая неласковая? Странные люди!

– Знаешь, – сказала она небрежно, – мне кажется, ты все же дочитала эту яркую книжку, вот тебе и мерещится теперь всякая ерунда. С чего бы Верховному из-за придури сыночка лишаться одного из самых удачливых сталкеров? Да и Макс, если обо всем знал и все равно пошел, каким-то дураком выглядит. Не похоже это на него.

Крыся вздохнула. Она хорошо изучила характер подруги и знала – та скорее скажет какую-нибудь колкость, но не по-

кажет, что у нее на душе на самом деле. Впрочем, она и не думала винить Нюту за это, тем более теперь, когда предстояло расставание.

– Оставалась бы ты со мной, Нюточка? – в который уже раз предложила она. Нюта ласково улыбнулась и покачала головой:

– Ну подумай сама, Крыська, что я здесь буду делать? У тебя теперь муж, семейные заботы, до меня ли тебе будет? А меня Кирилл совсем извел своим нытьем, еще чуть-чуть, и одна сбегу. Да и потом, я столько лет мечтала хоть что-то узнать про маму, а теперь меня от нее отделяет всего несколько станций. Ведь самую опасную часть пути мы уже преодолели...

В этот момент Нюта искренне верила, что все самое страшное у нее уже позади.

– Может быть, мы с Кириллом сюда еще вернемся, – добавила она, чтобы утешить подругу и себя заодно.

– Раз уж мы надолго расстаемся, – Крыся всхлипнула, – возьми хотя бы вот это. Мне будет спокойнее.

И она надела Нюте на шею какой-то серый матерчатый мешочек на шнурке.

– Что это? – удивилась та.

– Большой палец Алики-заступницы. Говорят, она очень помогает в женских делах и от нечаянной смерти. Это Валет мне купил, очень ценная, наверное, вещь, он даже не говорит, сколько патронов отдал. Но тебе нужнее, возьми.

Растроганная Нюта обняла подругу.

– Тинка! – раздался голос Валета, и невеста поспешила к суженому, а Нюту отозвал в сторону Семен. Он был уже порядком пьян и прислонился к колонне – бледный, в распахнутой длинной шинели.

– Уходишь, значит?

Нюта кивнула.

– Эх, а я-то думал... Может, осталась бы? Со мной?

Нюта покачала головой, лихорадочно ища слова, чтобы отказать, не обижая.

– Знаешь, может, оно и к лучшему, – сказала она наконец. – У меня такая странная судьба, а тебе нормальная подруга нужна.

– Я сам знаю, что мне лучше, – мрачно пробормотал Семен. – Ты мне будешь сейчас голову морочить, что тебя где-то там нашли, чуть ли не среди диких зверей? А мне плевать, в туннеле тебя нашли, в капусте, да хоть наверху, – он ткнул рукой в потолок. – Главное – ты классная девчонка. Стержень в тебе есть, настоящий. Скажешь, завтра можешь вдруг ни с того ни с сего зарычать, покрыться шерстью и начать на людей кидаться? А меня, да и любого из нас, в любой момент могут убить, так что зря голову ерундой забивать? Будем жить, пока живется, и про завтра не думать, а если и впрямь в зверя превратишься, – анархист усмехнулся, – стану в туннелях на поводке выгуливать!

Несмотря на грубость его слов, в них звучала какая-то

странная, надломленная нежность. Так искренне и страстно с Нютой еще никто не разговаривал, тем более – взрослый и вполне видный мужчина. Вот если бы Макс когда-то сказал ей такие слова! Но Макса уже нет, он уже ничего ей не скажет. А Кирилл...

– Тебе нехорошо, – торопливо сказала она, заметив, что на лбу у Семена выступила испарина, а глаза лихорадочно блестят. – Пойдем, я налью тебе чаю. – И она ласково, но твердо взяла мужчину под руку и потянула в сторону ближайшего костра. Тот нехотя послушался.

Кирилл встретил их подозрительным взглядом, но Нюта сделала вид, что не заметила этого, и вслушалась в разговор.

– Эх, разве теперь умеют гулять? – сокрушался один из анархистов, худенький тщедушный мужичок. – Вот раньше гуляли так гуляли. Был у нас один здоровенный бугай по кличке Мамонт, большим авторитетом пользовался среди ребят, с самим батькой Нестором соперничать мог. Слушали его, как никого другого. Вот если б, к примеру, вздумалось ему сказать, что Земля имеет форму чемодана, половина из нас сразу бы ему поверила. Тем более молодежь, которая в метро родилась и не очень-то в курсе, как там оно на самом деле. А другая половина задумалась бы – вроде оно и не так, но раз сам Мамонт сказал, значит, что-то в этом есть, так уж его уважали. Батька даже косо посматривал на него – Мамонт, конечно, бойцом был первостатейным, но зачем ему такой конкурент? Только одно и спасало: Нестор – мужик

башковитый, а у Мамонта с мозгами было не сказать, чтоб уж очень хорошо.

И вот как-то сидели мы, пили, и зашел разговор, смогут ли люди снова наверху жить? Слово за слово, такой спор разгорелся, орут все друг на друга. Мамонт страшный, пьяный, вдруг вскакивает и кричит: «Э, да что там! Пора землю возвращать себе! Кто смелый, за мной!» И, как был, без комбеза, без противогаза, с одним автоматом кинулся наверх. Часовых у ворот одной левой смел, да они и не пытались останавливать, понимали, что бесполезно. Батька посмотрел ему вслед и говорит: «Ничего, нагуляется – сам прибежит». Несколько человек, правда, побежали было следом, но те, хоть и пьяные, соображения не потеряли. Пока они костюмы да противогазы натягивали, время и ушло. Когда выбрались, слышали только выстрелы вдали, потом крик – и все стихло. Они даже смотреть не пошли, и так все было ясно. Батька, хоть виду и не показывал и скорбел со всеми, на самом деле, небось, рад-радешенек был – одной головной болью меньше стало. Вот как раньше гуляли у нас! А теперь все не то...

Семен обвел всех тяжелым взглядом.

– Зачем все это? – презрительно спросил он. – Свадьба. Хэппиэнд. Как замечательно! Глядишь, со временем и детки пойдут, шестипалые или слепые. Еще хорошо, если без рыбьих плавников и желудок не снаружи, – я таких тоже видел. С другой стороны, может, повезет и будут у них выдающиеся способности. Да только тут не угадаешь заранее. Ну и зачем

вообще жениться и плодить мутантов? Неужели непонятно, мы все скоро подохнем! Последние деньки доживает человечество. Так что толку обманывать себя и оттягивать неизбежное? Не честнее ли отказаться от продолжения рода, дожить отпущенный нам срок и не обрекать на мучения детей?

– Ну, это ты уж слишком, – пробормотал кто-то. – Тогда почему бы не отправиться сразу на поверхность, дружными рядами, без намордников и оружия?

Валет, усмотрев в словах Семена прямое оскорбление себе и невесте, вскочил и едва не махнул прямо через костер к обидчику. Его еле удержали. Семен тоже вскочил, началась суматоха. Одни держали Валета, другие – Семена, третьи пытались объяснить молодожену, что Семен просто рассуждал отвлеченно и вовсе не имел в виду обидеть его лично. В общем, свадьба явно удалась. Вскоре противники помирились, кто-то схватил расстроенную гитару и загорланил:

Маленький мальчик крысу нашел,
Мальчик за крысой в туннели пошел.
Папа лишь кости собрал пацана —
Крыса в туннеле была не одна.

И десяток мощных глотков подхватили припев, в котором Нюта разобрала что-то про старушку в высоковольтных проводах и про обугленную тушку. Затем охрипший голос завел следующую частушку:

Черные щупальца, праздничный бант —
Свататься к маме явился мутант.
Как-то в туннеле гулял трупоед,
Думал найти мертвеца на обед.
Сталкер увидел, навел огнемёт —
Больше в туннеле никто не живет.

Нюта ушла к себе в палатку, не дождавшись, чем кончится все это веселье. Оставшись одна, она задумалась. Так значит, Кирилл не гнушается никакими методами, чтобы устранить соперников, и распускает про нее сплетни? В том, что ее история стала известна Семену именно посредством Кирилла, она не сомневалась — в Крысе девушка была уверена, как в самой себе, а сами по себе слухи со Спартака распространиться не могли. Значит, теперь ей предстоит идти дальше с человеком, о котором она, в сущности, очень мало знает. И все же другого выхода у нее не было: после смерти бабы Зои ни одного близкого человека у нее не оставалось, а теперь она теряла и единственную подругу. Но может быть, ей все-таки удастся найти маму?

Вскоре появился и сам Кирилл. Он был изрядно пьян — таким Нюта его еще не видела, и это даже пугало. И все же она решилась.

— Зачем ты рассказываешь обо мне гадости?

— Нюточка, милая, — парень обнял ее за плечи, дыша спиртом в лицо. — Ты такая красивая, а вокруг тебя все эти мужики, которым известно, чего надо... Я боюсь, что кто-ни-

будь отберет тебя у меня. Мне судьба тебя послала, и я тебя никому не отдам, так и знай!

Пьяный Кирилл был милым и трогательным, но в груди у Нюты словно застыл кусок льда. Значит, теперь ей надо отвечать и за него? А за нее кто ответит, кто ее пожалеет? В очередной раз ей показалось, что она зря затеяла этот побег. Как будто она все-таки немножко умерла и уже со стороны смотрит на себя с холодным любопытством – сколько ей еще удастся продержаться, изо всех сил притворяясь живой, такой же, как и все вокруг?

Она машинально погладила Кирилла по голове, тот что-то благодарно промычал и отключился. Уснула и Нюта, и ей снова приснился сон. Будто бы они с Максом стоят рядышком, и Макс тоже гладит ее по плечам и спине и приговаривает: «Милая, я так тебя люблю! Я должен скрывать это от всех, даже от тебя, иначе мне не удастся тебе помочь. Но я не дам тебе умереть, что-нибудь обязательно придумаю». А лицо у него бледное-бледное, и темные глаза кажутся огромными...

Нюта проснулась в слезах. Она вообще не понимала, зачем ей что-то делать и куда-то идти. Ей хотелось одного – снова заснуть, чтобы опять увидеть его во сне. Пока она была в опасности, пока приходилось преодолевать препятствия, ей было не до копания в себе, но теперь переживания навалились на нее разом, и это было слишком тяжело. Она вдруг вспомнила о напитке, дающем красивые сны, и тут же одер-

нула себя: «Нет, об этом думать нельзя, иначе конец!»

Она разбудила Кирилла и стала поспешно собираться. Как раз в тот день должна была отправиться дрезина на Сокол, и Нюта, узнав об этом, поняла – судьба.

Молодожены пришли их провожать. Крыся горько плакала – ей не хотелось расставаться с подругой, но Нюта знала, что горе ее не будет долгим. У Крыси теперь новая жизнь, свои интересы. А вот ей самой придется гораздо хуже: она теряла подругу, на которую могла положиться. Оставался только парень с Тушинской, в котором Нюта была не слишком уверена.

На дрезину уже набилось с десятков анархистов, так что им пришлось изрядно попихаться, прежде чем все устроились. Нюта никогда раньше не ездила по метро. Фонарь выхватывал из темноты какие-то толстые провода и трубы, идущие по стенам туннеля, девушка вглядывалась вперед и чувствовала, что ей нравится вот так ехать куда-то, навстречу новым впечатлениям. «Может, – подумала она, – у меня в роду тоже были цыгане?» Но спросить об этом было не у кого.

Глава 6

Вдвоем

Сокол оказался самой красивой станцией из тех, которые Нюта успела увидеть. Круглые арки, большие круглые выемки в потолке, в которых располагались светильники. Куда ни глянь – окружности и полуокружности, плавно переходящие одна в другую. Белые, нарядные. А вот люди тут были какие-то странные и не слишком приветливые. Начальник станции Бутов с сомнением оглядел Кирилла и Нюту, когда те сказали, что хотели бы устроиться здесь работать.

– Мы выращиваем свинью, разводим зерно и консервируем слизь, – сказал он. – Вряд ли вы справитесь на свиноферме. Могут вас определить к сборщикам слизи или рыхлить землю на плантациях. А если ни то, ни другое не понравится, помогать на кухне. Думаю, назначать вас патрульными тоже не стоит – там нужны крепкие ребята.

В его усталых глазах много повидавшего человека вдруг вспыхнул мимолетный интерес, когда он заметил матерчатый мешочек на шее Нюты.

– Что за амулетик-то? – спросил он.

– Большой палец Алики-заступницы, – с готовностью ответила девушка. Кирилл иронически покосился на нее, но промолчал, но Бутов не смеялся.

– Сильная вещь, говорят, – уважительно протянул он. –

Если не подделка, конечно. Эти торговцы по всему метро шустрят, поди разберись, у кого настоящая реликвия, а у кого крысиные кости. Если все их амулеты вместе собрать, так наберется скелетов на десять, а Алика-то была одна... Да ты не робей, – ободрил он смущенную Нюту, – мы люди простые, кто во что верит, нам до того и дела нет. Молись хоть Алике, хоть червю, хоть крысиному королю. Главное – работай и людей не обижай.

Нюте очень хотелось расспросить его про Алику подробнее, но было стыдно. Да и Бутов, видно, был человеком занятым.

Пришлось им согласиться на сбор слизней. Нюта подшучивала над Кириллом, дескать, теперь он может утолить свой интерес к животному миру метро. Работа сначала показалась не слишком тяжелой, но через несколько часов такого монотонного труда у девушки уже болели глаза и поясница, и она еле выдержала до конца смены. Кириллу, видимо, пришлось не легче. Но если Нюта помалкивала, то парень не скрывал своего недовольствия. Хорошо хоть, кормили здесь сытно – в мисках с супом плавали куски свинины и даже какая-то зелень.

Вновь прибывшим отвели на двоих маленькую потрепанную палатку, чему они немало обрадовались: оба опасались, что на Соколе их разлучат. Скорее всего, у Бутова сложилось впечатление, что они родственники: оба высокие, худые, русоволосые и большеглазые, только у Нюты волосы чуть свет-

лее.

Вообще-то девушка не собиралась задерживаться на Соколе и рвалась поскорее отправиться дальше, но Кирилл вполне резонно заметил, что для путешествия понадобятся патроны, которых у них очень мало, и надо как-то постараться заработать. С этим трудно было спорить. Здесь же Нюта решила, наконец, рассказать Кириллу, почему они с Крысей на самом деле убежали со Спартака. Парень очень рассердился, что она до тех пор молчала.

– Дура ты! Надо было сказать об этом еще у нас, на Тушинской.

– Ага, и кто бы нам поверил? Скорее, решили бы, что мы сошли с ума. Да и Верховный бы, понятное дело, все отрицал, а подумай сам, чьим словам больше веры: начальника станции или двух девчонок без документов? Да и не только в этом дело. Даже если поверили бы, что бы ваши сделали? Пошли на Спартак войной? Очень сомневаюсь...

– То есть, ты считаешь, что надо просто оставить все как есть? Сами спаслась и ладно? А других пусть эта сволочь и дальше убивает?

– Вовсе нет. Наоборот, я думаю, что спаслись мы с Крыской не просто так. Меня, может, сама судьба уберегла, чтобы выполнила два важных дела.

– Ну, про мать твою я уже слышал. А второе какое? Нюта на всякий случай понизила голос.

– Я хочу убить Верховного, – сказала она. – Мне кажется,

если за это дело взяться с умом, то может получиться. Тогда весь этот бред с жертвоприношениями прекратится сам собой. На самом деле люди уже давно недовольны, только молчат до поры до времени, потому что боятся, да и детей при живых родителях пока не трогали. Даже если после смерти Верховного Игорь займет его место, при нем ничего такого не будет. Он мягкотелый и нерешительный, уж я-то знаю...

– Нет, все-таки ты просто сумасшедшая, – убежденно сказал Кирилл. – Тогда почему было раньше этого не сделать, до вашего ухода?

– У него была охрана, а за нами следили.

– Ага, следили! Что же это за слежка такая, если вы умудрились смыться с первой же попытки?

– Просто такого от нас никто не ожидал, – пояснила Нюта. – Разве нормальные девчонки отправились бы одни в туннели ночью? Или даже днем?

– Нормальные – не отправились бы, – мрачно согласился Кирилл. – С кем я только связался...

– Тебя, между прочим, никто особенно не уговаривал, – надулась Нюта. Почувствовав, что дело пахнет новой ссорой, Кирилл слегка сдал назад.

– Ну хорошо, – кивнул он, – ты думаешь, что судьба уберегла тебя для этой... миссии. Тогда почему судьба позволила этому вашему главному идолопоклоннику столько времени заниматься своими темными делами безнаказанно? Не кажется ли тебе, что если бы высшие силы хотели его оста-

новить, они давно сделали бы это без тебя?

– Ну, не остановили же, – убежденно сказала Нюта. – Значит, это должна сделать именно я.

– Не слишком ли много ты на себя берешь? – прищурился парень. – По-моему, у тебя мания величия. Глупо считать, что высшим силам есть до тебя дело.

– А почему ты так стараешься меня отговорить? Зачем ты вообще со мной пошел, помогать или вредить? Я помню, твоему отцу велели присматривать за нами. Может, он просто перепоручил это тебе?

Кирилл всплеснул руками:

– Я же говорю, у тебя мания величия! Да кто ты такая, чтобы к тебе приставили специального человека, который бы тебя сопровождал, ежеминутно рискуя собой? К тому же, куда и как, по-твоему, я должен отправлять отчеты о твоём поведении и проделанной мною работе? Я пошел с вами просто потому, что вы бы пропали без меня.

«Мы и вправду только чудом не пропали, – подумала Нюта, – но не ты нас спас. По крайней мере, не только ты». И все же она не могла не признать, что отчитываться ему тут и впрямь некому. Разве что предположить, что существует специальная тайная агентура, представители которой есть на каждой станции. Она даже развеселилась – Кирилл в роли тайного агента! С другой стороны, почему он тогда так старательно спорит с ней буквально по каждому поводу, почему отговаривает от любого начинания? Неужели ему просто

нравится выставлять девчонку безмозглой идиоткой, чтобы на ее фоне выглядеть умнее самому? А может, у него жизненная потребность кем-нибудь руководить, а тут как раз она удачно подвернулась?

– Можешь не верить в судьбу, – буркнула она. – Если тебе так проще, считай это просто моей личной мстью отдельно взятому подонку. Как бы там ни было, а бабу Зою я ему все равно не прощу! – А про себя подумала: «И Макса!»

– А как же ты планируешь снова оказаться на Спартаке, да еще таким образом, чтобы никто тебя не заметил? – спросил Кирилл.

– Есть пара идей, – уклончиво сказала Нюта.

На самом деле, у нее просто пропала охота откровенничать. Конечно, в ее плане была куча слабых мест, да и не план это пока был, а так, намерение. Выродка Верховного следовало остановить, но Кирилл в чем-то прав: почему заниматься этим должна именно она? Ее-то саму никто и не думал спасать. Может, действительно рассказать обо всем кому-нибудь еще, и пусть другие разбираются, те, кто сильнее и умнее. Вот только кому это нужно? Она представила себе, с каким лицом выслушал бы ее начальник Сокола Бутов. Пришла тут какая-то авантюристка и начала людям голову морочить. «Мы разводим свинью, выращиваем зерно и консервируем слизь, – скорее всего, сказал бы он. – А до того, кто и во что верит, нам и дела нет». Возможно, на самом деле он сказал бы что-нибудь другое, но смысл был бы тот же.

А что же анархисты, закаленные в боях и кичащиеся своей бескорыстной справедливостью? Они, конечно, возмутились бы, узнав о творящемся беспределе, но, пошумев и выпустив пар, привели бы кучу неоспоримых доводов. До Спартака по туннелям не добраться, а по поверхности идти слишком опасно. Пытались же с их слов какие-то отчаянные головы пробиться к Тушинской и что? Пшик! Да и потом, без разрешения их батьки Нестора такой поход уж точно не обойдется, а атаман мигом смекнет, что от этого мероприятия ни барышей, ни славы – одни потери. И в общем, Нюта могла его понять: что такое две девчонки за год, когда в метро ежедневно по тем или иным причинам гибнут десятки? Простая арифметика – пытаюсь спасти двоих, по дороге можно загубить в несколько раз больше. А ведь у Верховного тоже есть сторонники, и вряд ли они будут смотреть, как чужаки убивают их главаря. Значит – новая кровь и новые жертвы. Так стоит ли оно того? Как ни крути, а получается, что кроме нее самой восстанавливать справедливость некому. Но сначала Нюта должна добраться до Беговой и узнать о судьбе матери, а там видно будет...

* * *

Прошло несколько дней. Нюта принаровилась и уже не так уставала во время сбора слизней. Как-то, перебирая вещи, она нашла в кармане своего комбинезона клубок цепо-

чек и принялась их распутывать. К ее изумлению, кое-кто из местных заинтересовался ими. После непродолжительного торга девушке удалось выменять себе и Кириллу кожаные куртки, сшитые на Динамо, – не новые, кое-где залатанные, но еще вполне крепкие. С ее точки зрения, сделка была крайне выгодной, к тому же несколько цепочек даже осталось.

Неизвестно, сколько времени путешественники могли бы провести на Соколе, но однажды, когда они вернулись со смены, оказалось, что на станции в их отсутствие произошло нечто неожиданное. Их тут же обступили возбужденные люди и стали рассказывать, что утром раздался стук в ворота снаружи и часовые подобрали израненного, измученного парнишку, который уверял, что пришел со станции Тушинская! Сейчас он находится в медпункте, и хорошо бы им на него взглянуть и сказать, правду ли он говорит или выдумывает.

В небольшой, выложенной кафелем комнатке стояла кровать. Раненый был накрыт коричневато-зеленой простыней, какими пользуются медики, – на них не так видна кровь. Едва взглянув на лежащего, Кирилл узнал в нем друга детства Димку. Тот тоже был потрясен.

– Не ожидал тебя встретить тут, – с трудом шевеля запекшимися губами, говорил худенький темноволосый паренек. – Ведь вы на Сходненскую ушли. А после этого у нас такое началось! Со Спартака пришел вооруженный отряд – какая-то гадина им стукнула, что у нас большие потери, вот

они и явились посмотреть, не удастся ли прибрать к рукам нашу станцию. Кое-как отбились, хотели на Сходненскую послать за подмогой, но оттуда пришли двое и рассказали, что у них самих черт знает что творится: люди исчезают, а из туннелей приходят какие-то лемуры и воруют у них еду. И чем меньше остается людей, тем больше появляется этих лемуров. Некоторые думают, что это какая-то эпидемия и в лемуров превращаются сами пропавшие. В общем, они там сами не знают, что делать, и просят к нам. Но наши словно с ума сошли. Перебежчиков этих выгнали обратно, сказали, что из-за них на Тушинской может то же самое начаться. Никогда я не видел, чтобы знакомые люди на глазах так зверели! Я уже просто бояться начал. Этих, со Сходненской, вообще чуть не убили. Хорошо, что некоторые авторитетные мужики за них вступились, и отец твой тоже.

Димка отхлебнул воды из стоявшей на тумбочке алюминиевой кружки и продолжал:

– Потом на станции паника началась. Было похоже, что кто-то нарочно воду мутит. Поползли слухи, что неплохо бы заключить союз со Спартаком, да и вообще, мол, руководитель у них – молодец, надо поручить ему общее командование, тогда точно сумеем от всех внешних врагов отбиться. Твой был против этого, и еще несколько человек вместе с ним, но чем там в итоге дело кончилось, я не знаю. Родители наши, видя такие дела, психанули и решили меня, Витьку с сестрой и Егора отправить сюда поверху с дядей Васей.

Он рассказывал, что в свое время ему удавалось далеко по Волоколамке проходить, и это не так страшно. Вот предки и решили попробовать хоть детей спасти. А вышло только хуже. Хотя кто его знает, как бы все обернулось, останься мы на станции? Там большинство уже такие нервные были – все переругались, запросто могли с кулаками наброситься, если случайно не то скажешь или не так посмотришь. Я думаю, если б они спокойно подумали, то не стали бы нас отправлять, да куда там – паника началась, истерика. Какие-то тетки начали голосить, что торговцы с Планерной были превращены в лемунов за свои грехи и что, пока не поздно, надо всем обратиться в истинную веру. А как и какому богу правильно молиться, только на Спартаке знают. Хотя любому дураку ясно, что фигня все это. Кому мы здесь в метро сдались грехи наши разбирать?

В общем, дядя Вася нас из метро вывел и до Волоколамки довел – там ведь рядом, метров двести, так он говорил. В последний момент еще мать Егора решила с нами идти. Возле аэродрома страху натерпелись – там у птеродактилей гнезда, про это нам еще на станции рассказывали. Ну, кое-как прошли опасное место, но тут дядя Вася провалился в какую-то трещину и то ли сломал, то ли вывихнул ногу. А куда он дальше на одной ноге? Рассказал нам, как дальше идти, и похромал обратно. Уж не знаю, сумел ли вернуться. А мы, значит, дальше пошли.

Добрались до того места, где в насыпи туннели под кана-

лом, а сверху шлюзы. Витькина сестра решила сверху оглядеться, как лучше дальше идти, и полезла по насыпи. Тут-то ее какая-то гадина сцапала и унесла. Мы скорее в туннель кинулись, а там паук – еле убежали.

– Мы, кажется, тоже в этом месте проходили, – сказал Кирилл. – Только мы туда по улице Свободы добирались.

Сидевший рядом Бутов показал им карту, на которой улица Свободы соединялась с Волоколамским шоссе прямо перед туннелями, и сделал какие-то пометки. Димка отпил еще воды и с трудом продолжал:

– Еще немного прошли – увидели слева башенки кирпичные полуразрушенные.

– Старая усадьба, – пробормотал Кирилл.

Комендант снова сделал пометку на карте.

– Там огонек мелькал в развалинах, и Егор, видно, решил, что мы уже пришли, дескать, это люди. Ему и в голову не пришло, что больно уж быстро, да и не похожи башенки эти на вход в метро. В общем, он пошел в ту сторону, потом даже побежал, и вдруг упал, и что-то быстро-быстро потащило его в чашу, словно на веревке. Мать его заголосила и следом кинулась, и больше мы их не видели. А тут еще какие-то жуткие звуки стали раздаваться, словно кто-то по металлическому рельсу колотит, только без всякого смысла. Помнишь, твой отец нас учил условному стуку? А это было так, как будто кто-то развлекается – то стукнет и подождет, то вдруг начнет колошматить изо всей силы. Мы с Витькой сначала боялись

с места двинуться, а потом все же решились и перебежками, вдоль домов, двинулись дальше. Чем дальше, тем больше было на шоссе машин – и почти в каждой покойник, а иногда и не один. Я думал, свихнусь. Потом увидели то высотное здание, где два шоссе в одно соединяются, – нам про него дядя Вася рассказывал. Обрадовались, ведь уже почти дошли. Тем более, вдалеке что-то на павильон метро похожее было, как нам его описывали. И тут Витька увидел, что в соседнем дворе купола блестят. Какой-то там дом был интересный. Витька туда и свернул, но только несколько шагов успел сделать, как из подвала что-то серое метнулось и мигом его утащило. Только что рядом был – и уже нет! А он ведь только посмотреть хотел! – Тут паренька опять затрясло. – Не помню, как до вестибюля добрался. Кажется, за мной тоже кто-то гнался, я бежал, падал... Почему меня не сожрали? Кажется, я теперь никогда не забуду, как Егора утащили, как Витька погиб. И эти жуткие удары по железу. А может, это все-таки люди были? Может, там, наверху, кто-то живет?

– Повезло тебе, парень, что хватило ума не доискиваться, – сурово сказал Бутов.

Димка бессильно откинулся на подушку. Глаза его глядели куда-то вверх, словно он заново переживал все случившееся, а по щекам медленно текли слезы. Комендант сделал знак гостям уходить.

– Потом наговоритесь еще. Ему сейчас отдохнуть надо.

Кирилл был в шоке. Нюта видела – парень очень переживает из-за того, что ушел и оставил отца, но на этот раз ее он ни в чем упрекать не стал, а вечером достал где-то браги и напился. Пьяный он опять трогательно каялся и обещал Нюте, что очень скоро они накопят много патронов и поедут дальше с ветерком, что он никогда ее не оставит. Девушка была в ужасе. Вместо того, чтобы быть ей опорой, Кирилл совсем раскис и скорее становился обузой. И потом, что же это будет, если всякий раз, расстроившись, он будет искать утешения на дне бутылки? Кто из них кого станет тогда защищать? Как идти дальше с человеком, на которого нельзя положиться?

Что же тогда – сдаться, отказаться от своих планов? Бросить Кирилла и пусть сам разбирается, чай, не маленький, а самой вернуться на Гуляй Поле? Нюта в очередной раз представила себе, какая жизнь ждет ее у анархистов. Одинокую красивую девушку каждый мог рассматривать как добычу. В конце концов она бы, наверное, уступила ухаживаниям того же Семена – безо всякой охоты, только затем, чтобы не донимали остальные. А что дальше? Нет, не стоит так быстро сдаваться. Лучше попытаться вырваться из этого сонного болота, будто в насмешку называемого именем гордой хищной птицы, и перебраться на станцию Динамо. Она, конечно, тоже находится под властью Бутова, зато там, говорят, расположены главные швейные цеха всего метро и, возможно, в них платят больше. Конечно, тех, кто работал на свинофер-

ме, в цехах или на грибных плантациях, кормили за счет администрации, зато вычитали за это едва ли не половину заработанного. Да и то стрались на руки сразу не выдавать, а отмечали количество отработанных часов и расплачивались в конце недели, пытаясь всячески смухлевать и сэкономить, штрафуя и вычитая с работников за любую мелочь. Такими темпами не разбогатеешь, скорее залезешь в долги и будешь вынужден вкалывать на Бутова до конца дней. И потом, от Динамо всего один перегон до Белорусской, а там уже переход на Ганзу. Решено, завтра же она отправляется на Динамо. А Кирилл... пожалуй, она даст ему еще один шанс. В любом случае, если Нюта собирается путешествовать с этим человеком и дальше, то главные решения придется принимать именно ей...

* * *

Им удалось забраться на дрезину, в которой везли на Белорусскую свиные туши. Из-за нехватки места пришлось устроиться прямо на боку одной из хрюшек. Было холодно и неприятно, а Кирилл к тому же после вчерашнего мучился похмельем и, нахохлившись, всю дорогу молчал. Вдруг дрезина заметно сбавила ход. Сидевший возле них плотный и мордастый парень, который сопровождал груз, недовольно окликнул машиниста:

– В чем дело, Федор?

– Тише ты! – негромко взмолился тот. – Так и знал – не будет нам пути в этот раз!

– Что случилось? – испуганно спросила Нюта. Никто ей не ответил, а машина, заскрежетав тормозными колодками, остановилась совсем.

– Значит, так, Федор, – сказал сопровождающий. – Ты слезай на рельсы и посмотри, что там, а я свинью буду держать наготове. Если что, сразу брошу. Сейчас только выберу тушу поменьше. Тут вроде поросенок где-то лежал. – И он бесцеремонно оттолкнул Нюту. Она думала, что Кирилл вступится за нее, но тот промолчал.

– Хитрый какой! – ожесточенно сказал машинист. – Давай лучше ты слезай, а я буду ждать со свиньей наготове. Если со мной чего случится, ты, что ли, дрезину поведешь?

Толстомордый, видимо, был не таким храбрым, каким старался казаться.

– Ладно, – примирительно буркнул он, – быстрее надо, не время лясы точить. Давай сперва свинью бросим, а потом уж я, так и быть, слезу. Черт, жалко-то как. Опять будут думать, что мы ее продали, а прибыль поделили. Может, куском сала обойдемся? У меня как раз есть в мешке.

– Не получится. Он свою выгоду понимает, – мрачно ответил Федор. – Хочешь, чтобы тебя самого сожрали, вместе с тем салом?

Толстомордый, наконец, откопал поросенка поменьше, вздохнул и швырнул его вперед, стараясь закинуть подаль-

ше. Нюта на секунду подумала, что он сошел с ума, но тут впереди мелькнуло в лучах фонарика что-то темное, похожее на щупальце, и утащило поросенка куда-то в боковой проход. Толстомордый тут же спрыгнул с дрезины и принялся расчищать рельсы, отбрасывая наваленный на них хлам. Федор нервно торопил его. Еще пара минут – и путь был свободен. Толстомордый вспрыгнул обратно, и дрезина, набирая скорость, понеслась вперед.

На станции Аэропорт сделали короткую остановку. Толстомордый отправился что-то отмечать, а Федор остался сидеть на месте. Воспользовавшись случаем, Нюта подседа к нему – ей страшно любопытно было узнать, почему они останавливались в туннеле.

Федор с большой неохотой объяснил, что между Соколом и Аэропортом поселилась какая-то тварь. Как она выглядит, никто толком не знает, но, кажется, очень смышленная. Когда проголодается, наваливает на рельсы всякого мусора. Она уже сообразила, что тогда катящаяся по рельсам громада, где лежит вкусное мясо, остановится. Несколько раз ей удавалось стянуть тушу прямо с дрезины, но потом люди стали умнее – уже не ездили в одиночку, кто-нибудь следил за грузом. Однажды, когда дрезина остановилась и машинист, чертыхаясь, полез расчищать рельсы, зверюга не побрезговала закусить и человеком. Он даже вскрикнуть не успел. Парник вроде стрелял, но безуспешно. Хорошо вооруженный отряд, посланный уничтожить тварь, так ничего и не на-

шел, но следующую же дрезину, посланную спустя два дня, ожидал новый завал. И тогда сопровождающий по какому-то наитию не стал стрелять, а вместо этого сбросил на рельсы свиную тушу. Получившая «выкуп» тварь убралась с миром, и с тех пор перевозчики поняли, что дешевле и спокойнее будет самим кидать «Таможеннику», как прозвали неведомую тварь, подачку. Хуже всего то, что сволочной Бутов хотя и знает про Таможенника, но делает вид, что это сказки, и вычитает за утерянную часть груза с тех, кто его везет. В общем, сплошные убытки. А зверь выходит на охоту почему-то чаще всего именно в его, Федора, смену. Вот и теперь машинист тоскливо прикидывал, сколько с него вычтут по возвращении.

Аэропорт Ньюту не слишком впечатлил – он был чем-то похож на Сходненскую. Зато название станции интриговало – получается, она тоже как-то связана с авиацией, как и Тушинская? К счастью, сопровождающий свинину парень скоро вернулся с двумя мужиками, шустро сгрузившими с дрезины половину поклажи, и машина двинулась дальше.

В отличие от Аэропорта, на Динамо Нюте сразу понравилось. От этой станции веяло чем-то старым, простым и надежным – и от мозаики, и от полированных деревянных настилов на скамейках, большинство которых каким-то чудом сохранилось, хотя часть, видимо, и пустили на дрова. Здесь было уютно. Нюта разглядывала белые круги, в которых были изображены человечки в смешных коротких шта-

нах. Один бил по мячу, другой держал штангу, некоторые занимались чем-то совсем непонятным, но, видимо, очень интересным. Нюте казалось, что она представляет себе людей, которые строили эту станцию, – они считали, что, несмотря на трудности, жизнь хороша, надо трудиться плечом к плечу, и тогда завтра будет еще лучше. Эти люди с оптимизмом смотрели в будущее. Они ведь не знали, что не пройдет и ста лет, как все их надежды пойдут прахом и их потомкам придется впотьмах расхлебывать то, что натворили отцы.

Девушка рассеянно поправила на голове оранжевую козынку, и какой-то пожилой человек залюбовался на нее. Сама того не зная, она напоминала сейчас комсомолку с плаката тридцатых годов: кожаная куртка, яркая косынка, решительный взгляд. Только черты лица, пожалуй, слишком тонкие, и кожа чересчур бледная, как у большинства детей подземки.

Среди населения станции преобладали женщины, которые и работали в цехах. Лица у большинства были бесцветные и усталые. Что характерно, в главном импорте станции, кожаных куртках, ходили не многие, большинство – в ватниках, спецовках или вообще в военной форме. Нюта поняла, что местные жительницы не особо заморочивались своей внешностью. Те, что помоложе, еще старались оживить одежду какой-нибудь косыночкой или шарфиком, а все прочие, видимо, уже махнули на себя рукой. Волосы у большинства были коротко острижены, наверное, из соображений ги-

гиены, и лишь некоторые позволяли себе косы или распущенные пряди до плеч. Одна из работниц, как замороженная, уставилась на Кирилла и долго не могла отвести взгляд. Заметивший это парень усмехнулся, но видно было, что ему приятно. Нюта попыталась посмотреть на него ее глазами и тоже усмехнулась – не иначе, ее высокий, стройный, с колдовскими глазами спутник показался женщине сказочным принцем. Сама же женщина с какими-то рыбьими глазами и темными, жидковатыми волосами особой красотой не отличалась, хотя видно было, что она пыталась как-то себя приукрасить, – ее брови и глаза были подведены черным. Скорее всего, она сделала это обгорелой спичкой или углем. Да и гимнастерка сидела на ней как-то особенно ладно, а пара верхних пуговиц была нарочно расстегнута, являя в вырезе костлявые ключицы. Дополняла наряд обитательницы Динамо юбка защитного цвета, еле прикрывавшая колени, и совершенно не сочетающиеся с нею стоптанные грубые башмаки на неожиданно красивых ногах.

– Меня зовут Лола, – сказала вдруг женщина, непонятно к кому обращаясь.

Нюта на всякий случай улыбнулась:

– Очень приятно. Я Нюта, а это Кирилл.

– Здравствуй, Кирилл. Надолго к нам? – Женщина, игнорируя Нюту, протянула парню руку, которую он осторожно пожал.

– Нет, мы проездом, с Сокола, – чуть более резко, чем со-

биралась, ответила Нюта. – Поживем у вас немного и отправимся дальше. Кстати, Лола, вы не поможете нам устроиться? Мы же пока никого здесь не знаем. Я бы могла поработать швеей, да и для Кирилла, наверное, тоже можно что-нибудь подыскать?

– Да, конечно, – словно очнувшись, сказала женщина. – Идемте со мной, я все вам покажу и познакомлю с кем надо.

К вечеру они благодаря Лоле уже были устроены. Нюта на следующий же день должна была выходить на работу в швейный цех, Кирилла вроде бы тоже готовы были взять помощником учетчика. Лола от них почти не отходила, а вечером даже принесла каких-то очень вкусных лепешек с мясом.

– Это я сама готовила! – гордо сказала она.

Кирилл ел и нахваливал, заодно с интересом бросая взгляды в вырез Лолиной гимнастерки. Нюта же с раздражением отметила, что на этот раз женщина и губы намазала чем-то ярко-красным, не пожалела явно дефицитной помады.

– Вот что значит – женщина следит за собой. Посмотреть приятно! – наставительно сказал Кирилл после ее ухода. – И лепешки вкусные. Да, кстати, я сказал ей, что ты моя сестра.

Нюта пожала плечами. Из всего сказанного Кириллом ее больше всего задела слова «следит за собой».

– То есть, размалеванная в разные цвета бледная физиономия и выставляемые напоказ острые коленки у нас теперь так называются?! А если ты с намеком, то мне некогда зани-

маться такими глупостями. Да и вообще, я больше не за собой, а за тобой слежу, таким бедненьким, несчастненьким, вечно обделенным вниманием и всем недовольным!

Вечером Нюта еще долго не могла уснуть. Из-за нехватки места или стараниями Лолы ее устроили в общей палатке, где жили еще четыре женщины. Ворочаясь без сна, девушка досадовала на Кирилла, который, оказывается, так падок на восхищенные взгляды. Конечно, отрадно осознавать, что ее парень... ну, пусть не парень, а спутник пользуется вниманием противоположного пола, только Нюту это почему-то не радовало. Не то чтобы она сильно ревновала, просто чувствовала, что это может стать источником проблем. Хотя, наверное, и немного ревновала тоже...

* * *

На следующий день Нюта вышла на работу в швейный цех. Странное это было место. Десятки женщин в подземелье склонились над швейными машинками, протрачивая жесткую свиную кожу. Пахло потом, плохо выделанными шкурами и чем-то кислым, от монотонной работы быстро затекали плечи и руки, а день все тянулся и тянулся. Некоторым работницам становилось жарко, и они сбрасывали верхнюю одежду, оставались в одних драных майках. Правда, когда Нюта тоже хотела снять свою куртку, соседка шепотом велела ей не дурить: на самом деле здесь холодно, так недол-

го и простудиться. Хотя, продолжала она, некоторые нарочно стараются простудиться – пока болеешь, и работать никто не заставит, и аппетита особого нет. Другое дело, что иногда те, кто заболел и лег, особенно женщины в возрасте, уже не хотят подниматься и возвращаться к унылому существованию. Так и лежат, отвернувшись лицом к стене и отказываясь от еды, пока не умрут. Соседка скорбно покачала головой – на ее глазах такое уже случалось не раз.

Горячих обедов тут не предусматривалось, но два раза за смену устраивались короткие перерывы, чтобы работницы могли перекусить. В это время между раздраженными женщинами иногда вспыхивали яростные перебранки по совершенно пустяковым поводам. Однажды раздался крик боли – одна из женщин ни с того ни с сего до крови укусила товарку. Помахивая дубинкой, к ним тут же направился охранник, а Нюта испуганно втянула голову в плечи и постаралась отключиться от всего, кроме работы. В результате, к концу смены она и сама была готова кого-нибудь укусить.

Когда девушка увидела вечером Кирилла, тот был на удивление бодр, как будто весь день отдыхал. Нюта спросила, чем он занимался, и парень небрежно махнул рукой – для начала его попросили разобрать какие-то бумаги. Здешние подземелья еще не были до конца изучены, а тут сталкеры принесли какие-то чертежи, и руководство думает, что это планы подземных коммуникаций. Нюта решила, что у Лолы, наверное, хорошие связи, поэтому она устроила приглянув-

шегося ей новичка на такую непыльную работу. Впрочем, Нюте всегда казалось, что мужчинам в метро приходится не в пример легче, чем женщинам. Да, они чаще гибнут на поверхности или в туннелях, но вот, к примеру, стоять в дозоре – не такая уж тяжелая работа. Ведь по-настоящему это опасно лишь там, где живут монстры, или во время военных столкновений между станциями. А так дозорные большую часть времени сидели, покуривая и травя байки, да проверяли документы у проходящих, которых обычно было не так уж много. Жены давали им с собой еду или приходили их кормить, да и неженатые были уверены, что свою миску горячей пищи из общего котла уж всяко получают. Получалось, что мужчин надо окружать заботой за то, что их могут убить. Как будто женщины не гибли в метро сплошь и рядом, не умирали от болезней, вызванных промозглой сыростью, тяжелой работой или неудачной беременностью! А воевать они, в случае чего, могли и наравне с мужчинами: много ли надо ума, чтобы на курок нажимать?

Говорили, правда, что на Ганзе женщинам живется совсем неплохо. Другое дело, что богатая Кольцевая почти не принимала мигрантов. Еще у анархистов Нюта наслушалась разных баек: про какие-то чисто женские разбойничьи шайки, якобы орудовавшие в туннелях возле Китай-города, и про некую отдаленную станцию, где вообще женщины занимают все ключевые посты и прекрасно с этим справляются. Даже какое-то слово для обозначения такой женской власти было

специальное, Стас говорил, что оно с древних времен сохранилось. Вот только станцию каждый раз называли разную – наверное, это просто такая легенда была. Да, еще, по слухам, где-то в Подмосковье (то есть рядом с городом), чуть ли не на поверхности живет племя амазонок, так там мужиков вообще нет ни одного! Правда, судя по всему, не от хорошей жизни, а просто все они перемерли от какой-то загадочной болезни.

Сама Нюта вовсе не горела желанием водить в бой отряды или управлять станцией, но, чем гнуть спину в швейном цеху, по двенадцать часов без горячего, она предпочла бы стоять в дозоре или тоже разбирать бумаги, о чем и сообщила Кириллу Парень с важным видом ответил, что для нее такой работы пока не предвидится. Конечно, он поговорит с Лолой, но ничего не обещает. Да и потом, Нютино образование для бумажной работы явно маловато.

Лола, легка на помине, вскоре появилась, неся очередные вкусности, и с умилением смотрела, как Кирилл их уничтожает. Впрочем, Нюту женщина тоже угостила, но та чувствовала себя совершенно разбитой и вскоре ушла в палатку, где готовились ко сну остальные работницы.

На сон грядущий они обожали рассказывать всякие страшилки. Вот, например, где-то поблизости туннель проходил прямо через старое кладбище, и, говорят, в отделке станции даже использовали мрамор с надгробий, а это очень нехорошо. Теперь покойники могут прийти и потребовать свое об-

ратно. Правда, никто не мог сказать точно, здесь ли приспособили мрамор с погоста или, например, где-то на центральных станциях, но все сходились в том, что кладбище точно было совсем недалеко, кости мертвых потревожили, значит, теперь жди беды. Никого не волновало, что станция строилась около ста лет назад: то ли на такие случаи срок давности не распространялся, то ли пресловутые покойники были очень уж мстительными и вредными.

– А вот еще случай был, – многозначительно заговорила одна из женщин. – Решили на одной станции устроить кладбище подальше. Как раз накануне у них большой бой случился, погибших набралось чуть не два десятка, надо скорее хоронить, пока пахнуть не начали. И вот пошли они по туннелю в одно подземелье небольшое, да там трупы и замуровали.

Все слушали, затаив дыхание, хотя Нюта была уверена, что рассказывают специально для нее, а остальные уже не по одному разу слышали эту историю.

– И вот через неделю хватились вдруг одного солдатика, которого давно никто не видел. Стали вспоминать, и вышло, что в последний раз он аккурат на похоронах мелькал. А на той станции как раз бабка-колдунья жила...

– Настоящая? – не поверила Нюта.

– Нет, игрушечная! – фыркнула тетка. – Конечно настоящая. Ей уж под сто лет было, она и Катастрофу предсказала, и вообще много чего могла. Ну, пошли к ней, она что-то

пошептала, а потом и говорит: «Живой был положен с мертвыми». Тут-то люди и смекнули, что к чему, и побежали к тому склепу, да уж поздно. Видно, когда трупы складывали, солдатик тот сомлел, вот его вместе с ними впопыхах и замуровали...

Немного помолчали, а потом Нюта, набравшись храбрости, спросила:

– А вы ничего не знаете про такую... Алику-заступницу?

– Кто ж не слышал про Алику? – отозвалась другая женщина, помоложе. Нюта смущенно созналась, что ей в самом деле неизвестно ничего, кроме имени.

– Откуда ж ты такая взялась? – изумилась женщина. – Ну ладно, слушай. На одной станции, никто не помнит, на какой, но может, даже на Полежаевской, жили люди. И что-то у них там случилось с водой, а может, радиация была выше нормы, но только стали иногда у тамошних женщин рождаться красивые детки-ангелочки с голубыми глазками. А потом смотрят люди – детки эти только лет до трех нормальными остаются, а потом потихоньку превращаются в дебилов и к пяти уже лежат пластом и под себя ходят, а потом умирают. И главное – только голубоглазые, а если глаза какого другого цвета, то живут себе и живут, как обычные люди. И когда комендант это заметил, отдал он тайный приказ повитухе Марье, здоровой бабище, давить таких младенчиков сразу, как на свет появятся. А то что получается: еды и так не шибко много, чего ж кормить дебилов и тратить на них

время и силы, раз они все равно потом умрут? Дети-то здоровые нужны. А младенчику много ли надо – сунул ему в рот платок, он и задохнулся. Матерям же говорили, что ребенок мертвый родился. Но слухи-то шли, конечно. И вот пришло время рожать той самой Алике – а была она красавица, кудри темные, глаза карие, сама сильная и смелая. Не уследила повитуха – только ребенок родился, крикнул, мать на руки его и схватила. Глянула в его лицо, в глазки его голубые и говорит: «Отойдите от меня, не отдам его никому». Повитуха-то растерялась, ей велели без шума все делать, а как теперь без шума? А Алика тем временем кое-как оделась, хоть слабая еще была, ребенка крепко к себе прижала и говорит: «Отпустите лучше меня с ним, уйду я от вас. Все равно, если убьете сыночка, жить не стану, руки на себя наложу, да еще с собой на тот свет кого-нибудь прихвачу. Зачем вам лишний грех на душу брать?» Растерялись все, но остановить ее никто не посмел, вот и ушла Алика в туннель, прижимая к себе ребенка. Недели через две нашли там скелет, дочиста обглоданный, и решили, что это их беглянка. Похоронили останки без шума, поплакали женщины над ней, страдалицей, но история на этом не кончилась. Как-то шел один челнок по туннелям и заплутал. Свернул не туда, и вот уж совсем из сил выбился, а вокруг все страшнее. Тут ему навстречу выскакивает тварь свирепая, скалит зубы и шипит, вот-вот бросится. «Ну все, – думает бедолага, – смерть моя пришла». И вдруг явилась перед ним женщина красоты необыкновенной, с полугодова-

лым голубоглазым ребенком на руках. Погрозила строго твари пальцем, та как-то сразу сникла и уползла. А женщина молча пошла впереди челнока, время от времени оборачиваясь и его за собой маня. Так и вывела его в знакомые места, а потом исчезла, словно и не было ее. Мужик этот как на станцию вернулся, молчать не стал, все как есть рассказал. И поняли тогда люди – это она, Алика, была, и с тех пор начали ей молиться. Даже скелет тот, в туннеле найденный, откопали и растащили по косточкам, на обереги. Некоторые потом рассказывали, что видели ее в трудную минуту. Все такая же красивая, ни на день не постарела, а вот ребеночек у нее на руках все старше становится. И всегда она помогает, спасает, выводит. Не держит, значит, зла на обидчиков своих. Правда, говорят, что ту повитуху Марью потом мертвой нашли, а через какое-то время и всю Полежаевскую вырезали. Может, это им кара за грехи была...

После этого рассказа все долго молчали. Потом одна из женщин поведала про молоденькую работницу с Аэропорта, которая как-то встретила в туннеле самого Путевого Обходчика. Спустя несколько дней после этого бедняжка пропала, и все думали, что он ее с собой увел. Правда, кто-то поспешил добавить справедливости ради, что потом эту девушку кто-то из знакомых видел на Ганзе – живой, здоровой и вполне довольной. Вроде даже беременной. Возможно, ее просто увез с собой кто-нибудь из находившихся здесь по делам ганзейцев, но поверить в такой счастливый конец многим было

еще труднее, чем в Путевого Обходчика.

Теперь Нюте легче было понять Лолу. От такой нудной и однообразной жизни даже капризный парень покажется идеалом, особенно такой красавчик. «Странно, что у нее еще сохранились силы, чтобы влюбиться, – подумала девушка, – мне уже через месяц такой жизни вообще ничего бы не хотелось». Она поняла, что задерживаться на Динамо тоже не стоит и нужно идти дальше как можно скорее, пока эта ежедневная каторга ее не засосала.

* * *

На следующий день Лола снова пришла к ним и отозвала Кирилла в сторону, не стесняясь Нюты. Та смотрела издали, как Кирилл с женщиной о чем-то ожесточенно спорят. Вернее, Лола в чем-то убеждала парня, размахивая руками, а он, судя по всему, не соглашался. Нюта видела, как он пожал плечами и развел руками, давая понять, что разговор окончен, потом развернулся и пошел обратно к ней. А Лола с досадой топнула ногой, но вечером появилась опять. Усталая Нюта дремала возле костра, Кирилл сидел рядом и перелистывал свою любимую потрепанную книжку по биологии.

– Надо поговорить, – мрачно сказала Лола.

– Тебе, может, и надо, – равнодушно отозвался Кирилл, – а я тебе утром все сказал.

Но от Лолы не так-то легко было отделаться.

– Как ты можешь так со мной поступать? – трагически спросила она.

– Слушай, ты меня достала! – громко возмутился Кирилл. – Чего тебе от меня надо? Чего ты тут ходишь со своими пирожками? Забирай их и катись к чертовой матери, а меня оставь в покое!

Судя по всему, именно это для Лолы оказалось непосильной задачей. Лицо ее скривилось, будто женщина вот-вот зарыдает, и Нюта закашлялась, напоминая о своем присутствии. Лола смерила ее ненавидящим взглядом, а Кирилл пожал плечами и снова уткнулся в книжку.

– Что происходит? – спросила Нюта.

– Ой, умоляю тебя, не начинай еще и ты! Разве не видишь – она ненормальная. Выдумала что-то, а я тут при чем?

– Кажется, тебе и впрямь лучше уйти... – начала Нюта миролюбиво, но Лола огрызнулась:

– Тебя забыла спросить, что мне делать! И вообще, не с тобой разговариваю, так что заткнись! – и грубо выругалась.

Нюта вспыхнула: да какое право имеет эта намазанная дура говорить с нею в таком тоне, а вдобавок еще и хамить?! Пусть Лола почти во всем ее опережает – и старше, и эффективнее, и готовит вкусно, да и помыкать другими, судя по всему, привыкла, но она, Нюта, не «другие»! Что-что, а постоять за себя словом и делом она научилась еще в раннем детстве, иначе на Спартаке, где почти все ее травили, не выживешь. Девушка поднялась и встала перед Лолой, уперев

руки в бока:

– Отвали от моего... – она чуть было не сказала «парня», но вовремя вспомнила про их легенду, – брата! И рот помой! С мылом!

Упомянутый «брат» изумленно глядел на нее. Похоже, он только что осознал, что две женщины вот-вот подерутся из-за него, Кирилла. Да и *такой* Нюты он еще не видел и был весьма заинтригован. У Лолы в глазах вспыхнуло бешенство.

– Да ты что о себе возомнила, соплячка?! Тебе мало не покажется! – И она замахнулась на Нюту кулаком.

Женщины, следившие за этой сценой, затаили дыхание. Они по опыту знали, что с Лолой лучше не связываться, и в душе сочувствовали отважной незнакомке. С другой стороны, это было зрелище, событие, которых так не хватало в их серой жизни.

– Это от тебя, что ли? – только и спросила Нюта, пристально глядя на соперницу, и в ее голосе было столько презрения, что зрительницы не утерпели и расхохотались, а через минуту к ним присоединился и Кирилл. Не стерпя унижения, Лола всхлипнула и кинулась бежать, все еще тщетно надеясь, что парень остановит ее, однако тот даже не посмотрел ей вслед. Обнял Нюту, успокаивая, отвел обратно к костру и протянул кружку с кипятком.

– Я не хочу здесь оставаться! Чувствую, что скоро рехнусь, – пожаловалась она.

– Да? А мне тут нравится, – невозмутимо ответил Кирилл.

Нюта вспыхнула:

– Еще бы! Работка непыльная, опять же, Лола рядом – и приголубит, и пирожками накормит!

– Далась тебе эта Лола, – махнул рукой парень. – Она ненормальная, конечно, но готовит и впрямь очень здорово. Между прочим, ты ее пирожки тоже ела. И вообще, Лола мне, если хочешь знать, все равно что сестра.

– Ну ты уж определись, я тебе сестра или она? – вновь завелась Нюта. – А то ей меня называешь сестрой, мне – наоборот...

– Чего ты на меня-то злишься? – возмутился Кирилл в ответ. – Это же не я на тебя кулаками махал! И вообще, с людьми надо ладить...

– Отлично! Раз ты с ней так прекрасно ладишь и все здесь тебя устраивает, можешь оставаться с Лолой. А с меня хватит! Завтра же получу свои патроны за два дня работы и уйду! – перешла в наступление Нюта. Кирилл опешил:

– То есть как это, «уйду»? Одна? А на наши отношения тебе, получается, плевать?

– А тебе самому не плевать? – продолжала давить девушка. – Может, их и нет совсем, этих отношений, только слова? Потому что больно уж здорово получается: я должна делать только то, что удобно и приятно тебе, а как только поддержка требуется мне самой, ты тут же устранишься. Так что если хочешь доказать, что я что-то для тебя значу, завтра уходим вместе!

И Кирилл, вздохнув, сдался.

Засыпая в общей палатке, Нюта размышляла, как же несправедлива жизнь. Видимо, Лоле Кирилл нужен куда больше, чем ей самой. Но именно потому, что женщина с Динамо не в состоянии контролировать свои чувства и желания, ничего-то ей не обломится. Нюте даже стало немного жаль соперницу, но она тут же нахмурилась, отгоняя непрощеную слабость. Пора усвоить – побеждает сильнейший.

Она не понимала, что Кирилл, оторванный от родной станции и привычной жизни, нуждался в тепле и заботе. Сама она, ожесточившаяся и сдержанная, привыкла все держать в себе, и от этого парню было неуютно. Потому он и потянулся к женщине, которая проявила участие, но тут же шарахнулся, когда понял, что Лола будет им помыкать и пытаться подогнать его под свои представления о жизни и о мужчинах. А Нюта принимала Кирилла таким, как есть, со всеми слабостями и недостатками. И, несмотря ни на что, он с каждым днем становился ей все дороже...

* * *

Перед отъездом на Белорусскую Кирилл опять как ни в чем не бывало долго шушукался о чем-то с Лолой. Наверное, обещал скоро вернуться. Нюта заметила на нем новую рубашку, но даже не стала спрашивать, откуда она, – все и так было ясно. «Ничего, – думала девушка, – мне бы дойти

до Беговой, узнать, что с мамой, а там уж я как-нибудь разберусь со своей личной жизнью».

Им опять удалось сесть на дрезину, которая на этот раз везла продукцию швейного цеха. Сидеть на куче курток было гораздо удобнее, чем на свиной туше. Да и поездка на этот раз обошлась почти без приключений, если не считать того, что в середине пути машинист вдруг стал жаловаться, что его слепит бьющий в глаза свет. На самом деле никакого света не было и в помине, да и взяться ему было неоткуда, но, видно, такое здесь случалось. Парень, сидевший возле них на куртках, буркнул: «Отдохни, Петрович!» и быстренько поменялся с машинистом местами. Тот сел возле Нюты и закрыл лицо руками. На предложение по прибытии на станцию непременно обратиться к врачу машинист ответил, что с ним такое уже было, и он знает – стоит ему отдохнуть, и все опять будет в порядке. А потом рассказал, как однажды на этом перегоне столкнулись две дрезины. Одну угнал с Белорусской какой-то псих, хотел на Гуляй Поле к анархистам податься, а на другой, которая шла со стороны Динамо, мирно ехали муж с женой, везли товары на продажу. Да еще ребенка с собой прихватили, идиоты. В общем, тот псих врезался в них на полной скорости, и в результате погибли все. Может быть, с тех пор и видят иногда в этом туннеле бьющий непонятно откуда свет.

Белорусская поразила Нюту и Кирилла обилием народа и толчеей. Их дрезина была здесь далеко не единственной,

кто-то постоянно разгружал и грузил товар, получал патроны, отъезжал, уступая место следующему. Публика здесь была самая пестрая. Выделялись воинственного вида мужчины в камуфляже и черных беретах на обритых головах. На рукавах у каждого белые повязки с изображением трехногого паука, держатся крайне надменно. Кирилл спросил у какого-то торговца, не охранники ли это. «Фашисты», – неприязненно буркнул тот и отвернулся. Нюта вроде бы уже слышала что-то нехорошее про фашистов, только не могла вспомнить, что именно. Но торговец явно не был расположен обсуждать эту тему.

Нюта и Кирилл немного побродили, разглядывая разложенные в арках товары – еду и одежду, а потом зашли перекусить в палатку, где продавали еду. Парень неторопливо и обстоятельно жевал, а Нюта управилась с едой раньше и уже обдумывала дальнейшие действия.

– Теперь нам надо как-то попасть на Ганзу, – озабоченно сказала она. Оба уже заметили возле перехода в центре станции пограничников и белое полотнище с коричневым кругом в середине – ганзейский флаг. – А потом через Краснопресненскую – на Беговую.

– Тебе, – не переставая жевать, уточнил Кирилл.

Нюта недоумевающе посмотрела на него, и ее спутник, отложив вилку с обломанным зубцом, пояснил:

– Тебе нужно. Я там ничего не забыл.

– Разве ты не пойдешь со мной? – спросила девушка, с

ужасом чувствуя, как у нее перехватывает дыхание. Да, конечно, Кирилл часто действовал ей на нервы, и иногда она с досадой думала, лучше бы им расстаться, но только сейчас поняла, насколько привыкла к его присутствию. Поэтому она просто не могла поверить, что он действительно собирается ее бросить на произвол судьбы.

– Во-первых, это твоя мать, а не моя. Во-вторых, я уже не раз говорил тебе, и сейчас повторяю: я не понимаю, зачем, рискуя жизнью, пробираться по метро в поисках женщины, которой, возможно, и в живых-то нет. А если даже она жива, она наверняка и думать о тебе забыла. Ты для нее – отрезанный ломоть. Если бы она тебя любила, то сделала бы все возможное, чтобы разыскать тебя и вернуть. А если нет – то и вовсе смешно.

– Разные бывают у людей обстоятельства, – пробормотала Нюта. – А ты что предлагаешь?

– Я? В последний раз предлагаю тебе одуматься и попробовать устроить как-то нашу жизнь, а не носиться в поисках мифических родственников. Раз уж мы здесь, на Белорусской, давай и вправду попробуем пройти на Ганзу. Но не для того, чтобы опять куда-то бежать, а чтобы постараться как-нибудь там зацепиться. Вообще-то моя мечта хоть раз побывать в Полисе, может, со временем это получится. В крайнем случае мы всегда можем вернуться обратно на Динамо.

– Конечно, там ведь Лола! Ты будешь разбирать бумаги и есть ее пирожки, а я – гнуть спину на швейном производстве.

Ты думаешь только о себе!

– Только я? И вообще, я не понимаю твоих претензий! Тебе кажется, что работа тяжелая? Но все вокруг работают, почему ты должна быть особенной?

Нюта все-таки расплакалась.

– Я вовсе не говорю, что я особенная. Но у всех людей есть родная станция, семья, друзья, которые о них заботятся. А у меня никого нет! Я чужая! Везде и всем чужая!

– Во-первых, родные здесь есть далеко не у всех. А во-вторых, родственники тоже разные бывают, – заспорил Кирилл. – Иногда такие попадают, что без них, наоборот, лучше. И если уж на то пошло, ты не забыла, что я из-за тебя оставил родную станцию, отца и теперь не знаю, увижу ли его когда-нибудь. Ты говоришь, что у тебя никого нет, но ведь у тебя есть я. А ты упорно не хочешь этого замечать!

– Потому что не верю тебе, – всхлипнула Нюта. – Ты за моей спиной шушукаешься с какой-то другой теткой, готов не глядя променять меня на ее пирожки и сытую, спокойную жизнь. И вообще, я не могу понять, что ты за человек. Иногда близкий и понятный, а чаще – холодный и самовлюбленный эгоист, который не задумываясь перешагнет через любого ради своего блага. И через меня тоже.

Кирилл пожал плечами:

– Тогда я не вижу смысла в дальнейших разговорах. Зачем мотать друг другу нервы и тратить время на взаимные упреки? Если ты заранее все решила – иди куда хочешь, ищи

мать или еще кого-нибудь. А я пойду своим путем.

Нюта никак не могла поверить очевидному: они вот-вот насовсем расстанутся. Ей как никогда хотелось продолжать свои поиски, но и Кирилла, несмотря ни на что, терять не хотелось.

– Послушай, – вдруг нашлась она, – но ведь нам совсем необязательно расставаться прямо сейчас. Ты говорил, что тоже хочешь попасть на Ганзу, так давай отправимся туда вместе. Мне нужно на Краснопресненскую, а ведь это следующая станция от Белорусской кольцевой. Проводи меня туда, а там уже решим окончательно.

– Что ж, звучит разумно, – тут же согласился Кирилл. Нюте показалось, что он тоже вздохнул с облегчением.

– Только ведь туда еще нужно как-то попасть, – озабоченно сказала Нюта. – У нас и патронов-то почти не осталось, штук тридцать или около того. Я вообще не представляю себе, как дальше жить.

Она получала странное удовольствие, говоря «мы», «у нас». Пока еще «мы». Потом она останется одна и будет говорить «я», «у меня». И никому во всем метро уже не будет дела до того, какие у нее проблемы. В этот момент она всерьез засомневалась, стоит ли продолжать поиски матери? Не лучше ли уступить Кириллу? Но до цели, казалось, уже так близко... Что ему стоит, в самом деле, потерпеть еще чуть-чуть? А уж потом она будет с ним. Они пойдут туда, куда захочет Кирилл, – в Полис или еще куда-нибудь. Почему-то

вдруг она стала готова отказаться и от своей миссии – убить Верховного, отомстить за Зою, прекратить бессмысленные кровопролития на Спартаке... В конце концов, она совсем не чувствовала себя героиней, просто испуганной, загнанной в угол девчонкой, и без того уже пережившей чересчур много для своих лет и сил.

Нюта и Кирилл неуверенно приблизились к надменному охраннику в сером камуфляже. Тот со скучающим видом взял пропуск Нюты, повертел в руках и хмыкнул:

– Это что за филькина грамота? Временный. Бродяги, что ли? Тушинская? А вы в курсе, что ни туда, ни оттуда уже давно никто не может добраться? Если уж взялись пропуска подделывать, придумали бы что-нибудь похитрее.

Нюте было ясно – охранник просто издевается со скуки. Но сейчас они целиком от него зависели. Она машинально пошарила в кармане комбинезона, пальцы наткнулись на что-то тонкое, жесткое. Как же она забыла – у нее же еще осталось несколько цепочек, которые она прихватила в разрушенном магазине на Сходненской! Достав одну из них, самую толстую, она протянула ее нехорошо поглядывавшему на нее мужчине и умоляюще сказала, заглядывая ему в глаза:

– Пожалуйста, нам очень-очень нужно. Только до Краснопресненской. Там у нас... родственники.

– Ладно, – пробормотал тот, пряча цепочку в карман. – Я вижу, ребята вы смирные и... эээ... воспитанные. Мало ли, что в жизни бывает. Но учтите, виза временная, транзитная.

Попытайтесь с ней устроиться на работу в пределах Ганзы или попадетесь нашему патрулю за нарушение паспортного режима – пеняйте на себя!

Он с ходу шлепнул им в пропуска какие-то штампы, а потом некоторое время с сомнением глядел, как парень и девушка, чем-то неуловимо похожие, стройные и высокие, в кожаных куртках и защитных штанах, идут по переходу. Как близнецы, только у парня волосы чуть покороче и потемнее, а у девушки светлые пряди рассыпались по плечам. Ее одеть как следует – красавица была бы. Он почему-то вспомнил свою толстую жену, для которой предназначалась полученная от девушки цепочка, и вздохнул.

* * *

Позади сидящего старца с бородой стояли вооруженные юноша и девушка, словно охраняли переход. С некоторым трепетом миновав гигантскую скульптуру, Нюта и Кирилл спустились по лестнице, и после первого же шага по территории Ганзы Нюта поняла: все станции, которые она видела до сих пор, по сравнению с этой роскошью выглядят как обыкновенные дома рядом со сказочным дворцом. Здесь даже на потолке были красивые рисунки, а на полу светлая, красная и черная плитка складывалась в узоры. Нет, все-таки не зря они так старались попасть сюда!

Впрочем, среди всего этого великолепия суеились те же

люди, которым не было до них дела. Нюта чувствовала – если кто-нибудь и обратит на них внимание, то добра от него ждать не придется, поэтому она изо всех сил старалась держаться уверенно и независимо. Кирилл тем временем обратил ее внимание на дрезину, где уже сидели три человека. Оказалось, что машина (ее почему-то называли трамваем, хоть и ездила она по туннелям метро) ежедневно курсирует по всей кольцевой линии и через пятнадцать минут как раз должна отправляться в сторону Краснопресненской. Нюта и Кирилл, уставшие от окружающей суматохи и толчеи, безропотно отдали по три патрона за проезд и с облегчением уселись на жесткие лавки. Точно по расписанию – со слов машиниста, правление Ганзы очень гордилось такой точностью, хотя бы и пришлось гонять дрезины порожняком, что, правда, на его памяти случалось считанные разы – они тронулись с места и уже весьма скоро остановились на платформе Краснопресненской.

Тут народу было поменьше. Нюта и Кирилл бродили по станции, разглядывая изображенных на стенах вооруженных людей. «Интересно, – думала Нюта, – почему чем ближе к центру, тем воинственнее становится убранство станций?» Дальше шли неизменные на любой станции торговые ряды. Внимание девушки привлекли красивые разноцветные шарфы крупной вязки, дырочки на которых складывались в причудливые узоры. Торговец охотно объяснил, что такие вяжут на станции Улица 1905 года, но стоили они, на взгляд Ню-

ты, неоправданно дорого – от тридцати патронов и больше, в зависимости от размера и количества цветов. Вздохнув, она отошла от прилавка, машинально отметив, что две женщины, проходящие мимо, закутаны как раз в такие вязанные накидки. Выглядело это еще лучше, чем на прилавке, но когда не знаешь, хватит ли у тебя послезавтра денег на тарелку хлеба, тут уж не до красоты. Хотя пройтись в таком наряде перед Лолой было бы крайне заманчиво...

Устав, путешественники уселись рядышком прямо на полу возле пожилого торговца, на лотке у которого были разложены потрепанные книги. Кирилл машинально окинул взглядом пестрые томики и спросил у Нюты:

– Ну, что ты решила? Останешься со мной или все же пойдешь на Беговую?

– Почему ты не хочешь идти со мной? – предприняла последнюю попытку та.

– Потому что не верю в эту затею, – ожесточенно сказал парень. – И потому что хочу жить в нормальном месте, а не выращивать на твоей Беговой свиней, или чем они там зарабатывают на жизнь? Нютка, мы же на Ганзе, понимаешь?! На могущественной, прекрасной, сытой Ганзе! Так чего искать от добра добра?

Девушка покачала головой:

– Не забывай слова того пограничника: на работу тебя здесь никто не возьмет, а патронов у нас совсем немного. Проедем все и куда дальше? Попрошайничать? Воровать?

И потом, я слишком долго ждала этой встречи и хотела увидеть место, где родилась, сделала первые шаги. Понять, кто я на самом деле. Пусть на Спартаке я была изгоем, диковинной зверушкой, будущей жертвой во славу глупого суеверия, но есть место, где меня помнят просто маленькой девочкой. Хочу хоть раз увидеть знакомые лица, вспомнить, а после этого готова идти с тобой, куда захочешь.

Казалось, Кирилл заколебался.

– Ну хорошо, давай договоримся так: я останусь здесь на несколько дней, на неделю, – неуверенно протянул он. – И если к этому сроку ты не вернешься, то буду знать, что я тебе не нужен, и тогда сам решу, куда мне идти.

– Молодые люди, – обратился к ним скучавший пожилой торговец книгами, – Извините, конечно, что лезу не в свое дело, но вы так громко спорили – и не захочешь, а услышишь. Вы собираетесь на Беговую?

– Да, собираемся, – быстро сказала Нюта, прежде чем Кирилл успел возразить. Торговец покачал головой:

– Послушайтесь доброго совета: не надо вам туда ходить. По крайней мере, сейчас. На Улице 1905 года случилось что-то нехорошее, или вот-вот случится, их не поймешь. Одним словом, неподходящее сейчас время для путешествий в ту сторону.

– Ну что ты каркаешь, дед? – спросил человек в защитной форме, небрежно листавший одну из книжек. – У них там вечно что-то нехорошее случается, такая уж это станция. И

потом, там полно истеричных теток. Как только одной что-то померещится, другие тут же начинают вопить, что наступает конец света, хотя куда уж конечнее-то...

– А вы там бывали? – спросила Ньюта торговца. – Это правда, что Баррикадная, Улица 1905 года и Беговая – одна Конфедерация?

– Эх, деточка, – пробормотал старик, оглядываясь на человека в защитной форме. – Сначала, может, и была Конфедерация, а потом одно название осталось. На Баррикадной все-таки немножечко легче жить – Ганза рядом, и нам кое-что перепадает. Гости появляются, торговля идет понемногу – не сказать, что шикарно, но жить можно. А вот на Улице 1905 года не очень-то хорошо – своего хозяйства у них почти нет, да и торговать особенно нечем. Хорошо хоть, нашли их сталкеры где-то на поверхности изрядный запас цветных шерстяных ниток, вот и вяжут пока на продажу шарфы, перчатки и жилеты, но все равно впроголодь живут. А вот на Беговой, я слышал, не так уж плохо. Во-первых, у них там в туннелях водятся лягушки размером с кошек, почему-то только в одном месте, дальше по метро не распространяются. Мясо у них вкусное, прямо как курятина, я пробовал. Правда, люди поговаривают, что неспроста это, и лягушки эти живут на близлежащем кладбище, где мертвецами питаются. Некоторые даже их из-за этого есть гнушаются, но я так думаю – по злобе наговаривают, из зависти. У нас сейчас, если рассудить, вся Москва-столица – одно бесконечное

кладбище, питайся, как говорится, не хочу...

– А во-вторых? – жадно спросила Нюта.

– Во-вторых? Они какие-то резервуары с топливом нашли, керосин там, солярка, держат это место в строгом секрете, а топливо понемногу продают. Раньше это называлось «естественная монополия». В прежней жизни про жителей Беговой сказали бы, что они «сидят на трубе». Но ведь даже в природе любое месторождение не бездонное, когда-нибудь иссякнет, и что тогда?

Нюта представила себе жителей родной станции. У них есть топливо, которое можно продать, им необязательно работать, и они сидят на какой-то длинной трубе – уселись в ряд и беспечно болтают ногами.

– Из-за этого топлива они со всей остальной Конфедерацией, кстати, и разругались, – продолжал между тем словоохотливый торговец. – Не захотели добычей по-братски распорядиться, даже скидку для своих не сделали. На Улице 1905 года обиделись и стали с них пошлину требовать, за провоз товаров по их территории. Но тем все равно выгоднее платить показалось, чем делиться, вот и вышло, что теперь каждый сам за себя.

Рассеянно слушавший старика Кирилл вдруг углядел среди книг кое-что интересное для себя: брошюру с названием «Московский Зоопарк». Он с удовольствием листал ее, разглядывая крупных полосатых зверей и тонконогих розовых птиц.

– Берите, молодой человек, – сказал торговец, заметив его интерес. – Я вижу, вы всерьез интересуетесь природой. Вам отдам всего за пять патронов.

Кирилл вздохнул и жалобно посмотрел на Нюту.

– Ладно, покупай, – сжалилась та. – Пусть это будет моим прощальным подарком. Заодно и посчитаем, сколько там осталось наличности.

Осталось не густо – всего тридцать шесть штук. Вручив пять штук торговцу и убрав вожделенную книгу в рюкзак, парень великодушно отдал Нюте шестнадцать патронов, оставив себе пятнадцать.

– Зоопарк-то здесь, наверху, – рассказывал тем временем торговец. – Беспокойное, скажу я вам, соседство. То и дело кто-нибудь из сталкеров пропадает.

Старик говорил об этом совершенно спокойно, как о само собой разумеющемся факте.

– Конечно, зверюшки, которые там остались, выглядят уже совсем по-другому, – продолжал он, – поэтому эта книжечка скоро станет не только библиографической, но и научной редкостью. Глядишь, если когда-нибудь человечество вновь отвоюет себе поверхность, по ней еще палеонтологию изучать станут!

Нюта не знала, что такое эта самая «логия», зато у Кирилла загорелись глаза. Девушка видела – он уже забыл обо всем на свете и мечтает только о том, как бы всласть поговорить со стариком про Зоопарк и его обитателей.

– Эй, – потрясла она парня за плечо, – давай прощаться, что ли?

– Как, уже? – по-детски жалобно спросил Кирилл.

Нюта чуть не рассмеялась. Ну как было на него сердиться? Они крепко обнялись и немного постояли так.

– Возвращайся, Нюточка, – шепнул Кирилл, целуя ее в макушку.

– Постараюсь, – серьезно сказала девушка. На мгновение ее затея вновь показалась ей глупой и бессмысленной. Зачем куда-то идти, кого-то искать, когда рядом стоит человек, которому она небезразлична? Может, и впрямь плюнуть на все и остаться с ним? Но она тут же тряхнула головой, отгоняя сомнения, решительно поцеловала парня в щеку, вырвала у него свою кисть и, не оглядываясь, почти бегом, устремилась к переходу.

– Господи, как жалко-то девочку! – пробормотал торговец книгами. – Такая молодая, такая красивая...

Глава 7

Кланы улицы 1905 года

Нюта перешла на Баррикадную. Здесь народу было еще меньше, да и места на станции было как будто меньше из-за массивных розовых колонн и узких проходов между ними. К тому же кое-где в проходах были устроены жилища.

В конце станции несколько человек оживленно препирались между собой. Одеты они были почти одинаково – в просторные штаны и жилеты поверх трикотажных фуфаяк. Это были челноки, которые как раз собирались идти на Беговую. До них тоже дошли слухи о тяжелой обстановке на Улице 1905 года, и теперь торговцы совещались, не отменить ли поход. Мнения разделились. Двое мужчин и женщина средних лет решили идти, остальные были за то, чтобы остаться. Нюта подошла поближе.

– Возьмете меня с собой? – спросила она. – Мне тоже нужно на Беговую.

Один из мужчин скептически оглядел ее.

– Отчего ж не взять? Чем больше народу, тем веселее. Стрелять-то умеешь?

– Немножко, – сказала Нюта.

Когда-то ей и вправду удалось пару раз выстрелить из ружья на Спартаке под присмотром Игоря.

– Ладно, тогда дадим тебе автомат, временно, конечно, –

пойдешь замыкающей, будешь прикрывать, если что. У нас-то поклажа, нам отбиваться несподручно.

И Нюта согласилась – а что ей еще оставалось?

– Ты не бойся, в целом тут туннель спокойный, – сказал ей тот, который был постарше. – Хотя на всякий случай хочу предупредить: иногда в нем привидение шастает.

Нюта ошеломленно уставилась на него. Мужик вроде бы не казался сумасшедшим.

– Да-да, – усмехнулся челнок, видимо правильно оценив ее замешательство. – Самое настоящее, без обмана. Сколько раз видел, да и не только я. Ничего особенно страшного, главное при встрече – не паниковать, тогда все будет путем. Люди его Безголовым зовут. Он с палочкой ходит и по шпалам постукивает, его издали слышно.

– Путевой Обходчик, что ли? – догадалась Нюта.

Молодой нехорошо покосился на Нюту и суеверно сплюнул через плечо.

– Кто ж о таких вещах перед дорогой говорит? – мягко упрекнул ее старший. – Нет, Обходчик сам по себе, и с ним, конечно, не дай бог встретиться. А то – Безголовый, в прямом смысле – головы у него нет на плечах, он ее отдельно носит, в сумке. А в другой руке, стало быть, палочка, дорогу нащупывать. С ним, главное, не растеряться: как только услышишь ритмичный стук, тут же садись возле стены и старайся с ней слиться. Само собой, не разговаривать и вообще звуков не издавать, а лучше всего – и дыхание задержать.

Потому что если Безголовый услышит и обернется к тебе – все, считай, ты не жилец. А так мимо пройдет, не тронет.

Нюта потерянно кивнула. Перспектива вырисовывалась совсем не радостная, но других вариантов не было.

– Ну, еще бледные змеи могут попасться или еще какая живность. Там уж по обстановке смотри – если что, сразу стреляй. Да ты не пугайся – мы уж сколько раз здесь ходили, и ничего. Однажды только двоих потеряли, да еще один сам виноват – он от Безголового убежать решил. Вот и бегаёт где-то до сих пор, наверное...

И, ободрив ее таким образом, старший дал команду выступать.

Шли молча, в темноте слышалось только тяжелое дыхание и звук шагов. Старший светил вперед, но тонкий луч маленького фонарика еле освещал уходящие вдаль рельсы. Нюта, как и договаривались, была замыкающей, и ей все время мерещилось, что кто-то догоняет сзади, дышит в затылок. Вдруг старший резко остановился, вскинув левую руку. Видимо, привычные к таким сигналам, остальные челноки тоже застыли на месте, а вот не ожидавшая такого Нюта ткнулась носом в спину впереди идущей женщины и еле сдержала крик. Как оказалось, весьма своевременно: в наступившей тишине она отчетливо различила мерное глухое постукивание, а потом луч фонаря выхватил из темноты человеческую фигуру в черном пальто. В одной руке человек дер-

жал тонкую белую палку с крючком на конце, которой ощупывал шпалы, в другой – что-то вроде хозяйственной сумки, которую баба Зоя называла смешным словом «авоська». Головы у него и вправду не было.

Старший, приказав прижаться к стене, спешно потушил свой фонарик. В полной темноте слышался только стук палки – ближе, еще ближе, вот уже совсем рядом. Нюта судорожно вздохнула, но чья-то рука вовремя зажала ей разом рот и нос. Стук прекратился. Тот, кто шел мимо них, словно бы остановился и прислушивался.

Нюта внезапно ощутила какой-то отвратительный запах – плесени, грязного тряпья, тухлого мяса и еще чего-то, чему она не могла подобрать соответствия. Девушка почувствовала, что задыхается, что ее вот-вот стошнит. Кровь стучала в ушах так, что казалось, все бесполезно – уж этот-то громкий звук не приглушишь, и он разносится далеко под сводами туннеля. Еще минута, и она не выдержит, оттолкнет чужую руку и с визгом бросится бежать, все равно куда. И тут стук возобновился. Кошмарный обитатель туннеля шел прочь!

Когда звук палки Безголового окончательно замер в отдалении, челноки поднялись на ноги. Еще какое-то время стояли в полной темноте, отчаянно прислушиваясь и стараясь дышать через раз, а потом старший выдохнул: «Пронесло!» и щелкнул кнопкой фонарика. Заплясавший по стенам лучик света показался Нюте самым прекрасным зрелищем в ее жизни.

– Ну что, двинули? – спросил глава отряда, но тут неожиданно подала голос женщина:

– Плохо мне что-то, Васильич! Сердце прихватывает. Можно, я еще посижу?

– Другого времени, что ли, не нашла? – буркнул тот, опасно оглядываясь назад.

– Да мне немножко, минут пять. Отдышаться только.

– Ладно, – нехотя сказал мужчина. Достал из рюкзака флягу с горячим чаем и протянул женщине. Сделав пару глотков, та бессильно опустилась на шпалы, Нюта, которая после пережитого тоже нетвердо стояла на ногах, села рядом.

– Тебя как зовут-то? – спросила женщина, тяжело дыша.

– Нюта.

– А меня – Ася. Смотри, как ты меня схватила.

И она вытянула руку, на которой выше запястья виднелись черные синяки. Тут только Нюта сообразила, что изо всех сил стискивала ее руку, пока Безголовый шел мимо. Смутившись, девушка забормотала извинения.

– Ничего, – улыбнувшись, сказала Ася. – Я и сама перепугалась до смерти – это Васильич у нас бывалый, а я с Безголовым первый раз встречаюсь... Кстати, ты не видела, он и впрямь голову свою в руке несет?

– Я только секунду его и видела, да и то чуть сердце из груди не выскочило, – созналась Нюта. – Но в руке у него вроде какая-то сумка была.

– Наверное, туда он голову и положил, чтоб удобней бы-

ло, – предположила Ася. – Не под мышкой же тащить...

Но тут старший не выдержал:

– Хватит болтать, бабы! Вставайте и пошли дальше – до станции не так уж далеко. А то он сейчас как вернется...

Асе отдых пошел на пользу, но одно дело – идти налегке, и совсем другое – с тяжелой кладью на плечах. В итоге Нюта вручила женщине свой автомат, а ее тюк взвалила на себя – и охнула: ноша была совсем не женская. Оставалось надеяться, что Васильич прав и до станции идти не слишком долго. А еще все ее естество переполняла одна-единственная мысль: «Еще один переход, и я наконец-то достигну своей цели! Может быть, еще до вечера удастся увидеть маму. И растает, наконец, этот холодный ком в груди, который мешает мне жить».

* * *

Пожилой патрульный станции Улица 1905 года проверял документы Нюты до странного долго. Остальные челноки уже давно топтались рядом, а он все разглядывал временный пропуск девушки, выданный еще на Тушинской, с отметками о пребывании на других станциях, шевеля губами, словно пытаясь что-то высчитать. Наконец патрульный, видимо приняв какое-то решение, объявил:

– Что ж, добро пожаловать!

И, сложив, пропуск, он решительно... сунул его себе в на-

грудный карман.

Нюта растерялась:

– А... а как же документы? – заикаясь, пролепетала она.

– Ничего, ты отдохни пока, – несколько смущенно протянул мужчина. – Давай я тебя отведу в столовую и скажу, чтоб покормили. А тем временем, глядишь, все и выяснится... А вы, – он обратился к челнокам, и в голосе его прорезались жесткие нотки, – чего толпитесь? Забирайте свое барахло и ступайте с богом.

Отводя глаза, попутчики быстро попрощались с Нютой и, подхватив тюки, пошли по платформе. Ася, проходя мимо, быстро пожала ей руку и, кажется, всхлипнула.

– Ну что ж, пойдем и мы, что ли? – приобняв девушку за плечи одной рукой, предложил патрульный и крикнул товарищу: – Вовик, я в комендатуру! Ты за старшего!

Покорно идя рядом с мужчиной и машинально разглядывая станцию, казавшуюся родной сестрой Баррикадной, хотя и сильно подросшей (высокие квадратные розовые колонны и покрытые таким же розовым мрамором стены), Нюта отчаянно ломала голову, что там еще нужно выяснять с ее документами? С одной стороны, поводов для серьезной тревоги не было: пропуск подлинный, все штампы на месте, к тому же никто здесь про нее ничего не знал. С другой – пограничник явно темнил.

Тем временем они подошли к большой брезентовой палатке, внутри которой обнаружилось четыре пластиковых

стола и с десяток таких же стульев, некоторые – с обломанными спинками. В глубине виднелась железная печь со стоящей на ней большой закопченной кастрюлей, в которой помещивала черпаком пожилая женщина.

– Присядь, – велел Нюте постовой, – я скоро.

Подойдя к поварихе, он что-то прошептал ей на ухо, кивнув в сторону девушки, а потом быстро вышел из палатки. Выглянув следом, Нюта обнаружила, что идет он не обратно к блокпосту, а в самый конец зала, где виднелся какой-то закуток, огороженный листами фанеры и накрытый сверху странными волнистыми листами серого цвета.

– Угощайся, дочка!

Оказывается, повариха уже поставила на стол рядом с Нютой налитую до краев миску похлебки, исходящую ароматным паром, и ложку. У девушки, последний раз видевшей горячую пищу еще утром, сразу заурчало в животе.

– Спасибо, – кивнула она и принялась за еду. Что странно, повариха не спешила уходить. Присев за соседний столик, она смотрела на Нюту, подперев голову рукой. Девушка мысленно хлопнула себя по лбу отложила ложку и полезла в карман, где лежали ее патроны.

– Сколько с меня?

Казалось, повариха даже испугалась.

– Что ты, что ты! – замахала рукой она. – Кушай на здоровье, деточка! – И посмотрела на Нюту, как ей показалось, с жалостью, а потом еще и протяжно вздохнула. Пожав пле-

чами, та вернулась к еде. «Странные они здесь какие-то, – думала она. – Сначала документы отбирают, потом кормят бесплатно...»

После еды Нюта почувствовала, что у нее буквально слипаются веки: слишком уж насыщенным оказался этот день.

– Простите, пожалуйста, – обратилась она к поварихе, которая что-то крошила на доске длинным ножом. – А этот вот мужчина, который меня привел, он скоро вернется? – И, не удержавшись, широко зевнула.

– Притомилась? – всплеснула руками тетка. – Так пойдем, приляжешь пока, ножки вытянешь. Тут близко...

Идти и впрямь оказалось недалеко – в нескольких метрах от палатки стояла металлическая жаровня с углями, вокруг которой были постелены матрасы. Буквально рухнув на один из них, Нюта подложила под голову свой рюкзак и провалилась в глубокий сон.

* * *

Когда Нюта проснулась, то обнаружила, что кто-то заботливо укрыл ее ветхим, но теплым одеялом. Уже наступил вечер, половину ламп на станции потушили, зато повсюду зажглись костры. Вокруг жаровни рядом с девушкой сидели несколько женщин, несмотря на плохое освещение, вяжавших толстыми крючками из разноцветных нитей что-то ажурное и узорчатое – то ли шарфы, то ли шали. Нюта при-

помнила – нечто похожее она видела на женщинах Ганзы. Мастерницы тихонько разговаривали между собой. Нюта прислушалась.

– Андрея нет уже пятый день.

– Наверное, уже не дождемся его.

– Мой Ванька хотел идти его искать, так комендант не разрешил.

– А у Кору спрашивали?

– Да что она скажет? Она ведь в половине случаев ошибается. Сказала, что не видит его среди мертвых. И среди живых тоже.

«Интересно, – мелькнула у Нюты мысль, – эта Кора – не та ли столетняя ведьма, о которой судачили работницы на Динамо?»

Она приподнялась на локте и робко сказала:

– Добрый вечер.

Женщины покосились на нее и что-то невнятно пробормотали, уткнувшись в работу. Лишь одна, самая молодая, у которой вместо юбки был повязан на бедрах платок, из-под которого торчали еще штаны и грубые ботинки, несмело улыбнулась:

– Добрый...

– Добрый?! – тут же взвизгнула другая, с покрасневшими глазами (Нюта подумала, что она, наверное, недавно плакала). – Это называется, «добрый»?! После того, как у нас наверху дьявол поселился и все мы скоро передохнем?!

На нее со всех сторон зашикали, почему-то оглядываясь на Нюту. Женщина притихла и теперь сидела молча, мрачно глядя на пылающие в жаровне угли. Казалось, она видит в их красноватом отсвете что-то свое, недоступное другим, потому что время от времени многозначительно кивала в ответ каким-то своим мыслям и бормотала под нос что-то неразличимое. Повисла неловкая тягостная пауза.

– Что это у вас такое красивое? – спросила Нюта свою соседку, чтобы не молчать.

– Шарф вяжу, – охотно отозвалась та.

– Себе?

– Какое там! Себе не могу такого позволить, – сокрушенно ответила женщина. Сама она была в выцветшей майке и темно-синих брюках, похожих на форменные, а сверху, видимо для тепла, накинула толстую вязаную серую кофту, когда-то, видимо, красивую, но теперь заношенную чуть ли не до дыр. Выразительное лицо мастерицы с большими темными глазами выглядело весьма миловидным, но видно было, что она давно махнула на себя рукой: кожа на руках потрескалась, явно давно не стриженные ногти чернели широкой «траурной» каймой, а грязные, сальные волосы были стянуты на затылке в неаккуратный пучок, чтобы не мешали.

– На продажу. Себя прокормить и вон его, – она кивнула на очаровательного худенького малыша лет шести с огромными серыми глазами и светлыми кудрявыми волосами. Нюта обратила внимание, что мальчишка одет был по-

лучше: поверх застиранной маечки на нем был нарядный жилет с орнаментом. — Плохо то, что пряжа все время дорожает. Раньше ее сталкеры часто с поверхности приносили, а теперь все, не достать. А челноки втридорога дерут, работать уже почти невыгодно. Уж и не знаю, что делать. Это ведь у нас, считай, единственный источник дохода.

— А почему сталкеры больше не приносят? — поинтересовалась Нюта. — Что, эти нитки так трудно найти?

Вопрос, видимо, был из разряда дурацких. По крайней мере, все женщины уставились на нее так, словно она смо-розила невероятную глупость. Но никто ничего не ответил, только та, с покрасневшими глазами, забормотала еще громче. Правда, Нюта сумела разобрать только уже слышанные причитания про «дьявола» и «все погибнем». А потом сидевшая рядом толкнула ее, и женщина снова затихла.

Размышляя, как бы поделикатнее спросить, что тут происходит и где искать пожилого охранника с ее документами, девушка отметила, что женщины постоянно к чему-то прислушиваются. Словно они находились не в центре защищенной станции, а на примыкающем к самой поверхности блокпосту, где в любой момент можно ожидать нападения. То одна, то другая вдруг прекращала вязать и на несколько секунд настораживалась, а потом со вздохом опять бралась за работу. Нюта тоже попробовала прислушаться, но не услышала ничего, кроме самых обычных, житейских звуков: спорили два мужчины, кто-то с противным скрежетом драил котел,

потом раздался женский крик: «Иванова пошлите к коменданту!» Откуда-то издали доносились глухие удары. «Рельсы чинят, что ли? – подумала Нюта. – Чего это они на ночь глядя?»

Кудрявый малыш вдруг захныкал:

– Мама, а когда мяса дадут? Надоели грибы! Я мяса хочу!

– Вот наказание-то! – вскинулась мать. – Весь в отца! Ешь, что дают, а то, может, скоро и этого не будет. И не смей капризничать, иначе тебя утащит тот, кто сидит в пруду.

– Маша, ты с ума сошла?! Накличешь! – наперебой заговорили сразу несколько женщин.

На мальчишку угроза, как ни странно, подействовала. Он перестал хныкать и принялся корчить гримасы сидевшей неподалеку девочке примерно того же возраста в мешковатом платье, которая без всякого энтузиазма ковырялась в носу. Кто-то из женщин хлопнул ее по руке. Девочка на минуту прекратила свое занятие, потом с тем же отсутствующим выражением сунула грязный палец в рот и принялась сосать. Мальчишка пихнул ее ногой, та захныкала. Сидевшая рядом старуха отвесила обоим по подзатыльнику. Мальчишка ловко увернулся, девочка залилась ревом.

– А что за пруд-то? – потихоньку спросила Нюта у Маши, которая казалась ей самой здравомыслящей.

– Да ведь у нас тут Зоопарк наверху, – объяснила та. – Я маленькой бывала там когда-то. В нем большой пруд был, где гуси-лебеди плавали. Знаешь, какие они – лебеди? – с

сомнением спросила Маша. Нюта кивнула. Лебедей и пруд она видела на картинке в потрепанной книжке у бабы Зои, которую она читала малышам на ночь. Все дети на Спартаке знали содержание книжки наизусть, но готовы были слушать снова и снова. То была сказка про гадкого утенка.

– А теперь в этом пруду, говорят, такое завелось, что его за километр обходить надо, – продолжала Маша. – Как будто мало нам одной напасти! Хорошо еще, что оно пока к нам не лезет, а там кто его знает. Мы тут вообще последнее время в постоянном страхе живем...

Тут она умолкла, будто спохватившись, что сказала лишнее.

Немного помолчав, Нюта спросила:

– А что это там у вас в конце станции, вроде маленького домика?

– Начальство, – охотно ответила Маша, видимо довольная, что чужачка перевела разговор на другое. – Комендатура.

– Ага! – Нюта решительно поднялась на ноги, отбрасывая одеяло и закидывая на плечи рюкзак. – Туда-то мне и надо.

У входа в закуток стоял вооруженный часовой, который, впрочем, пропустил девушку без вопросов. Внутри, за столом с исцарапанной поверхностью, сидел очень худой бритоголовый мужчина в шинели, наброшенной на плечи, и перебирал какие-то бумаги. На щите за его спиной был прикреп-

лен неумелый детский рисунок, изображавший, судя по всему, солнце. Правда, оно почему-то было зеленым, со множеством длинных тонких ручек и ножек. Мужчина поднял глаза и без всякого удивления посмотрел на Нюту.

– Здравствуйте! – решительно начала девушка. – Я бы хотела видеть коменданта.

– Ну я комендант, – ответил бритоголовый. – А в чем, собственно, дело?

– Дело в том, что ваш патрульный забрал мой пропуск, а мне срочно нужно попасть на Беговую. Не могли бы вы мне его вернуть?

– А зачем тебе на Беговую? Да еще срочно? – вкрадчиво спросил комендант.

Нюта замялась. У нее было правило – говорить о себе как можно меньше. Так, на всякий случай. С другой стороны, что плохого в желании воссоединиться с семьей?

– У меня там родственники, – уклончиво сказала она.

– Так-так, – мужчина побарабанил пальцами по столу. – Родственники, значит? А кто это может подтвердить?

– Зачем? – не поняла Нюта.

Комендант неопределенно хмыкнул и достал из ящика стола ее пропуск. Развернул и, подслеповато шурясь, приблизил к стоящей на столе керосиновой лампе с закопченной и сколотой сверху колбой.

– Колыванова Анна Максимовна, – прочитал он и еще раз хмыкнул. – Что-то не припомню я на Беговой никакого Мак-

сима Колыванова...

Под его оценивающим взглядом Нюта смутилась. Ни своей настоящей фамилии, ни отчества она не знала, поэтому когда на Тушинской ей оформляли пропуск, то она решила воспользоваться фамилией бабы Зои. Ну а отчество было выбрано в честь Макса.

— Ну и что? — спросила она немного резко, пытаясь скрыть замешательство. — Вы же не можете знать всех людей в метро?

— Допустим, — кивнул бритоголовый, — но дело, моя дорогая Анна Максимовна, даже не в этом. — Глаза его как-то странно бегали, как будто он старался не встречаться с девушкой взглядом. — Вот смотри, пропуск твой вроде выдан на Тушинской, причем временный, а не постоянный. Это раз. Два — в нем регистрационная отметка станции Гуляй Поле, самого что ни на есть анархистского притона. Как ты там оказалась? Только не надо мне сказки рассказывать, что тебе удалось по поверхности пройти, — на такое даже опытные сталкеры не решаются. Значит, или документ твой поддельный, или, если и вправду ты верхом шла, то не одна, а с большой группой обученных и хорошо вооруженных сообщников. Сразу возникает вопрос: зачем? С какой целью? Сейчас время такое, везде шпионов полно. Бдительность должна быть на высоте. Три — твои, как ты говоришь, родственники. Откуда я знаю, есть ли они на самом деле? Может, ты их придумала. Ты расскажи-ка мне про них поподробнее, как

звать, чем занимаются, или, может, кто-то еще сможет твою личность подтвердить? Мы за пару дней постараемся уточнить, навести справки, и если слова твои подтвердятся – никто тебя держать не станет.

Глаза его при этом еще больше забегали. Нюта растерянно молчала. Она понимала – все, что она сейчас скажет, будет звучать очень неубедительно. Сказать правду, что ее увели в пятилетнем возрасте чужие люди? С родственниками тоже полная ерунда: фамилии дядьки Петра Нюта тоже не знала, да и не поймут они с матерью, про какую Анну Максимовну Колыванову их спрашивают, и честно скажут: «Нет, не знаем такой». Как бы еще у них самих после этого неприятностей не было. Но кто бы знал, что все так глупо получится! С поручителями тоже негусто: жена анархиста с Гуляй Поля Крыся и Кирилл все с той же Тушинской и, опять же, отметкой Гуляй Поля в паспорте. Упомянешь про них, и комендант окончательно убедится, что она шпионка или еще что похуже. Запрет где-нибудь, а то и прикажет казнить без суда по законам военного времени. Как же обидно – так влипнуть за один перегон до цели!

– Вот видишь, – удовлетворенно заключил бритоголовый, заметив ее растерянность. – Чувствую я – темнишь ты что-то, голуба моя. Никуда я тебя не выпущу без выяснения всех обстоятельств. Да ты не бойся, люди у нас добрые, кормить тебя будут бесплатно, я уже распорядился. Живи себе покуда, отдыхай, потом еще поговорим. Я тебя вызову.

Возражать было бесполезно, поэтому Нюта пожалала плечами, вышла из комендатуры и направилась обратно к жаровне и своему рюкзаку. «Странно, – размышляла она по дороге, – если меня и впрямь приняли за шпионку, почему не посадили под стражу до выяснения обстоятельств? Даже не обыскали и позволили свободно разгуливать по станции. Может, бритоголовый сам не уверен в моей опасности, просто по каким-то причинам не хочет отпускать на Беговую? Или, – похолодев, подумала она, – именно потому он и разрешил разгуливать, зная, что потом меня все равно убьют? Ведь без пропуска со станции никуда не деться, да и часовых на блокпостах наверняка предупредили...»

И тут Нюте снова полезли в голову самые абсурдные предположения. А что, если за ней действительно все время следили? Может, кто-то всерьез думал, что она обладает уникальными способностями? Кирилл обмолвился, что на Тушинской следить за ней поручили его отцу. А отец этот совершенно случайно оказался бывшим биологом. Затем ее решили переправить в центр – ну, предположим, для изучения. От все тех же вездесущих анархистов она краем уха слышала, что в некоторых местах метро существуют тайные лаборатории, где ученые исследуют людей с отклонениями, таких, как она. И сопровождать ее поручили Кириллу, который все время ходил за ней по пятам, не спуская глаз, хотя Нюта чувствовала, что порой раздражает его ничуть не меньше, чем он ее. Поэтому-то он и сопротивлялся только для виду, ко-

гда она тащила его со станции на станцию, а на Краснопресненской так легко расстался с ней потому, что незаметно передал другому тайному соглядатаю. Он, собственно, еще на Белорусской хотел расстаться и остался с ней еще на некоторое время, просто чтобы не вызывать подозрений. А потом, наверное, с облегчением поспешил обратно на Динамо, к Лоле, – то ли неприятно было присутствовать при развязке, когда Нюту схватят, то ли не хотел, чтобы она знала о его неблагоприятной роли во всем этом. Все-таки у них вроде как взаимные чувства возникли... И теперь Нюту же будут удерживать здесь, пока за ней не придет заказчик, чтобы отвезти в эту тайную лабораторию, а уж оттуда она точно живой не выйдет.

Нюта горько усмехнулась: придет же такое в голову! Услышь все это Кирилл, он бы, наверное, посмеялся и опять сказал, что у нее мания величия или начиталась Крысиной книжки с яркой обложкой. Интересно, а челноки, с которыми она шла, тоже были подставные? Вряд ли – уж очень натурально они выглядели, и у Аси сердце правда прихватило, такое не сыграешь. «Стоп! – решительно сказала себе девушка. – Так и свихнуться недолго». В любом случае, пока она не связана, не заперта, а в рюкзаке даже лежит нож, прихваченный со Спартака. Если даже сбудутся самые худшие опасения, живой ее ни в какую лабораторию не доставят. Значит, нужно смотреть, слушать и ждать.

Когда она вернулась к костру, женщины восприняли это как должное. Нюта, улучив момент, стала расспрашивать Машу о таинственном Зоопарке. Теперь она даже жалела, что не пролистала ту брошюру, которую купил на Краснопресненской Кирилл. Маша рассказала, что когда люди еще жили наверху, они привозили диких животных из других стран и сажали их в клетки, чтобы все желающие могли на них посмотреть. Нюта подумала, что Кирилл, наверное, очень бы порадовался, если бы смог попасть в такое место. Он ведь мечтал изучать зверей, а там для этого самые подходящие условия. Только жаль животных – им, наверное, очень тоскливо было все время сидеть на одном месте.

– Не зря, значит, звери людей боялись, – сказала она Маше.

– Ты думаешь, им так плохо было в клетках?

– Конечно плохо, – убежденно сказала Нюта, – ведь они не могли гулять по своей воле. У нас на станции в клетках сидели крысы, которых разводили для еды. Но это понятно, люди ведь без еды не могут. А просто так, для забавы, держать в клетке кого угодно – человека или зверя, – по-моему, ужасная гадость.

Маша искоса посмотрела на нее.

– Можно подумать, ты знаешь это на собственном опы-

те, – сказала она, и Нюта испугалась – вот сейчас женщина поинтересуется, почему она убежала со своей станции. Но Маша ни о чем спрашивать не стала, а наоборот, как будто смягчилась.

– Так значит, ты любишь свободу? – задумчиво сказала она. – Это хорошо. Не думай, я тоже свободу ценю – и не только свою. За это вот и расплачиваюсь, – она кивнула на сына. – Одна с мальчишкой вожусь, отец его и знать не хочет. Хотя могла бы к коменданту обратиться, он бы обязал его кормить ребенка. Я, видно, из таких, которым за других всю жизнь приходится отдуваться. А о животных по себе не суди – мы в их шкуре не бывали и мыслей их не знаем. Может, им в клетках не так и плохо было. В природе ведь естественный отбор – больные и слабые гибнут. А в Зоопарке их кормили, лечили, заботились о них. И как бы там ни было, теперь хозяева наверху – они. Дождались своего часа, вышли на волю, а нас загнали в подземку, да и сюда уже пытаются добраться. Хорошо, если сразу сожрут, а вдруг там уже какие-нибудь разумные монстры появились? И будут уже нас держать в клетках, на потеху своим детенышам.

– А ламы в Зоопарке тоже были? – почему-то вспомнила Нюта про старый разговор.

– Конечно были. А ты о них откуда знаешь? Рассказывал кто-нибудь? Ламы жили на таких искусственных горках, огороженных проволоочной сеткой, а перед нею был еще ров.

– Это чтобы они не кидались на посетителей?

Маша фыркнула:

– Скорее, чтобы посетители не кормили их всякой дрянью и не пугали. Ламы питались травой и людей боялись. Как бы тебе понятнее объяснить? Ну, вот как свиньи, например. Нет, свиньи – неудачный пример. – Маша нахмурилась. – Говорят, на одной станции они как-то грудного ребенка загрызли, который случайно к ним в загон попал.

– А как грудной ребенок мог случайно попасть к свиньям?

– Темное дело, вообще-то, – согласилась Маша. – Может, мать была свинаркой, а может, – тут она понизила голос, – специально хотела от младенчика избавиться? Но это ж какой жестокой и отчаянной надо быть? У нас вот за такое полагается смертная казнь. Даже если ей его кормить было нечем, отдала бы кому-нибудь на воспитание. Хотя могло быть и так, что младенец мертвеньким родился, тогда все равно. Ты вот на Соколе была, это правда, что там покойников в биореактор кладут и свиньям скармливают?

Нюта очень удивилась, что Маша так много о ней знает. Вроде бы про Сокол она ничего не рассказывала. Но отпираться не стала и подтвердила – да, слышала на Соколе такие рассказы, а уж правда это или нет, про то, наверное, одни свинари наверняка знают. Но они люди угрюмые, и с ними особо не разговоришься.

Потом Маша сказала, что в Зоопарке ей всегда нравилось, там были всякие увеселения, а для детей продавали сладости и игрушки.

– Интересно, как там сейчас? – задумчиво спросила она. – В зоопарке ведь было много крупных, сильных и опасных животных. Если в результате мутаций страшными стали даже обычные собаки и кошки, то даже представить трудно, как теперь выглядят настоящие хищники – волки, тигры, медведи... Да и змеи ядовитые там жили в специальном подземном павильоне. Некоторые звери, наверное, разбежались по городу, а многие остались здесь. Поэтому сталкеры, выходящие в город с Краснопресненской и Баррикадной, часто не возвращаются обратно. Что ни день, то какие-нибудь тревожные новости. У нас вот до поры до времени было спокойно, а теперь тоже в страхе живем...

Нюта вновь хотела спросить, чего же здесь все так боятся, но тут Маша отвлеклась на сына: неугомонный мальчишка сел слишком близко к костру и прожог себе штанину.

– Горе мое! – кричала на него Маша. – Где я тебе столько одежды напасусь? Новые штаны не получишь, и не надейся. Господи, и так уже заплаты ставить некуда, – сокрушалась она. – И вообще, тебе давно уже пора спать. А ну марш!

И, несмотря на протестующие вопли, она повела сына укладывать. Их палатка, как оказалось, стояла совсем рядом, и Нюта отчетливо слышала Машин усталый голос:

– Лежи смирно, а я расскажу тебе сказку про Добрыню Горыныча и Змея Никитича. Едет сталкер Добрыня Горыныч в костюме химзащиты на дрезине по туннелю, автомат крепко в руках сжимает. А крылатый трехголовый Змей Никитич

испугался и в логово свое забился.

– А почему крылатый? Разве змеи бывают крылатые и трехголовые? – удивился мальчишка.

– Мутант потому что. В метро все бывает. Слушай дальше. Змей Никитич просит: «Не губи ты меня, Добрынюшка, у меня малые детушки». А Добрыня отвечает: «Не будет тебе пощады. Если я тебя не убью, вырастишь ты своих детушек, и сожрут они всю нашу станцию, как на Полежаевской всех сожрали». И расстрелял в упор змея и детушек его. Тут и сказке конец. Да чего ты реवेशь-то?

– Детушек жалко! Они же маленькие!

– А что делать? Или мы их, или они нас... Ну, спи.

Маша вернулась к костру, чтобы выпить перед сном чая, но когда Нюта хотела расспросить ее о жизни на станции, хмуро сказала, что устала как собака и сама только и думает, как бы лечь спать.

Нюта улеглась в той же палатке, что и Маша с сыном, а кроме них – еще одна женщина. На станции постепенно все затихло, и тут девушка снова обратила внимание на странные звуки. Кто-то глухо и неритмично ударял в металлическую поверхность, чем-то скрежетал по ней, словно какие-то одержимые кузнецы беспорядочно лупили молотами по железу.

– Маша, – спросила она, – а у вас здесь что, какие-нибудь цеха?

– Нет, с чего ты взяла? – неохотно отозвалась та.

– А что это там грохочет?

– Ничего. Спи! – буркнула Маша. Но Нюта чувствовала – обе женщины тоже прислушиваются к странному шуму.

– Интересно, сколько еще выдержат ворота? – спросила их соседка, ни к кому вроде не обращаясь.

– Да хватит уже ныть! – злобным шепотом выкрикнула Маша. – И без того тошно! Сами не хотите спать, так хоть мне не мешайте!

Ночью Нюте приснился Зоопарк. Светило солнце, по ровным дорожкам бродили нарядные дети, жующие сласти и держащие за руку родителей. Везде стояли громадные клетки с тварями вроде тех, которых Нюта видела на поверхности. В одной клетке даже сидел небольшой паук, притворявшийся безобидным, но глаза его злобно сверкали – видно было, как ему хочется схватить ближайшего хохочущего карапуза. На горке, огороженной проволочной сеткой, мирно паслись ламы вроде тех, которые гнались за ними на улице Свободы. Иногда они, подняв головы, окидывали посетителей нехорошими оценивающими взглядами, но, убедившись, что те находятся вне пределов их досягаемости, разочарованно продолжали щипать травку. Вдалеке виднелась темная гладь пруда. По нему наперегонки плавали лебеди и водяные крысы. И вдруг в одну минуту все изменилось. Послышались взрывы, кое-кто из людей упал, другие начали растерянно метаться. Плакали дети. Нюта, как зачарован-

ная, смотрела, как ламы гигантскими прыжками перемахнули проволочную сетку и кинулись на посетителей, разевая клыкастые пасти. Из опрокинутой клетки выползал паук, на ходу увеличиваясь в размерах, а в другой, все еще запертой, метался большеглазый лемур (почему-то Нюта была твердо уверена, что это именно он) и тряс прутья, но никак не мог выбраться наружу. «Они погибнут, – подумала девушка. – Они все погибнут». Она хотела подбежать и открыть клетку, но тут за спиной отчаянно заголосил ребенок. Нюта обернулась на звук и проснулась. Ребенок и вправду плакал где-то неподалеку, его успокаивала мать. «Вот и ответ, – подумала Нюта. – Теперь я знаю, что случилось с большинством животных в Зоопарке. Те, которые не погибли сразу, просто не смогли открыть клетки и вырваться на волю, а людям в этот момент было уже не до них. И бедные звери медленно умирали взаперти от голода и жажды...»

* * *

Утром, во время завтрака, Нюта вдруг заметила необычную женщину, резко отличающуюся внешним видом от всех прочих обитательниц станции, которая, стоя рядом со входом в столовую, внимательно смотрела на нее. Видимо, она очень любила все черное: на ней было длинное черное платье, похожее на халат, расшитый какими-то бусинами, тоже черными, но блестящими, и изящные черные туфли вроде

тех, что нашла Крыся, но без каблука. Черные гладкие волосы женщины блестели, а черные глаза смотрели ласково. Нюта подумала, что рядом с такой красавицей даже жеманная Лола почувствовала бы себя тем самым гадким утенком из сказки. Что уж говорить о ней самой, облаченной в старую и явно великоватую ей кожаную куртку, неопределенного цвета мужскую рубашу и такие же брюки с обрезанными штанинами, подаренные сердобольными анархистами и кое-как ушитые под ее отнюдь не мужскую комплекцию? К тому же девушка только сейчас осознала, что костюм давно уже не мешало бы постирать.

Поняв, что ее заметили, красавица улыбнулась и поманила Нюту к себе. Медленно отставив кружку, из которой она успела глотнуть всего пару раз, девушка встала и направилась к выходу. Попутно она отметила, что остальные женщины в столовой как-то неприязненно притихли – они явно знали любительницу черного, но ее появление восторга у них не вызвало. «Началось!» – подумала Нюта и порадовалась, что утром успела незаметно вытащить из рюкзака нож и сунуть его за подкладку куртки так, чтобы при необходимости можно было быстро достать.

– Пойдем со мной, дитя мое. Надо поговорить, – сказала женщина и величаво пошла впереди, даже ни разу не оглянувшись, чтобы проверить, идет ли за ней Нюта. Впрочем, та и не думала противиться.

Против всех ожиданий, женщина привела Нюту не в Ко-

мендатуру, а в небольшую палатку, на полу которой лежал узорчатый коврик, а поверх него – два добротных спальных мешка и подушка. Еще Нюта успела заметить несколько потрепанных книг, красивую деревянную шкатулку с резной крышкой и овальное зеркало. Но главное, теперь можно было как следует рассмотреть саму женщину, усевшуюся напротив Нюты. Оказалось, что она не так уж молода, но в полутьме палатки трудно было определить, сколько ей лет. К тому же здесь, в метро, многое зависело от того, какую жизнь ведет человек. Женщины старились раньше, и двадцатилетняя могла выглядеть на все пятьдесят. И все же, несмотря на ухоженность, Нюта решила, что хозяйке палатки лет сорок, а может, даже больше.

– Я знаю, ты Нюта, – сказала женщина. – А меня зовут Мура.

«Никогда не встречала такого странного имени», – подумала Нюта, но прежде, чем она успела открыть рот, в палатку заглянул какой-то мужчина. В отличие от хозяйки, он был одет подчеркнуто просто – в выцветшую черную футболку с каким-то рисунком и штаны в обтяжку. Но простая одежда лишь подчеркивала его стройную мускулистую фигуру, необычайно выразительное породистое лицо, огромные серые глаза чуть навывкате и светлые волосы до плеч, уже заметно тронутые сединой. Кого-то он Нюте смутно напомнил, но кого именно, она сообразить не успела. Мужчина как-то странно, очень внимательно посмотрел на девушку.

– Это Вэл, – представила его Мура. – Вэл, познакомься, наша гостья Нюта.

Мужчина кивнул, и у Нюты почему-то возникло ощущение, что он, равно как и красавица, уже что-то о ней знает.

– Нам с Нютой предстоит серьезный разговор, – сказала Мура, заметив ее замешательство, – так что не смущай ребенка своим brutальным видом, а лучше принеси нам чая.

Вэл снова кивнул и исчез, а Мура стала расспрашивать Нюту, откуда она родом и как сюда попала. Странно, но ее вопросы вовсе не выглядели бестактными или назойливыми, наоборот, Нюте было приятно, что кто-то проявляет к ней такое искреннее участие. Она и сама не заметила, как у нее в руках появилась кружка с дымящимся чаем, а Вэл снова ушел, прежде чем Нюта успела его поблагодарить. Впрочем, она не сильно расстроилась: в присутствии этого красавца, который был даже эффектнее Кирилла, ей было неловко вдвойне, словно гадкому утенку в лебединой стае.

Сначала Нюта рассказала Муре про Сокол и про Веру, потом про анархистов и расставание с Крысей, потом – вкратце – о путешествии по поверхности. Женщина то и дело ахала, всплескивала руками и переспрашивала в особенно напряженных местах. И Нюта вдруг разрыдалась и рассказала ей все с самого начала – и про Верховного, и про бабу Зою, и про бегство со Спартака, умолчав лишь про мать, оставшуюся на Беговой, и про то, что они с Крысей убили человека. Зато как ее нашли в туннеле и постоянно этим попрекали,

подозревая неизвестно в чем, скрывать не стала. Мура пыталась задавать наводящие вопросы о том, как Нюта вообще в этом туннеле оказалась, но девушка отвечала очень уклончиво, ссылаясь на малый возраст и плохую память. В итоге у женщины сложилось впечатление, что маленькая Нюта просто заблудилась и отстала от своих.

Как бы там ни было, Мура не стремилась выпытать все до малейших подробностей. Она сидела и гладила Нюту по волосам, а та плакала у нее на коленях. Мура что-то говорила над ней, причитала, и Нюте казалось, что она опять возле любимой бабы Зои, поэтому она не сразу осознала, что именно все время повторяет эта женщина в черном:

– Бедное мое дитя, если бы я только знала! Сколько ты пережила! И надо же было такому случиться! Теперь из-за этой идиотки Кору заварилась такая каша...

Нюта еще ничего толком не поняла, но сразу почувствовала, что сейчас начнется самое интересное. Она отстранилась от женщины в черном, вытерла слезы рукавом рубахи и снова превратилась в сосредоточенного, настороженного зверька. Через мгновение напротив Муры сидел уже не рыдающий ребенок, а собранная и весьма решительно настроенная молодая женщина.

– Я же не дура, я чувствую, что вокруг меня происходит что-то странное, – произнесла она. – Пожалуйста, расскажите мне все.

И Мура принялась рассказывать.

Оказывается, здесь уже давно, хотя и считалось, что правила для всех едины, негласно существовали два клана. Членов одного из них называли муравьями, хотя на самом деле живого муравья уже лет двадцать никто не видел. Разве что сталкеры рассказывали о гигантских насекомых, иногда встречавшихся на поверхности, но муравьи-то были или нет – поди, спроси у них...

Мура пояснила специально для Нюты, что муравьи – очень общественные насекомые, они возводят свои жилища коллективно, и каждый из них понимает – его жизнь ничто по сравнению с жизнью коллектива. То есть, не понимает, конечно, мозгов-то у него нет, но такая программа в него самой природой заложена. В случае опасности муравьи первым делом кидаются спасать самое ценное – своих личинок. Муравьи целыми днями трудятся ради родного муравейника, летом делают запасы на зиму, и у них существует четкая иерархия.

Соответственно, члены клана муравьев тоже считают, что все равны, – ну, как и красные. Конфедерация 1905 года изначально была построена на этих принципах. Муравьи считают, что их главная задача – всячески способствовать благоденствию и укреплению станции и заводить как можно больше детей, чтобы род человеческий не иссяк. При этом му-

равьи невежественны, и их интересуют только те знания, которые могут непосредственно пригодиться на практике. Сами же они считают это своим достоинством и нетерпимо относятся к инакомыслящим.

А другой клан как раз и составили инакомыслящие, называющие себя индиго. Собственно, в клан они объединились вынужденно, чтобы как-то противостоять агрессивности муравьев, потому что сами вовсе не склонны были к коллективизму. Каждый из членов этого клана отличался какими-нибудь уникальными способностями, и они считали, что негоже им губить свои таланты однообразным трудом. Здесь во главу угла ставилась личность, а не коллективные интересы. И, конечно, в суровых условиях метро муравьи давно нашли бы способ разделаться с изгоями, но все оказалось не так просто: таланты индиго иногда очень пригождались всему станционному социуму. Те, смекнув это, пытались зарабатывать себе на жизнь своими способностями, хотя в целом им приходилось трудно – чаще всего у самих муравьев еле хватало еды и предметов первой необходимости, к тому же, как и все ограниченные люди, они были скуповаты, подозрительны и хотели точно знать, за что платят. Понятное дело, что ни о какой приязни или даже простых добрососедских отношениях между кланами речи идти не могло: муравьи ненавидели отщепенцев за то, что те не желают пачкать руки тяжелой черной работой, а те презирали их за невежество и косность. Муравьи, чаще всего, вели оседлый образ жиз-

ни, за пределы своей станции если и выбирались, то редко и неохотно. Люди клана индиго, наоборот, при первой возможности отправлялись путешествовать, чтобы узнать что-нибудь новое и подзаработать на других станциях. У них были знакомые почти везде, и не только на близлежащих станциях, но и, по слухам, даже на Красной ветке и в Четвертом Рейхе.

Все это было очень интересно для расширения кругозора, но Нюта пока не совсем понимала, какое отношение порядка на станции имеют к ней. Но Мура тем временем, словно уловив мысли девушки, перешла к сути проблемы.

Как оказалось, сейчас на Улице 1905 года сложилась крайне тяжелая обстановка: какой-то монстр по непонятной причине облюбовал павильон станции для своего жилища и постоянно делает попытки проникнуть сюда, внутрь. Пока ему это не удастся, но кто знает, что будет дальше? Люди на станции уже давно живут в постоянном страхе, ведь ни значительного числа бойцов, ни даже тяжелого вооружения тут нет. В таких условиях отчаявшиеся жители позабыли прежние раздоры и сообща пошли на поклон к гадалке клана индиго Коре – может, хоть она предскажет, есть ли надежда на спасение?

– Между тем, гадалка из Кору вообще-то не слишком хорошая, – сочла нужным пояснить Мура. – Ее пророчества всегда очень туманны, да и сбываются примерно в половине случаев. У нас тут даже шутка ходила: пришел сталкер перед

выходом на поверхность узнать, вернется ли он обратно. Кора патроны забрала, потом руками у него перед лицом пово-дила и говорит: «Пятьдесят на пятьдесят». «В смысле?» – не понял тот. «Ну, или вернешься, или нет...»

Несмотря на то что веселого в рассказе было маловато, Нюта не сумела сдержать улыбки:

– Да уж, точность на высоте! Но послушайте, Мура, если эта Кора так плохо гадает, почему она не займется чем-нибудь другим?

Женщина уставилась на нее с явным изумлением.

– То есть как это, «другим»? Ведь она гадалка! Не может же она просто так бросить свое ремесло и растить шампиньоны или вязать!

– Но если она часто ошибается, значит, она плохая гадалка, – в свою очередь удивилась Нюта. – Наверное, она ошиблась в выборе призвания.

– Ты не понимаешь, – покачала головой Мура. – Просто ты еще очень молода и не знаешь жизни. Так было всегда, и до Катастрофы тоже. В любой профессии, будь то наука, производство или сфера обслуживания, было процентов десять талантливых, которые двигали ее вперед, еще процентов тридцать – сорок просто хороших и добросовестных работников, а все остальные, то есть половина – посредственности, которые вообще ничего из себя не представляли. Правда, в последние годы перед Катастрофой, когда мерилom успеха стали деньги, положение начало меняться.

Способные получили возможность зарабатывать, а остальные иной раз вынуждены были уходить в другую область – иногда себе же на пользу. Но вообще-то посредственные работники часто компенсируют свои недостатки исключительной цепкостью и зубами держатся за свое место. Не уверена, что ситуация сильно изменилась, скорее наоборот: почему-то именно талантливые люди быстрее других гибли или отчаивалась в Метро, а вот посредственность расцвела пышным цветом. Поэтому Кора гадалка, и гадалкой умрет. Просто она неважная гадалка, но ведь конкурентов у нее все равно нет, так что люди в трудных случаях идут к ней за советом и помощью. Значит, она нужна им.

Разобравшись с этим вопросом, Мура продолжала:

– Когда Кору спросили, что нас ожидает, она, конечно, приложила все усилия, чтобы узнать ответ. Жевала какие-то особые грибы, растущие в отдаленных туннелях и доставляемые челноками за бешеные деньги, впадала в транс и разглядывала свой магический стеклянный шар. Но в результате получила лишь одно неясное откровение: станцию спасет дева, пришедшая с Севера.

– И правда туманно, – пробормотала Нюта.

– А пророчества всегда туманны. Вот, например, она как-то изрекла: «Есть Четвертый Рейх, а Пятому не бывать». Почему так – никто не знает. В это можно только верить или не верить.

– И вовсе это не про Четвертый Рейх было сказано, а про

Третий Рим, и не Кора это говорила, — досадливо сказал заглянувший к ним Вэл. — Ты просто все перепутала.

— Может быть, — покладисто согласилась Мура и продолжала рассказ. — Несмотря на неопределенность предсказания, муравьи за неимением лучшего ухватились за него и начали отслеживать всех посетителей станции. Ты, дитя, не первая — одну девушку, на свою беду пришедшую к нам с челноками, уже против ее воли отправили на поверхность. Как и следовало ожидать, она не вернулась, зато монстр, судя по всему, прекрасно себя чувствует и продолжает скрестись в ворота с удвоенной силой. Муравьи опять к Коре, а та им отвечает: «Значит, это была не та дева. Ждите». И вот дождались.

Из дальнейших объяснений Нюта с ужасом поняла, что как минимум все муравьи, а вместе с ними и часть индиго, всерьез считают ее той самой девой-спасительницей. Во-первых, она пришла почти что с Севера. Во-вторых, если и вправду сумела добраться по поверхности от Сходненской до Гуляй Поля, значит, действительно героиня, которую на Улицу 1905 года привела сама судьба.

В другом случае девушка, конечно, слегка задрала бы нос, но сейчас у нее волосы встали дыбом.

— То есть, вы хотите сказать, — на взводе начала она, — что меня отправят воевать с монстром, с которым не могут сладить даже местные бойцы, только потому, что вашей неумелой гадалке чего-то там под грибами привиделось? А когда

он и меня сожрет, она опять разведет руками и скажет: «Ну, значит, и не про эту деву в пророчестве говорилось»?!

Мура пожала плечами, скорбно глядя на Ньюту:

– А если я откажусь идти на смерть? Сама объявлю на всю станцию, что в пророчестве говорится вовсе не обо мне, что я никакая не спасительница и вообще никому и ничем тут не обязана?!

– Боюсь, у тебя просто нет выбора. Со станции тебя по-всякому не выпустят, комендант уже распорядился. Да и муравьи уже так напуганы и отчаялись, что готовы ухватиться за любую соломинку. Откажешься – найдут повод заставить. Навесят на тебя каких-нибудь грехов, твоих или чужих, неважно. Если покопать, за каждым что-нибудь да найдется, а наш комендант большой специалист по таким делам, все-таки бывший милиционер. Он как раз тут служил, в метро, поэтому и спасся, и людей сумел организовать, и власти добился. В общем, пригрозят расстрелом или кормить перестанут – куда ты денешься. Сразу согласишься по-хорошему, так хоть какой-то шанс спастись будет.

– Да он просто убийца, ваш комендант! – вырвалось у Ньюты.

– Ну-ну, не надо так сгущать краски, – примирительно пробормотала Мура. – Он тоже человек несчастный: полгода как жену схоронил, то ли от воспаления легких, то ли от астмы, а недавно еще и единственный ребенок, Алиночка, пропала. Может, конечно, найдется еще, да только опасаем-

ся мы: она же такая впечатлительная была, может, решила сама на поверхность податься, станцию спасти?

Нюта поняла, что опять оказалась крайней в чужой игре. Эта женщина, сперва казавшаяся такой участливой и милой, на самом деле тоже преследовала свои цели. Вот и сейчас Мура чуть ли не со слезами говорит об этой Алиночке, которая, может, наслаждается уютом на соседней станции, а до отправляемой на смерть под дулом автомата чужачки ей и дела не было.

– Мне надо подумать, – сухо сказала она.

– Разумеется, – тут же торопливо согласилась Мура. – Лучше, если ты придешь к этому решению добровольно, осознавая, на что и во имя чего идешь. Я слышала, что у солдата, настроенного на победу, шанс выжить куда выше, чем у того, который заранее считает себя убитым.

Нюте ясно было, что и сама Мура слабо в это верит, и говорит это просто для того, чтобы ее приободрить. Но поскольку другого выхода ей все равно не оставалось и предложение подумать было чистой формальностью, к словам красавицы, явно занимающей среди индиго не последнее место, стоило прислушаться. Да и потом, раз уж за Нюту все решили заранее, стоит, по крайней мере, получше узнать об этом неведомом звере – может, тогда у нее появится хоть малюсенький шанс спастись? Или даже попытаться убежать, а пока тянуть время и делать вид, что она склонна согласиться? Может, удастся придумать, как прошмыгнуть ночью мимо

кордонов и уйти на Беговую или обратно на Баррикадную?

Девушка немного приободрилась, и Мура, глядя на нее, подумала, что «спасительница» начинает свыкаться с предназначенной ей участью.

— Возможно, у тебя действительно особая миссия, — сказала она. — То, что ты в детстве уцелела там, где погибли взрослые, — тоже не случайность. Я, разумеется, не хочу сказать, что, прожив среди монстров несколько дней, ты стала одним из них, — торопливо поправилась она, — но, возможно, какие-то твои скрытые способности заставляют их принимать тебя за свою. А этот случай на поверхности, когда только ты видела девушку на рельсах и в результате спасла и себя, и своих спутников? Конечно, никакой девушки на самом деле не было, просто ты ждала знака и сумела правильно его истолковать. А знак мог быть каким угодно. Вы незадолго до этого говорили о девушке, гуляющей по рельсам, и, видимо, этот образ сильно запал тебе в душу, а потом в нужный момент просто трансформировался в сгусток информации, который принял ожидаемую форму. Если бы ты жила на нашей станции, то обязательно принадлежала бы к клану индиго, ведь именно умение воспринимать информацию извне и обращать ее себе на пользу как раз и отличает нас от остальных. От тех же муравьев, которые считают, что выживут, если будут тупо следовать неизменным правилам. Возможно, это умение выручит тебя и на этот раз. А я обещаю тебе помочь, чем смогу.

– Научите каким-нибудь тайным боевым приемам, что ли? – не удержалась от колкости Нюта. – Чтобы ваш зверь сожрал меня не сразу, а как следует развлекся?

– Зачем ты так? – Мура поджала губы. – Я ведь тоже живу здесь и заинтересована в том, чтобы ты победила. Разумеется, никаких тайных приемов я не знаю, зато могу объяснить, как лучше вести себя на поверхности. Да и здешние места мне знакомы, я ведь до Катастрофы жила недалеко отсюда. А знать предстоящее поле боя – уже немало.

– Да, мне уже рассказали в двух словах про Зоопарк, – кивнула Нюта.

– Ну, Зоопарк-то от нас не так уж близко. Если ты и доберешься туда, то лучше обойти его стороной. Вот как это лучше сделать, я и расскажу.

Это «если и доберешься» неприятно царапнуло слух. «Все-таки она тоже не верит, что у меня что-то получится», – тоскливо подумала девушка и, неожиданно для самой себя, спросила:

– Вы очень скучаете по прежней жизни? Несмотря на все опасности, там, наверху, очень красиво.

В глазах у Муры заплескалась тоска.

– Не напоминай мне об этом, девочка! Тебе и всем, родившимся *после*, куда легче – вы просто не знаете и никогда не узнаете то, что мы, старшие, потеряли навсегда. Взять хоть запах талого снега перед весной... Даже те, кто теперь поднимаются на поверхность, уже не могут это узнать – ка-

кие в противогазе запахи! Нельзя снять перчатку и зачерпнуть снег ладонью, такой белый и пушистый! Этого даже не объяснишь. Теперь, говорят, снег идет черный, радиоактивный. Один из тех, кто видел, даже песню про это написал – о том, как падает черный снег. Попроси Вэла спеть, он ее знает... А ветер! Знаешь, всякий раз, когда дул западный ветер, со мной творилось что-то странное. Я становилась просто комочком нервов, восприятие обострялось настолько, что я вздрагивала от малейшего шороха и звука. Со мной невозможно было разговаривать. И все думали, что это связано с женскими циклами... О, если бы они были правы! Тогда эти мои странности, эти внезапные перепады настроения можно было бы предсказать заранее. Но нет, это просто дул западный ветер. Мужчинам этого не понять, они не такие восприимчивые. А я даже здесь, под землей, чувствую, когда наверху ветер дует с запада.

Нюта вспомнила, что иногда и на нее тоже нападали приступы беспричинной хандры и нервозности. «Получается, это ветер виноват? Западный, а может, какой-нибудь другой?» Она даже стала немного сочувствовать сидящей рядом женщине.

– Как счастливы, наверное, были все, кто жил наверху! – вздохнула она.

Странно, но на Муру этот ее всплеск произвел обратный эффект.

– Не скажи, – пробормотала она. – Во-первых, большин-

ство из нас тогда не ценило своего счастья. Тратили время на всякую ерунду, суету, препирательства по пустякам. И ведь были прозорливые люди, которые предсказывали Катастрофу, но мы вроде и верили, и нет. Играли с этой мыслью. Если б знать наверняка, что это случится, я бы относилась к своей жизни гораздо серьезнее. Но теперь, увы, ничего не вернешь. Мне теперь кажется, что жизнь наверху в последнее время становилась все более неестественной. С одной стороны, всяких вещей, шмоток, косметики, бытовой техники, даже еды производилось куда больше, чем реально было нужно людям. С другой – некоторые жили на грани нищеты и почти голодали. А какие глупости всерьез волновали меня и подруг – вспомнить тошно! У тебя вот когда-нибудь были сапоги?

– Солдатские, что ли? – удивилась Нюта.

Мура негромко рассмеялась:

– Вот видишь! Ты даже не знаешь, что такое женские сапоги. Мягкие, красивые, удобные, на каблучке. А мы каждый сезон покупали себе новые, а старые выбрасывали. Не потому, что они уже сносились, просто в один сезон было модно... – она рассеянно пощелкала пальцами, подбирая определение, – правильно, прилично, необходимо для того, чтобы тебя уважали и считали красивой и современной... одним словом, сегодня модно носить сапоги со стразами, это такие маленькие блестящие камешки, завтра – с вышивкой, а послезавтра – с пряжками. И ведь все искренне верили, что только так правильно, нам это внушали со всех сторон.

Как будто ты неполноценная, если на тебе сапоги из коллекции прошлого сезона. Поэтому я не удивляюсь, что все кончилось крахом. Теперь вот люди опять рады, если есть хоть пара целой обуви. Вспомнили, что вещи – это не главное в жизни. Хотя, конечно, – вздохнула она, – в прежней жизни было придумано много полезного. Взять хоть одноразовые носовые платки.

У Нюты, впрочем, создалось впечатление, что Мура сокрушается как-то неискренне.

– А что, по-вашему, главное в жизни? – спросила она.

– Ну, на это даже я тебе так сразу не отвечу. Об этом лучшие умы на протяжении веков думали, и то никто толком не знает. Все относительно. В целом – выжить. Для муравьев – сберечь муравейник и продолжить свой род. Для нас – развиваться, совершенствоваться, раскрывать свои уникальные способности. Сберечь накопленные до нас знания, а по возможности, и приумножить. Тем же занимаются брамины в Полисе. Я бы охотно перебралась туда, но они почему-то считают нас чуть ли не шарлатанами. Возможно, просто конкуренции боятся. Впрочем, я бывала в Полисе, и Вэл тоже, у нас есть там знакомые. Кстати, Вэл вообще думает, что здесь, в метро, условия для людей духа даже лучше, чем на поверхности. Потому что меньше соблазнов. Детей заводить он не хочет, говорит, что не желает плодить себя в этом мире. Впрочем, один прокол у нашего красавца все же случился, но он делает вид, что никакого отношения к этому не имеет.

Слушая Муру, Нюта наконец осознала, кого напомнил ей Вэл. У Машиною сына были такие же, чуть навывкате, глаза и те же светлые кудри.

– А на что Вэл живет? – спросила она.

– Он легко относится ко всему – была бы еда, и хорошо. Когда нечего есть, устраивает концерты – поет песни под гитару. Он очень талантливый, и голос у него красивый, а людям всегда нужно какое-то развлечение. Они чуть ли не последнее готовы отдать, если найти ключик к душе. Вэл знает, что здесь лучше петь какие-нибудь героические баллады, чтобы вернее растрогать слушателей, а вот на Ганзе, где народ сытый, хорошо принимают песни про любовь. И хотя мы, конечно, стараемся этого не афишировать, – Мура понизила голос, – но Вэлу случалось бывать и в Рейхе, на Пушкинской, у него там много знакомых. Фашисты предпочитают слушать песни на стихи Киплинга, был такой поэт, он во главу угла ставил белого человека, который преобразует мир под себя. Еще там уважают всякую мистику, героические марши, но немало ценителей и просто сентиментальных песенок. Вэл вообще считает, что искусство не знает границ и должно быть выше политики.

Нюта хотела расспросить поподробнее о фашистах, которых ей довелось видеть на Белорусской, но потом передумала. Вряд ли это именно та информация, которая необходима ей в первую очередь. А если через день-другой она все же погибнет, тем более неважно, успеет ли она до этого узнать,

кто такие фашисты и почему о знакомстве с ними нужно говорить потише.

Мура заметила, что девушка выглядит усталой, и ласково погладила ее по плечу.

– Тебе надо отдохнуть. Ступай к себе и подумай обо всем. А к нашему разговору мы скоро вернемся.

Проводив Нюту, Мура откинулась на подушки и задумалась. Похоже, ее миссия увенчалась успехом. Главное девушке она уже сообщила, и та потихоньку начинает свыкаться с мыслью о походе на поверхность. Еще немного, и можно будет сообщить коменданту о ее согласии. Тогда все вздохнут облегченно, хотя бы на какое-то время. Кора, конечно, редкостная идиотка, но своя, не выдавать же ее. А вдруг девушке и впрямь удастся победить монстра? Для людей индиго это было бы неслыханным торжеством, муравьи сразу прониклись бы к ним огромным уважением. «К сожалению, такой исход маловероятен. – Мура вздохнула. – А жаль, у девчонки явно очень сильные способности, и она могла бы стать истинным украшением клана. Впрочем, еще неизвестно, нужна ли нам всем такая конкурентка?..»

* * *

Когда Нюта вернулась к костру, Маша ожесточенно вязала, изредка прикрикивая на сына, который играл тут же рядом. Увидев Нюту, она сразу спросила:

– Ну как, рассказала она тебе? Вот гадина! Ненавижу их! Мы для них сор под ногами, переступят и не поморщатся.

– Вэл тебе совсем не помогает? – ответила Нюта вопросом на вопрос.

– Она и это тебе рассказала? – Маша оглянулась на сына.

– Да нет, в общем-то. Я сама догадалась, как только его увидела, – Нюта понизила голос, чтобы не услышал мальчик.

Маша помолчала.

– Нет, не помогает, – наконец ответила она. – Но вообще-то я с самого начала знала, что так и будет.

– Зачем же ты тогда... – Нюта не договорила.

– А-а, – с деланой беспечностью махнула рукой женщина, – ребенка-то мне все равно хотелось завести. Здесь лучше рожать пораньше, иначе потом ни сил, ни здоровья не хватит. Я только боялась, не родился бы какой-нибудь мутант. Вон Веркина дочка, ты ее видела – форменная дебилка. Но, видно, у отца гены оказались хорошие – хоть тут не прогадала.

– Твой сын очень похож на него. Другой бы гордился: ребенок бойкий, смысленый.

– Слишком даже бойкий, – покачала головой Маша. И вдруг поднялась, потянув Нюту за собой. – Пойдем-ка в палатку, пошепчемся.

В палатке никого не было. Маша села и уставилась на Нюту лихорадочно блестящими глазами:

– Ну, рассказывай, что ты теперь будешь делать? Пойдешь

убивать зверя?

Нюта пожала плечами, словно говоря: «А куда мне девать-ся?» Маша всплеснула руками:

– Не глупи, тебе с ним не справиться! Вот послушай, – и она приложила палец к губам.

Нюта не понимала, что она должна слушать? Поблизости раздавались голоса, потом захныкала девочка, и какая-то старуха крикнула: «Тише, оглашенная!» Издали опять доносились глухие удары по металлу.

– А что там гремит, Маша? Ты прошлый раз не ответила мне. Рельсы чинят?

– Кой черт их чинить? Тут дрезины уже почти не ходят. Нет, это не рельсы и вообще не люди. Стучат снаружи – в гермоворота. Это зверь рвется к нам.

Нюта похолодела.

– Вот так вот, – мрачно сказала Маша. – И никто не знает, сколько времени еще выдержат ворота. Оттого-то у нас на станции невесело. Люди уже не знают, как спастись, вот и готовы верить во всякие бредни. Но ты хотя бы по этим звукам можешь догадаться, какой этот зверь сильный. Ты ж ему – на один зуб. Только полные идиоты могут надеяться, что девчонка победит там, где спасовали сильные мужчины. Видно, только такие у нас и собрались. Все, понимаешь, куда ждут и того не понимают, что чудо – не для таких, как мы. Они, наверное, для очень отдельных людей по спецзаказу совершаются. По крайней мере я вот почти тридцать пять

лет прожила, столько про всякие чудеса слышала и читала, а вот собственными глазами ни одно пока что не видела. Да и не увижу никогда, как мне кажется.

Нюта поникла головой. Похоже, Маша была права.

– Неделю назад они уже отправили наверх одну девчонку, – продолжала Маша. – Бедненькая, наверное, и двух шагов по поверхности сделать не успела. А ему, видно, понравилась человечина. Мало ли всяких гадов на поверхности, так нет же, людей ему подавай. Видно, мы слаще. Мне и ту девчонку было жалко, хоть я ее не знала совсем, а тебя мне вдвойне жалко. Знаешь что! – горячечно зашептала она, – Уходи отсюда сегодня ночью. Лучше обратно на Баррикадную и оттуда на Ганзу, туда наши, даже если погонятся, за тобой идти побоятся. А вот если на Беговую отправишься, то Конфедерация может потребовать твоей выдачи, а оттуда убегать уже некуда – туннели к Полежаевской взорваны.

– Да меня же не выпустят без документов, – сказала Нюта, но женщина, судя по всему, уже и это продумала.

– Возьмешь мой пропуск. Ты, правда, на меня не очень похожа, но если на ночь глядя, когда освещение приглушат, да голову косынкой прикрыть и в разговоры особо не вступать, то, может, и сойдет. Другое дело, что тут у нас комендантский час, и ночью без серьезных причин никого никуда не выпускают, но до конца дня, глядишь, что-нибудь придумаем. Кстати, говорят, что если от нас в сторону Баррикадной идти, то, немного не доходя, можно найти какой-то под-

земный ход в сторону Белого Дома, там до Катастрофы руководство страны находилось. Можно попробовать поискать этот отнорок и в нем пару дней отсидеться на всякий случай, пока шум не уляжется.

Нюта поежилась: похоже, Маша немного не в себе, иначе не предлагала бы такие отчаянные вещи. Вот удивительно, совсем недавно ей самой хотелось бежать, а сейчас, вроде, и помощь обещают, и какой-никакой план есть, а у нее почему-то вся решимость пропала. К тому же был еще один неприятный момент.

– Послушай! Ну хорошо, допустим, у нас все получилось и я сбежала. А ты-то как же? Ваш комендант, судя по всему, тот еще гад. Ты представляешь, что он с тобой сделает, когда узнает, что ты мне помогала?

– Да откуда он узнает? Про пропуск скажу, что ты его у меня во сне вытащила, да и вообще, пошли они все! – злобно сказала Маша.

– Нет, не надо, – решительно положила ей руку на колено Нюта. – Во-первых, они тебе могут и не поверить или просто с досады отыграются. А у тебя ребенок маленький. Кто его будет растить, если с тобой что-нибудь случится? Здесь у вас, я вижу, люди совсем озверели, чего доброго, не найдя утром меня, решат пересмотреть свое пророчество, да и пошлют вместо сбежавшей чужой свою «избавительницу». Тебя.

– Запросто, – мрачно кивнула Маша. – Потому как они до того уже дошли, что и малых детей не пожалеют, если эта

полоумная дрянь Кора, обожравшись грибов, что-то в своем шаре увидит! Вот бы кого зверю скормить, на пару с Мурой, да только, думаю, он ими побрезгует...

— Да уж... — невесело улыбнулась Нюта. — А я... Наверное, я просто устала бегать. С тех пор как бежала со своей станции, все несусь, несусь, точно затравленная крыса. Надоело! Будь что будет!

Маша как-то непонятно взглянула на нее, буркнув: «Ну, будь по-твоему», и вылезла из палатки.

Вечером, ворочаясь без сна, Нюта мучительно раздумывала. Еще не поздно было согласиться бежать. Возможно, ей это удалось бы. Но что дальше? Опять скитания. И потом, другого пути на Беговую нет. Уйди она сейчас на Краснопресненскую, и с надеждой когда-нибудь отыскать мать можно смело распрощаться. Да и Маша, как та ни хорохорится, все же сильно рискует. Именно потому, что нервы людей, в другой ситуации, возможно, не таких уж плохих, сейчас взвинчены до предела. Что тогда будет с ее сыном, который даже для родного отца лишь напоминание о досадной ошибке? Хорошо, если какая-нибудь сердобольная женщина о нем позаботится, а если нет? Придется мальчишке питаться объедками и благодарить за чужие обноски. Нюта вспомнила свое собственное детство и поежилась, а ведь у нее хотя бы баба Зоя была. «Ну и пусть мальчишке придется плохо, — сказал внутри нее какой-то мерзкий, скрипучий, сварливый

голос. — Тебе-то какая разница? Он тебе кто? Между прочим, и его, и Машу ты знаешь неполные два дня. Лучше бы о себе подумала в первую очередь». Но, как ни странно, девушке было не все равно, что станет с Машиным сыном. Стараясь понять, почему, она с удивлением обнаружила, что на этой станции ей... понравилось! И ее обитатели уже не кажутся ей чужими... И Маша с сыном, и Мура с ее детским эгоизмом, и Вэл, так замечательно рассуждавший о людях духа и при этом не замечавший родного сына, и даже лысый комендант, ответственный за всех и разом лишившийся обоих родных людей. Пожалуй, на этой станции ей действительно хотелось бы жить, и невыносимо было думать, что ее обитатели останутся без последней надежды и будут постоянно прислушиваться, как ломится в гермоворота жуткая тварь. И так до тех пор, пока в однажды они не рухнут...

И если уж в Нютиной жизни не было смысла... Почему бы не сделать так, чтобы смысл был хотя бы в ее смерти. Умереть, чтобы попытаться спасти людей, у которых нет иной надежды... Все равно иначе ей на Беговую не попасть.

Решено! Будь что будет, а она впервые попытается встретить опасность лицом к лицу и сражаться!

Ей опять приснился сон про Зоопарк. Не обращая внимания на бьющегося в клетке лемура, на прыгавших вокруг лам, которые, впрочем, ее не трогали, Нюта подошла поближе к пруду. На этот раз лебедей видно не было и темная

гладь воды в свете месяца была обманчиво спокойной. Но от этого становилось еще страшнее. «Может быть, тот, кто сидит в пруду, сожрал всех лебедей?» – подумала Нюта, но, тем не менее, сделала еще несколько шагов вперед. Вокруг тревожно заверещали какие-то птицы, и девушка обратила внимание, что посредине пруда вроде бы виднеется островок. В это время одна лама попыталась цапнуть ее за руку, и Нюта отвлеклась, отгоняя агрессивную, но трусливую тварь. Когда она снова посмотрела вперед, островок как будто увеличился в размерах. Тогда Нюта нарочно отвернулась. Птичий крик стал еще громче. Она быстро посмотрела на воду и увидела, что островок превратился в небольшую горку с глянцевито-черной поверхностью, напоминающей кожу водяных из Химкинского водохранилища. Но сколько Нюта ни вглядывалась в нее, до боли напрягая глаза, ничего не происходило. И тогда она отвернулась в третий раз. Птичий крик моментально стал невыносимо громким, так что ей захотелось больше не поворачиваться к воде и немедленно бежать подальше из этого жуткого места. Но она все-таки обернулась, через силу, будто кто-то тянул ее на невидимой веревке, и поняла, что опоздала. Уже не таясь, из воды поднималась огромная темная масса, сверкающая многочисленными злобными глазами, шевеля щупальцами и присосками. Нюте даже показалось, что она чувствует тяжелый болотный смрад, запах гнили и разложения. Она вскрикнула и тут же проснулась.

Как истолковать этот сон, девушка не знала. Ей предстояло сражаться совсем с другим монстром, да и Мура, наверное, не зря советовала обойти Зоопарк стороной. Нюта решила, что эти видения нельзя считать каким-то пророчеством, просто она наслушалась местных баек и переволновалась, вот ей и снятся кошмары. К тому же еще живы были воспоминания о первом путешествии по поверхности и жутких обитателях водохранилища. Наверное, с тех пор все, что было связано с водой, казалось ей особенно опасным.

Глубоко вздохнув и слегка успокоив отчаянно стучащее сердце, Нюта решительно откинула полог палатки. Сейчас она приведет себя в порядок и позавтракает, а потом пойдет к Муре и сообщит, что согласна сражаться со зверем.

* * *

Как только стало известно, что девушка, пришедшая с Севера, согласна защищать станцию, люди ожили и засуетились. Каждый старался что-нибудь сделать для Нюты. Кто-то нес еду повкуснее, кто-то – нарядную чистую рубаху, как будто ей не все равно было, что натягивать под комбинезон. Ее собирали всем миром.

Мура, как и обещала, рассказывала Нюте, что она увидит, очутившись на поверхности:

– Как только выйдешь, будет небольшая площадь. Раньше на ней палатки стояли, где торговали мороженым, газе-

тами и продуктами, но незадолго до Катастрофы их посносили. Так что прямо перед тобой будет большой памятник бойцам прежнего времени – мужчины, женщины и даже одна лошадь. Это я к тому, чтоб ты не пугалась зря, а то еще подумаете в темноте, что они живые.

Нюта поделилась с ней своим наблюдением: чем ближе к центру, тем больше увековечено вооруженных людей. Видно, непростая была жизнь у людей в большом городе наверху.

Женщина захихикала и произнесла совершенно непонятную фразу:

– Ну да, чем дальше в лес, тем толще партизаны. Это ты еще памятник Петру Первому не видела!

Вообще Нюта заметила, что, получив ее согласие, Мура пришла в прекрасное расположение духа. «Конечно, ей-то что! Она остается на станции, в безопасности, по крайней мере – пока. Ее, небось, еще и зауважают за то, что сумела так хорошо все уладить и уговорить меня. И всем будет плевать, что у их спасительницы просто не было выбора. И так пропадать, и этак».

– Ты сначала не торопись, осмотришь, – продолжала тем временем Мура. – За памятником будут расходиться на три стороны широкие дороги. Ну прямо как в старой сказке, – она опять захихикала, – стоит богатырь на распутье и гадает: направо пойдешь – коня потеряешь, налево – сам погибнешь... Впрочем, коня у тебя все равно нет, так что особо терять нечего, но направо все равно не ходи. Там здание

высотное стоит, где прежде был большой полиграфический комплекс. Многие газеты и журналы там делались. А что теперь там творится – не знаю, но, говорят, ничего хорошего. Несколько раз там привидение видели, высокий человек в черном костюме. Сталкеры его почему-то «черным журналистом» называют. Само по себе оно безобидное, выйдет, стоит и смотрит молча, а вот следом за ним начинают выползать другие «сотрудники» – уже из плоти и крови, с зубами и клыками. Он как будто командует всей этой шушерой. Одним словом, правая дорога не для тебя. Тем более, что чуть дальше Ваганьковское кладбище, а хуже мест в Москве немного.

– А как я пойму, что это привидение? – спросила Нюта. – Ну, журналист этот. Может, это кто-нибудь из сталкеров?

– Во-первых, сталкеры не ходят в костюмах и галстуках. Мода у них, понимаешь, немного другая. А во-вторых, запомни важное правило: если на поверхности увидишь человека без противогаза, значит, это уже не человек.

Нюта потрясенно кивнула, вспомнив отшельника из оврага, а Мура продолжала:

– Прямо пойдешь – совсем пропадешь. Там бульвар как бы. То есть, это раньше был бульвар, а сейчас дебри непролазные, где всякая нечисть гнездится. А еще дальше в ту сторону – река.

Нюта вздрогнула.

– Вижу, об этом тебе можно не рассказывать, – заметила

женщина. – Ну, и самое главное. Налево пойдешь – к Зоопарку придешь. Если успеешь, конечно. Там будет такая улица широкая, а потом с левой стороны увидишь изгородь из железных прутьев, кое-где проломленных. Как увидишь – лучше сразу на другую сторону и бочком-бочком, в тени домов, тише мыши пробирайся. Потому что за той изгородью как раз пруд. А кто сидит в пруду, тебе наверняка уже рассказали. Я уж не говорю об остальных, которые на территории хозяйничают.

Нюта кивнула.

– Но с другой стороны, – продолжала Мура, – ты должна на всякий случай знать, что там совсем рядом есть еще входы в метро. Справа будет небольшой круглый павильон – «Краснопресненская». Там еще за ней высотка стоит, похожая на дворец, почти не разрушенная, – приметный ориентир. А если миновать Зоопарк, то слева через дорогу будет вход на станцию «Баррикадная». Я не думаю, что ты туда доберешься, но на всякий случай лучше тебе все это знать – не помешает.

– А про Зверя можете хоть что-нибудь рассказать?

– Зверь чаще всего находится возле ворот, – поскучив, сказала Мура. – Обычно его издалека слышно, но иногда наступает затишье, словно тварь куда-то отлучается. Ненадолго, правда. Мы попробуем тебя выпустить как раз в такой момент, чтобы было время осмотреться. Может, тебе и повезет. Я, по крайней мере, очень на это надеюсь.

– А если я его не встречу? – спросила Нюта. – Ну, вдруг он сам уйдет?

– Это было бы слишком хорошо, – вздохнула красавица, – и на такое рассчитывать не стоит. Будем хотя бы надеяться, что он не бросится на тебя сразу, как выйдешь, и тебе удастся занять какую-нибудь стратегически выгодную позицию. Остальное – судьба.

– Но как он выглядит хотя бы?

– Этого мы, увы, не знаем. Я с ним не встречалась, а те, кому не посчастливилось, к сожалению, уже ничего и никому рассказать не могут...

Комендант лично провел с Нютой краткий ликбез по обращению с автоматом и ручной гранатой. Даже устроил рядом со своей Комендатурой что-то вроде тира и позволил девушке сделать пять выстрелов в нарисованную углем на листе фанеры мишень. Нюта позорно промазала три раза, на четвертый зацепила самый краешек фанеры, зато пятый патрон исключительно по счастливой случайности попал точно в «яблочко». Наблюдавшие за «стрельбами» обитатели станции отчаянно захлопали в ладоши, затопали ногами и засвистели, выражая свой восторг. А Нюта лишь расстроилась, вспомнив слова Маши насчет чуда: неужели люди настолько отчаялись и действительно верят, что от ее похода будет какой-то толк?

Провожали спасительницу всей станцией от мала да велика. Несмотря на то что время было позднее, притащили даже

грудных детей, которые, само собой, крепко спали. Для Нюты возвели небольшую трибуну из каких-то ящиков, чтобы каждый мог видеть отважную воительницу.

– Та-то, предыдущая, не в пример трусливее была, – переговаривались в толпе. – А эта ничего, даже не плачет. Глядишь, и будет толк.

– Собрались, как на праздник! – неодобрительно сказала Маша.

– А у нас и есть праздник, – саркастически откликнулся кто-то из толпы. – Называется – праздник общей беды.

Тряхнув головой, Нюта обвела взглядом толпу. Она уже была в защитном комбинезоне, но еще не надела противогаз.

– Может, у тебя есть какое-нибудь пожелание, которое мы можем выполнить? Скажи, мы все сделаем для тебя, – обратился к ней незнакомый человек, стоявший рядом. Толпа одобрительно загудела, и Нюта задумалась. Чего можно пожелать перед смертью? Пить вроде не хочется, есть – тем более. Попросить разыскать мать на Беговой? Вряд ли она обрадуется, когда узнает, что давно потерянная дочь нашлась только затем, чтобы погибнуть буквально в двух шагах от нее? Пожалуй, не стоит. Если случится чудо и она останется жива, то найдет ее сама. Других желаний у нее не было, но разочаровывать этих несчастных людей, которые твердо настроились хоть как-то искупить свою вину перед ней, не хотелось. Тут Нюта встретила взглядом со всхлипывающей Машей, и ее неожиданно осенило.

– Я хочу, чтобы Вэл признал своего сына! – звонко произнесла девушка.

Люди замерли. Нюта увидела, как вздрогнул стоящий поблизости Вэл. В глазах его сперва мелькнул ужас, потом какой-то непонятный восторг. Он протянул руки в ту сторону, где среди толпы стояла Маша с сыном. Мальчика подняли и начали передавать из рук в руки. Наконец его вручили Вэлу, и он высоко поднял ребенка над толпой.

– Смотрите все! Вот мой сын! – крикнул он так, что под сводами станции прокатилось гулкое эхо. Маша плакала, люди вокруг аплодировали и оживленно обсуждали случившееся.

– И все-таки ты наша, индиго, – усмехнулась стоящая рядом Мура. – Не можешь без эффектов. Но вообще-то это ты хорошо придумала. Теперь он должен будет заботиться о мальчике, и думаю, это ему самому пойдет на пользу. Давно пора повзрослеть, а то полголовы седины, а в душе – сущее дитя.

Люди продолжали хлопать в ладоши, и, глядя в их глаза, Нюта как бы увидела себя со стороны. Молодая, отважная, красивая девушка с рассыпавшимися по плечам защитного комбинезона светлыми волосами и с автоматом наперевес. Точно какое-то сверхъестественное существо, карающий ангел. Она вдруг поняла то странное выражение, с которым Вэл смотрел на нее при первой встрече. Нет, ни на минуту она не казалась гадким утенком по сравнению с ними. Она была

настоящим лебедем, еще более красивым и сильным, и они склонялись перед ней.

Нюта повелительно подняла руку. Аплодисменты тут же смолкли, и в наступившей тишине она произнесла одно-единственное слово:

– Пора.

Глава 8

Битва титанов

Охранники, провожавшие Нюту до ворот, долго прислушивались. Снаружи вроде было тихо, поэтому, коротко посоветовавшись, решили рискнуть. Створки ворот едва-едва приоткрылись, так что девушка с трудом, боком протиснулась в образовавшуюся щель, и тут же снова сомкнулись. Нюта осталась одна.

Не торопясь и стараясь ступать как можно тише, она стала подниматься по заржавевшему эскалатору, зачем-то считая ступеньки. С поверхности доносились странные ночные звуки – что-то вздыхало и ухало.

– Ничего, – подбадривала себя девушка. – По крайней мере, Зоопарк не слишком близко.

Как учил комендант, она сняла автомат с предохранителя и тихонько вышла в замусоренный вестибюль, а потом и наружу. Светила бледная луна. Помня о совете Муры, Нюта замерла и закрутила головой. Так, прямо перед ней расстилается площадь с темной громадой памятника в центре. Кажется, восемь фигур, и лошадь не одна, а две, хотя сквозь стекла противогаза, да еще ночью, не очень-то разберешь. Да и как-то не до того сейчас. За памятником, как и рассказывала Мура, расходятся на три стороны широкие улицы, напротив – густые и темные заросли, справа и слева в отдалении воз-

вышаются дома. В отличие от района Сходненской, где они стояли просторно, на значительном расстоянии друг от друга, здесь строения разной степени поврежденности лепятся почти вплоты. Откуда-то доносятся тоскливые завывания, кажется, как раз с той стороны, где находится Зоопарк. И никаких свидетельств присутствия Зверя.

Нюта даже слегка растерялась: почему-то она была уверена, что противник набросится на нее сразу же, как только она покинет вестибюль, и теперь не знала, что делать дальше.

Постояв еще немного, изо всех сил прислушиваясь к ночным звукам, девушка, наконец, решила и, то и дело озираясь, потихоньку пошла мимо памятника в направлении самой широкой улицы. Когда Нюта проходила мимо молчаливой громады, то ей на мгновение почудилось, что одна из фигур на постаменте шевельнулась. Девушка замерла, направив на памятник ходящий ходуном ствол автомата. Нет, все же показалось.

Очувтившись на середине улицы, Нюта задумалась, куда повернуть? Слева, со стороны Зоопарка, вновь раздались жутковатые звуки, и девушка, как замороженная, потихоньку направилась туда. «Может, у Зверя там логово? И когда он на время оставляет станцию в покое, то уходит как раз туда?»

Нюта брела по улице среди заржавевших автомобилей, стараясь сдержаться и не заглядывать мимоходом внутрь и время от времени оглядываясь назад, на памятник. Ночь и нервное напряжение странно шутили с ее зрением – девушке

все время казалось, что отдельные элементы памятника каждый раз стоят в другой позе и на другом месте, а на третий раз из самой середины скульптурной группы на освещенный лунной пятachок асфальта выдвинулась длинная черная тень. Нюта ускорила шаги.

«Что я, дура, делаю? – думала она. – Вместо того, чтобы спрятаться где-нибудь рядом со входом на станцию и ждать, когда Зверь соизволит появиться, тащусь в Зоопарк, от которого меня все предостерегали...» И все же продолжала идти.

Через какое-то время Нюта поняла, что различает среди ночных звуков какое-то странное постукивание. Не очень громкое, но ритмичное, из-за чего она и обратила на него внимание. В очередной раз оглянувшись, девушка не сразу поняла, в чем дело. Что-то огромное возвышалось над ней, заслоняя луну. И только несколько ударов сердца спустя Нюта осознала, что перед нею цель ее поиска. Зверь.

«Скорее, Тварь, – мелькнула идиотская мысль. – Мне почему-то кажется, что это самка».

Проклятие Улицы 1905 года больше всего походило на гигантское насекомое. Толстые членистые конечности, брюшко из сегментов, что-то вроде крыльев на спине и изящная овальная голова, с которой на Нюту глядели прекрасные, скорбные, удлинённые глаза. А под ними мерно шевелились челюсти, при виде которых девушка похолодела. Она стояла, замороженная, не в силах сделать и шага и даже не пытаясь воспользоваться автоматом или гранатами: с первого взгляда

было понято, что этим жалким оружием Тварь не возьмешь, тут нужно что-то помощнее. Жалко, что Нюта никому уже не успеет сообщить эту важную информацию...

Тварь наклонилась над ней, сложив передние лапки на груди и склонив голову набок. Казалось, она умиленно разглядывает свой поздний ужин, словно гипнотизируя его взглядом. Всласть насмотревшись и, видно, решив, что опасаться нечего, Тварь молниеносно схватила Нюту передними лапами, подняла примерно на высоту второго этажа и, приблизив к голове, продолжила изучение. Черные, продолговатые, выпуклые глаза существа были печальны, словно у Богоматери с иконы, которую девушка видела у одной из работниц на Динамо. Казалось, Тварь и сама скорбит по поводу того, что собирается сделать с жертвой. Потом Нюта почувствовала жгучий укол в предплечье, и мир для нее померк.

* * *

Кирилл наслаждался беседой с пожилым книготорговцем. За два дня они успели обсудить большую часть обитателей Зоопарка и перейти к нынешним представителям фауны.

– Нет, представьте себе, – восхищался тот, – там было более тысячи видов и, соответственно, шести тысяч особей! Конечно, многие наверняка погибли в момент Катастрофы. Так уж получается, что обитатели Зоопарка то и дело страдали от людских разборок. Он был основан около двухсот

лет назад, и во время революции как раз в этих районах шли ожесточенные бои. Представляете, сколько ни в чем не повинных животных тогда было уничтожено? Потом война, бомбежки и, наконец, всем нам известный финальный аккорд, так сказать. Причем вовсе не обязательно, что смерть бедных животных наступила вследствие травм или действия радиации, — многие могли банально погибнуть от голода, или же их доконала первая же зима. Те же обезьяны, например, привыкли совсем к другим условиям, и без отапливаемых вольеров им наверняка пришлось туго. Хотя, может, для них это стало стимулом научиться разводить костры, взять в руки палку, а там, кто знает, они могли бы дать начало новому виду людей, куда более совершенному! Ведь уцелевшие в подобной передрыге наверняка приобрели такие качества, которым и мы можем позавидовать. Знаете, сталкеры рассказывают, что иногда на поверхности им попадались двуногие существа, быстро убегавшие при их приближении. Возможно, если бы изловить одного, мы узнали бы много нового и интересного. Правда, есть глупцы, которые поговаривают об оборотнях, но просвещенные люди не станут верить в такую чушь!

Впрочем, при этих словах торговец непроизвольно понизил голос.

Кирилл смутно вспомнил, что, по рассказам отца, начало роду человеческому, кажется, положили человекообразные обезьяны. Впрочем, если верить все тому же книготорговцу,

таких в московском Зоопарке было всего несколько экземпляров, а преобладали, в основном, мартышки, но спорить с восторженным чудаком не хотелось. К тому же, кто знает – возможно, радиация и впрямь творит чудеса...

– А знаете, молодой человек, какую тут у нас рассказывают легенду? – продолжал торговец. – Будто один одержимый зоолог, оказавшийся в момент Катастрофы в метро, несколько раз поднимался на поверхность, чтобы спасти кое-кого из своих любимцев, и даже приносил их вниз. Но потом жители его станции возмутились: животные занимали место, им требовалась еда, которой и людям-то не хватало, они шумели и, pardon, гадили. Наконец, некоторые из них, навроде ядовитых змей, были даже опасны, а еще какую-то отнюдь не травоядную зверушку этот чудак держал даже не в клетке, а так, на поводке. А ведь на станции дети... В общем, когда все чаще стали раздаваться призывы прикончить всю живность скопом, пока не поздно, или даже разнообразить за ее счет, так сказать, станционное меню, ученый со зверьем и своей дочерью, фанатично преданной отцу и науке, ушел куда-то в туннели под Белым Домом. Что с ними потом случилось, никто не знает. Может, сожрали свои же питомцы, а может, до сих пор живут себе где-нибудь. По крайней мере, к нам на станцию иногда заползали самые странные гады. Кто-то, кажется, даже видел крылатых змей. Но откуда они взялись – сверху или из коллекции этого фанатика, сказать трудно.

В общем, Кирилл был почти счастлив. С первого же дня

торговец предложил парню помогать ему с книгами, взамен делясь едой.

– Оставайтесь жить у нас, – в который уже раз предлагал старик. – Не думайте, что тут скучно, – порой встречаются умнейшие люди. Мы даже, смешно сказать, небольшой подпольный кружок организовали, помесь общества декабристов с Коминтерном, да-с.

– Это мутанты такие? – не понял Кирилл. Старик тонко засмеялся:

– Да нет, отчего же? Вполне себе нормальные люди, довольные существующим режимом.

– Каким режимом?

– Т-с-с, не надо так громко! Кто каким. Один от фашистов бежал, другой от красных, даже в столь милом вашему сердцу Полисе встречаются диссиденты. Думаете, там все так уж безоблачно?

– Да я политикой как-то не интересуюсь, – слегка смутился Кирилл.

– Ну, и не надо, так оно спокойнее, – согласился торговец. – Я, честно говоря, тоже не очень. Был как-то у них на заседании – они все войну по-новой перевоевывают. Я посидел-посидел, да и ушел – скучно стало. С другой стороны, все какое-то разнообразие в жизни...

И все было бы просто замечательно, если бы Кирилл знал, что с Нютой. Ему удалось выяснить, что на Беговую девушка отправилась в компании челноков. Это отчасти успокаивает.

вало. Но вот сегодня, когда те вернулись и Кирилл разыскал их старшего по имени Васильич, чтобы узнать подробности, оказалось, что все не так уж хорошо. Мужчина недружелюбно посмотрел на него и буркнул:

– Девушка? Светленькая такая? Она на Улице 1905 года задержалась, и больше мы о ней ничего не знаем. – А потом мрачно добавил: – Получше следить надо было за ней...

Больше он ничего не сказал, но Кирилл заметил, что одна из женщин-челноков делает ему знаки. Он отошел и встал неподалеку. Улучив момент, женщина присела, якобы для того, чтобы завязать шнурок на ботинке, и прошептала:

– Больше ты ее не увидишь, парень.

– Да что случилось-то? – занервничал Кирилл.

– Тише ты! Тебе ничего не будет, а вот мне.... Нюту твою решили на поверхность отправить, Зверю на съедение. Бедняжки уже, наверное, и в живых-то нет.

Женщина встала и, нервно озираясь, поспешила обратно к своим, а Кирилл схватился за голову. Он ничего не понимал – кто решил, почему, и что за Зверь, но чувствовал: случилось что-то очень плохое. Подойдя к торговцу, парень поделился с ним новостью.

– Я кое-что про все это слышал, – сказал тот. – Похоже, они все-таки решились пойти на крайние меры и попытаться умиловить терроризирующее их чудище жертвой.

– Что ж вы нас не предупредили?! – вскричал Кирилл.

– Я пытался, но вы не слушали. К тому же нам не разре-

шают болтать. Наше руководство предпочитает делать вид, что все в порядке и никакого Зверя нет. Дескать, все это не более чем досужие выдумки истеричных женщин. Потому что иначе пришлось бы оказывать помощь жителям соседней станции, как-никак, считается, что наша Баррикадная, Улица 1905 года и Беговая – единая Конфедерация.

– Но это же черт знает что такое! – вспыхнул парень. – Какая-то дремучая дикость! Неужели люди могут пойти на подобное?

– Вы даже представить себе не можете, молодой человек, на что они могут решиться, если их зажать в угол, – покачал головой старик. – Это называется коллективным эгоизмом. Скажу больше, потом они еще и сумеют найти себе оправдания, убедить самих себя, что другого выхода просто не было.

Кирилл обхватил голову руками.

– Господи, что же мне делать?.. Надо идти туда, на Улицу 1905 года, – внезапно решил он. Книготорговец вновь покачал головой:

– И что вы там будете делать? Требовать справедливости? Мстить этим несчастным людям, от страха потерявшим голову? Поверьте, в этом нет никакого смысла, равно как и в самобичевании. С другой стороны, ваша подруга, быть может, еще жива. И если вы и вправду готовы на все, чтобы ей помочь... В общем, есть один человек...

– Ведите меня к нему! – потребовал Кирилл. – Немедленно!

При виде человека, к которому его подвел старик, парень с трудом сдержал возглас изумления. Тот был невысоким, рябым, с темными курчавыми волосами и почти коричневой кожей, а в лице его было что-то обезьянье. Откликнулся он на прозвище Мулат.

Торговец объяснил, в чем дело. Мулат молча слушал, шевеля челюстями (казалось, он что-то пережевывает), а потом начал что-то втолковывать Кириллу, быстро-быстро и на какой-то тарабарщине. Уже через пару минут парень взмолился, и торговец, вздохнув, принялся переводить:

– Он говорит – не надо идти на Улицу 1905 года. Если девушка уцелеет, она вернется туда сама. Но шансы невелики. Зато он знает, где логово той твари, на съедение к которой ее отправили. Это недалеко, рядом с нашим выходом на поверхность. Если вы не боитесь, он вас проводит. Уцелеете – подарите ему свой нож. А спасете вы девушку или нет – на то воля судьбы.

Нож с красивой узорчатой рукоятью был сделан заводскими умельцами еще на Тушинской. Кириллу его подарил на день рождения отец, и парню уже не раз предлагали продать его или обменять на что-нибудь полезное, но он всегда отказывался. А вот сейчас согласился, даже не раздумывая.

Когда Нюта открыла глаза, то обнаружила, что находится в каком-то помещении, совсем не похожем ни на одну из знакомых ей станций. Голова была тяжелой, в горле пересохло, и еще сильно болело предплечье. Эта боль помогла девушке вспомнить все, что случилось с ней за последнее время. «Слава богу, левая рука, а не правая, – машинально подумала она, – а то не смогла бы с оружием управляться». Автомат по-прежнему висел на плече, гранаты тоже были на месте. Нюта поежилась, представив, как ее швыряют на пол и они взрываются от удара, разнося тело в клочья. Что самое обидное – безо всякой пользы.

Она огляделась. Вокруг стояла какая-то полуразвалившаяся мебель, валялись мешки защитного цвета, а впереди было разбитое окно почти во всю стену, через которое лился мутный свет. «Уже день... Чем-то Тварь меня отравила, – подумала Нюта, – впустила парализующий яд, точно законсервировала на будущее. Значит, со временем явится перекусить, и у меня есть еще один шанс. Стоит осмотреться, пока есть такая возможность».

Она осторожно, на цыпочках подкралась к окну и выглянула наружу. Под окнами проходила дорога, а напротив, за разросшимися кустами, виднелась крыша невзрачного круглого здания. Если бы Нюте случалось бывать здесь раньше,

она бы узнала павильон станции метро Краснопресненская. Чуть правее просвечивал сквозь заросли деревьев легендарный Белый Дом, а сама она оказалась на третьем или четвертом этаже бывшего Киноцентра. Прямо напротив в отдалении возвышалось здание, похожее на дворец, которое она видела на Химкинском водохранилище. То была высотка на Садовом. Вокруг стояли полуразрушенные дома, а вдали виднелись полуобвалившиеся ворота в окружении погнувшихся металлических прутьев. Некому было сказать девушке, что это вход в Зоопарк, но вскоре Нюта догадалась об этом сама по странным звукам, которые доносились с *той стороны*.

Небо было затянуто тучами. Внизу, между ржавыми остовами немногочисленных машин, ползло что-то большое, но едва Нюта попыталась приглядеться, как уловила краем глаза какое-то движение. Она отпрянула от окна, и вовремя – почти на то место, где она находилась, спикировал птеродактиль. Щелкая зубастым клювом, крылатая тварь попыталась уцепиться лапами за торчащие острые осколки окна, не удержалась, а внутрь, видимо, влететь побоялась и с недовольным клекотом взмыла вверх. Нюта поняла, что нужно быть осторожнее.

Она поглядела на какую-то тряпку защитного цвета, валявшуюся поблизости, и вздрогнула. Это действительно был мешок, но с костями – человек, превратившийся в ссохшуюся мумию. Либо эта Тварь высосала его изнутри, либо просто

забыла здесь, и он умер естественной смертью от истощения, не сумев выбраться. Нюта подумала: может, не ждать встречи с ней, попробовать выбраться из здания и спрятаться где-нибудь? Ведь идти с ее арсеналом против такого монстра – все равно, что пытаться остановить поезд, ложась перед ним на рельсы. Но ведь неизвестно еще, что творится на нижних этажах, а днем на улице ее в два счета сцапает какой-нибудь хищник. Тот же птеродактиль, например.

Осмотревшись, девушка насчитала еще штук десять высушенных трупов, одни в защитных костюмах наподобие ее собственного, другие просто в обычной одежде. Видимо, здесь нашли последний приют почти все жертвы Твари – сталкеры и жители близлежащих станций. Возможно, где-нибудь поблизости валяются и останки той девчонки, ее предшественницы, о которой ей рассказывали на станции. Помещение превратилось в братскую могилу.

В дальнем углу лежало что-то похожее на автомобильные шины. Нюта бы не обратила на них внимания, но внезапно ей почудилось какое-то движение. Сначала девушка решила, что из-за действия яда ей опять мерещится всякая ерунда, но нет, одна из шин вдруг снова пошевелилась. «Ну все, – обреченно подумала Нюта, – скоро и диван начнет разгуливать по комнате, а стулья со мной заговорят». Она поняла, что если немедленно не выяснит, что происходит, то окончательно сойдет с ума, и тихонько двинулась в том направлении, на всякий случай сжимая в руке нож.

Приблизившись, она поняла, что шесть лежавших в углу предметов походили на шины лишь отдаленно. Да, они были толстыми, черными и лежали, свернувшись кольцом. Но вот одно кольцо пошевелилось опять, и поднялась вверх головка с любопытными черными глазами и еще не развитыми челюстями. Туловище маленькой Твари обвивалось вокруг кучи тряпья. Нюта пригляделась и похолодела: личинка сжимала в объятиях то, что когда-то было человеком! К счастью, покойник был в противогазе – если бы девушка увидела его лицо, то, должно быть, умерла бы на месте в тот же момент.

А жирная черная гусеница нежно перебирала своими крошечными лапками складки одежды. Казалось, она держит громадную куклу. На минуту головка спряталась в ворохе тряпок, потом вынырнула опять, и глаза задорно уставились на Нюту. Казалось, это создание приглашало ее поиграть.

Теперь Нюта поняла, куда время от времени исчезала от станции Тварь. Она просто относила своим детенышам добычу. Судя по всему, Нюту ждала та же участь.

«Что ж, – подумала девушка, – хоть это я могу сделать для людей – избавить их от потомства чудовища. Хотя кто помещает Твари наплодить новых? Разве только ее самец погиб. Не думаю, что во всем городе найдется больше двух таких существ, иначе он давно бы опустел...»

Держа нож наготове, Нюта осторожно приблизилась, каждую минуту готовая отскочить. Но гусеница, казалось, наблюдала за ней вполне дружелюбно и вообще не выгляде-

ла опасной. Внезапно то, что девушка собиралась сделать, показалось ей отвратительным. Все равно, что убить беспомощного младенца. Но она тут же заставила себя вспомнить тела жертв Твари и живущих в постоянном страхе обитателей Улицы 1905 года. Наметила место, в котором твердая черная головка переходила в мягкую, складчатую шею, и, зажмурившись, чтобы не видеть устремленных на нее глаз, ударила изо всей силы.

Послышалось что-то вроде вздоха. Заставив себя открыть глаза, Нюта увидела, как из разреза хлынула черная жидкость, а существо, выгибаясь, засучило лапками. Агония продолжалась недолго: уже через минуту гусеница застыла, задрав лапки кверху. В мертвых глазах, устремленных на убийцу, чудился упрек.

И тогда Нюта, глотая слезы, принялась уничтожать остальных. К счастью, они не успевали даже проснуться. Не прошло и пяти минут, как все было кончено. Девушка выронила нож, опустилась на пол и заплакала.

Она понятия не имела, сколько просидела так, – пожалуй, на улице стало чуть темнее. Со стороны Зоопарка донесся леденящий душу вой, а потом внимание Нюты привлек странный звук, похожий на громкий скрип, как будто сырое бревно пытаются пилить тупой пилой. С каждым мгновением он становился громче, отчетливее и противнее.

Нюта осторожно выглянула в окно.

Тварь возвращалась. Она мерно вышагивала на своих су-

ставчатых конечностях, чуть пружиня. Видимо, никакого подвоха от обитателей окрестностей она не ожидала просто в силу своей величины.

«Она само совершенство, – против воли, подумала Нюта. – Вот идеал будущего – гигантский черный зверь с прекрасными глазами. Видел бы ее какой-нибудь художник...»

Ни на что не надеясь, девушка все же вытащила из кармана гранаты и положила их рядышком, а потом подняла здоровой рукой автомат. Она не отдаст свою жизнь задаром.

Тварь была уже рядом. Она грациозно приподнялась на задних конечностях, вытянув вперед передние, и оказалась как раз на уровне окна, из которого на нее смотрела Нюта. И снова умильно склонила голову набок, словно любуясь. Но на этот раз девушка не собиралась поддаваться на эти трюки.

«Я только что убила твоих детей, – думала она. – А сейчас, если получится, попробую убить тебя. Ничего личного, просто так уж вышло, что нам обеим на земле места нет. Или мы – вас, или вы – нас. Не думай, что я совсем бесчувственная. Мне было жалко твоих малышей, и я еще поплачу о них, но потом. Если уцелею».

Нюта нажала на спусковой крючок, но в автомате что-то заело. «Гады, снарядили, называется!» Времени на раздумья уже не оставалось, и, выдернув чеку, Нюта с отчаянным воплем швырнула гранату, стараясь попасть в черное брюхо, которое казалось ей самым уязвимым местом. Однако шарик

угодил туда, где оно смыкалось с толстым хитиновым панцирем. Грянул взрыв, полетели ошметки черной плоти. Правда, сама Нюта этого не видела – сразу после броска она тут же рухнула на пол, зажимая уши. Но даже сквозь ладони и звон в ушах было слышно гневное верещание. Вырвав чеку у второй гранаты, девушка не глядя швырнула в окно и ее. Новый взрыв ударил по ушам острой болью. Из левого потекла кровь, а окружающие звуки стали тише. Выждав немного, девушка присела на корточки и осторожно выглянула наружу.

Тварь раскачивалась на месте, угрожающе подняв передние конечности и стрекоча. Одна из боковых лап, перебитая в суставе, безжизненно висела, на асфальт текла густая черная жидкость, но Тварь отнюдь не выглядела умирающей. Нюта поняла, что больше она ничего не сможет сделать, – только ждать, пока обезумевшее чудовище ее прикончит.

Но вдруг земля как будто слегка содрогнулась. Посмотрев вдаль, девушка увидела кое-что пострашнее Твари: ворота Зоопарка вдруг зашатались и с грохотом обрушились, и сквозь них протиснулось огромное мокрое черное щупальце, толстое, как столетнее дерево. «На запах свежей крови могут явиться самые жуткие твари», – с ужасом вспомнила Нюта слова бабы Зои.

И сейчас ее почуял Тот-кто-сидит-в-пруду.

Этого Нюта уже не могла вынести. Заорав, она обхватила голову руками, рухнула на пол и поползла в дальний угол,

тихо подвывая от ужаса. Визг, доносившийся снаружи, стал почти невыносимым и вдруг резко оборвался.

Она не знала, сколько времени пролежала, скорчившись, в углу, но когда, наконец, решилась поднять голову, вокруг было тихо. Подползя к окну, Нюта посмотрела вниз. Почти стемнело, кое-где на асфальте стояли большие лужи грязной воды, да валялась огромная черная суставчатая конечность, все еще судорожно подрагивавшая, рефлекторно сгибаясь и разгибаясь. Это было все, что осталось от наводившего ужас монстра. Нюта старалась не думать о другом чудовище, которое, сцапав добычу, опять уползло в свое логово и затаилось до поры до времени.

Теперь ей будет, чем обрадовать людей. Если, конечно, она до них доберется. Нюта из последних сил поднялась на ноги и, шатаясь, поплелась разыскивать лестницу.

Девушка не помнила, как спустилась вниз. Ей все время попадались не те двери, потом она нашла кабинку, повисшую между этажами. Наверное, раньше люди спускались и поднимались внутри дома в таких кабинках, но теперь-то она не работала. Из-за какой-то двери слышалось ворчание. Раньше Нюта испугалась бы, теперь ей было все нипочем. Она встала на четвереньки и тоже заворчала, хотя ворчать в противогазе было очень неудобно. За дверью сразу наступила тишина, но сил подняться на ноги уже не было, поэтому на первый этаж она просто сползла по лестнице на животе,

распугав каких-то мелких подвижных зверьков. Те поползли вверх по стенам и повисли под потолком, глядя на Нюту кроткими глазами и издавая тихий писк. Еще одно животное молча метнулось ей наперерез возле двери, угрожающе скаля зубы. Нашарив обломок кирпича, Нюта швырнула его в противника. Разумеется, не попала, но зверь так же молча отскочил в сторону и выбежал на улицу. Правда, далеко он отбегать не стал – Нюта видела, как из-за ближайшей машины сверкают его глаза.

Девушка с невероятным трудом заставила себя подняться на ноги и даже сделать несколько шагов. Но она слишком ослабла от голода, жажды и усталости, плюс к тому остаточный эффект от парализующего яда и контузии... Нюта рухнула на дорогу, попыталась приподняться на руке и не смогла. Сама того не зная, она находилась всего в нескольких шагах от спасительной станции метро, но сделать эти шаги у нее уже не было сил. Какая жестокая ирония: выжить в схватке с Тварью и быть заживо съеденной падальщиками!

Существо, притаившееся за машиной, нерешительно подошло поближе. Видя, что лежащая на земле фигура не шевелится, оно совсем осмелело и принялось обнюхивать ее ногу, потом неуверенно куснуло ботинок. Нога дернулась. Зверь отскочил, но тут же приблизился вновь, примеряясь вцепиться как следует. Вдруг он насторожился и с досадой отскочил прочь – со стороны темного павильона приближались две фигуры. Зверь привык довольствоваться ослабев-

шими от ран животными или падалью, а здоровые и сильные существа были ему не по зубам.

Почувствовав рядом какое-то движение, Нюта с трудом открыла глаза и увидела буквально перед носом две ноги, обутое в сапоги. Потом чьи-то сильные руки перевернули ее на спину, и девушка различила расплывающийся темный силуэт высокого человека в противогазе. Человек склонился над ней, сжимая нож, и Нюта потеряла сознание.

Глава 9

Новый друг

Нюта была очень плоха, поэтому было решено немедленно доставить героиню на Баррикадную, где жил один из лучших врачей метро, доктор Акопян. Считалось, что Оганез Ваганович уступает в мастерстве разве что медикам Полиса. «И то не факт», – добавляли обычно жители станции. Своим врачом они гордились по праву – за время жизни в метро Акопян, хирург по профессии, не только превратился во врача-универсала, но и ухитрялся, оперируя в антисанитарных условиях с минимумом инструментов, спасти совершенно безнадежных больных и даже несколько раз удачно пришить полуоторванные руки и ноги. Сокрушался, правда, что так и не научился пока пришивать оторванные головы.

– М-да, пациент скорее мертв, чем жив, – оптимистично заявил Оганез Ваганович, осмотрев Нюту.

У Кирилла затряслись руки.

– Что с ней, доктор?

– Так сразу трудно сказать. Похоже на сильное нервное истощение вкупе с интоксикацией. Отравление каким-то веществом паралитического действия. Ну, пару сломанных ребер, контузию и ушибы по всему телу я даже не беру в расчет – если удастся нейтрализовать действие яда, то с этим мы справимся. Хотя, судя по всему, левое ухо нормально функ-

ционировать уже не сможет. Куда хуже рана на предплечье – видимо, через нее яд и попал в организм. Видите, как распухла и посинела рука? Будет чудом, если удастся ее сохранить.

– Ну, полно, доктор, – вмешался один из помощников. – Хватит парня пугать, а то вместо одного пациента у вас сейчас будет два. Вон, побледнел как – того и гляди, в обморок рухнет, а с нашатырем у нас, сами знаете... А ты, дорогой, не путайся под ногами, все равно ничем нам помочь не сможешь. Иди лучше, отдыхай. Завтра придешь.

Кирилл кто-то взял за руку и отвел к костру. Сунули в руку кружку с каким-то алкоголем, он глотнул пару раз, не чувствуя вкуса. И, не допив, провалился в сон.

Едва проснувшись, он бросился в госпиталь, но ничего утешительного не услышал – Нюта все еще была без сознания. Акопян боялся, что она впадет в кому и будет находиться в таком состоянии неопределенно долгое время. Чувствовалось, что врач многого не договаривал, но Кирилл догадывался и сам – долго возиться с такими больными здесь возможности не было. Впрочем, случай был особым – тем же утром на Баррикадную явилась делегация с Улицы 1905 года, на которой наступила, наконец, благословенная тишина. Люди принесли с собой, кажется, все имеющиеся на станции продукты, совершенно точно – все лекарства и даже две чудом сохранившиеся и до ужаса грязные мягкие игрушки. Гости были готовы дежурить около отважной девушки сколько

потребуется и беспрестанно донимали Оганеза Вагановича вопросами, просьбами и даже категоричными требованиями сделать все возможное и невозможное. Наконец тот буквально взмолился:

– Друзья мои, друзья мои! Мне трудно работать в таких условиях. Поверьте, пока я не могу сказать вам ничего определенного. Увы, я не господь Бог, чтобы исцелять словом. Мне нужны нормальные медикаменты, оборудование, а вместо этого я располагаю только самыми примитивными инструментами и крохами давно просроченных лекарств! Но не сомневайтесь, для этой отважной девушки будет сделано все возможное. А вы со своей стороны старайтесь разговаривать с ней, вытягивайте ее обратно, не отпускайте. Нужно, чтобы она сама захотела жить, чтобы она боролась. Только, пожалуйста, не все сразу, по очереди. И это вот... – он покосился на игрушки, видимо собираясь попросить убрать «антисанитарию» из палатки, но потом махнул рукой: – А, пусть будут!

* * *

Кирилл сидел возле Нюты. Она лежала с закрытыми глазами, укрытая простыней, на которой кое-где проступали кровавые пятна. Голова обрита и забинтована, лицо белое до синевы. Парень пытался говорить с ней, но с тем же успехом можно было бы обращаться к мраморной колонне.

На самом деле Нюта находилась в каком-то полубессознательном состоянии, словно сквозь плотный кокон слыша все происходящее вокруг. Она понимала, что лежит в маленькой белой палатке, что ее пытаются лечить. Но чем закончится лечение, девушке было безразлично. Да и вообще, она не понимала, зачем жить дальше.

«Чего они еще от меня хотят? – думала Нюта. – Я сделала так, как они хотели, – пусть и не своими руками, но все же уничтожила Тварь. Теперь, в благодарность за это, могли бы просто дать мне спокойно умереть».

Из разговоров она представляла себе, как ее спасли. Кирилл и один из местных сталкеров поднялись на поверхность и нашли ее совсем рядом с павильоном Краснопресненской, успев буквально в последний момент. Нюта даже помнила, как увидела их. Высокий человек склоняется над ней, беспомощной, это Кирилл. Ей казалось, что она даже узнала нож в его руке, которым парень очень дорожил. Так чего же он хотел – помочь Нюте или убедиться, что она погибла? Может, если бы не ненужный свидетель, он бы ее добил? А теперь ходит к ней, делает вид, что беспокоится, – ведь вокруг люди, нельзя обнаруживать свои истинные намерения. Ну и зачем ей вообще жить, если она никому не нужна? Какой смысл бороться? И зачем он только поднимался на поверхность, да еще до наступления темноты? Стоило ли так трудиться, рисковать, когда проще было оставить ее там умирать. «Да ведь я живучая, – грустно усмехнулась про себя Нюта. – Еще оч-

нулась бы и доползла бы до метро сама. Тогда бы его стыдили, что он ничего для меня не сделал. Надо же было ему притвориться, что я ему безразлична».

У нее то и дело начинались галлюцинации – наверное, продолжал действовать яд. В бредовых видениях ей являлись то баба Зоя, то Крыся, то Верховный. Хуже всего было, когда ей мерещились веселые глаза маленькой гусенички за секунду до того, как по воле Нюты она превратилась в мертвую оболочку. «Люди служат пищей монстрам, а сами монстры идут на корм червям. Вот так и продолжается жизнь...»

Иногда появлялся Макс, но теперь это совсем не радовало – сталкер приходил к ней в длинной замызганной белой рубашке и с трупными пятнами на лице. Тянул к ней руки, звал с собой. Иногда она слышала голос Кирилла: «Нюта, Нюточка, очнись». Но голос был слабым и неубедительным.

«Макс хочет забрать меня с собой, – думала Нюта. – Только почему он такой страшный, бледный, а глаза так злобно сверкают? Если бы он заговорил со мной ласково, я бы, наверное, ни на секунду не задумывалась и ушла с ним».

И однажды ее желание сбылось. Ей померещилось, что Макс сидит возле ее постели и внимательно смотрит, но на этот раз он был в камуфляжной форме и без страшных пятен на лице. Девушка приоткрыла глаза.

– Тебе лучше? – спросил Макс; голос у него тоже слегка изменился.

– Макс, не уходи! – попросила она.

– Конечно, я посижу возле тебя, если хочешь. Но... Я не Макс. Меня Алек зовут.

Нюте трудно было повернуть голову, но она догадывалась – рядом находятся еще люди. Видимо, кто-то из них стал делать парню знаки, и тот поспешно добавил:

– А впрочем, как тебе нравится, так и называй.

Но Нюта сама уже видела – это не Макс: шире расставлены глаза, более пухлые губы. А все же сходство удивительное, и так хорошо, когда он смотрит на нее своими веселыми, любопытными глазами. А когда Алек накрыл ее руку своей, она оказалась такой теплой, живой. Нюта вдруг подумала: «Я же, наверное, выгляжу как чучело! Волосы наверняка грязные, спутанные (не знала, что ее обрили). Интересно, какое у меня сейчас лицо?»

– Хочешь чего-нибудь? Попить или поесть? – спросил парень.

– Хочу зеркало, – прошептала Нюта.

Разглядывая себя, девушка ужасалась: без волос, лицо какое-то зеленое, под запавшими глазами синева, нос заострился. Иные покойники, которых она видела, выглядели куда приличнее. И ей вдруг так захотелось, чтобы Алек увидел ее прежней – такой, какой она пришла на Улицу 1905 года!

С этого часа Нюта медленно, но уверенно пошла на поправку.

Среди прочих посетителей с Улицы 1905 года оказались

Вэл и Мура. Они рассказывали, как все на станции любят и ждут свою спасительницу, передавали приветы от Маши, коменданта и еще кучи каких-то незнакомых людей. Оказывается, какая-то женщина даже назвала в честь Нюты свою новорожденную дочку.

Старик-торговец, приятель Кирилла, чуть только Нюта пришла в сознание, принес ей почитать несколько книг. Нюта пока еще была слаба для чтения, да и Акопян не советовал ей напрягать глаза, но все же девушка выбрала парочку. Одна из них была толстой, в глянцевой, хотя и сильно потрепанной обложке, картинка на которой понравилась Нюте – двое парней и девушка в темных одеждах, с необычными задумчивыми, отрешенными лицами на фоне ночного неба. Темноволосый парень тоже слегка напоминал Макса. Нюте сразу захотелось узнать, что это за люди, в каких они отношениях между собой и что они делают в ночном лесу. Жаль, что, кроме обложки, картинок в книге больше не оказалось, а когда ее увидел Кирилл, то неодобрительно хмыкнул, но сдержался и ничего не сказал. Он вообще теперь старался не спорить с подругой – Оганез Ваганович категорически велел всем не утомлять и не расстраивать пациентку, словно не верил до конца в случившееся чудо.

Врач, конечно, не мог знать, что куда действеннее его скудных лекарств и ухода стал неизвестно откуда появившийся Алек. Он был так похож на Макса, и при этом куда лучше него, потому что не избегал девушки, а наоборот, по-

долгу сидел рядом и разговаривал с ней. Не так, как Кирилл, больше слушая самого себя, а внимательно, как будто все, что говорила Нюта, было необыкновенно умным и интересным. И от его внимания она расцветала – начинала с аппетитом есть, чаще улыбалась. Окружающие, заметив это, старались им не мешать. Стоило появиться Алеку, как все остальные куда-то тактично испарялись. А он садился рядом и с улыбкой брал ее за руку, словно не замечая, какая она страшная. Нюте даже начинало казаться, что она, как и прежде, красива.

И все же, кое-что странное в Алеке тоже было. Например, несмотря на общительность, у него была манера не отвечать на вопросы, которые ему не нравились. Он словно не слышал их. Так что девушка до сих пор ничего не знала о том, кто такой ее новый друг, о его прошлом или семье. Но она и не пыталась настаивать – ей было так хорошо в его присутствии, что Нюта боялась спугнуть это счастливое ощущение. Она все узнает когда-нибудь потом.

Зато сам Алек с любопытством расспрашивал ее обо всем. Сначала Нюта поведала ему о том, что видела на поверхности, потом понемножку стала рассказывать о своих прежних приключениях. Правда, в ее изложении история выглядела несколько по-другому, как будто они с Крысей просто пошли по каким-то делам на Тушинскую, оттуда – на Сходненскую, а там на них напали неведомые существа, и им пришлось по поверхности добираться до другой станции. Нюта решила,

что осторожность, на всякий случай, не повредит. Раз сам Алек ей почти ничего о себе не рассказывает, то и она не станет выкладывать все сразу.

– А на Спартаке ты с самого рождения жила? – спросил как-то парень, и по его интонациям Нюта вдруг догадалась. Он знает все. Наверное, ему рассказал Кирилл. Ох уж эта его подлая манера сплетничать! Наверняка тушинец боится, что теперь станет ей не нужен, и хочет поссорить подругу с соперником. Если она сейчас соврет, Алек будет хуже к ней относиться. Конечно, можно было, по примеру самого Алека, просто пропустить вопрос мимо ушей, но почему-то ей захотелось узнать, что он обо всем этом думает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.